

Жан Кэрол

Русская колонизация: две кавказские дороги

Жан Кэрол

Русская колонизация: две кавказские дороги

УДК 9
ББК 26.89
К98

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Кэрол Жан

К98 Русская колонизация: две кавказские дороги / Жан Кэрол. —
[б. м.] : Издательские решения, 2022. — 240 с.
ISBN 978-5-0056-7541-5

Издание осуществлено при поддержке Горячеключевского отделения Русского
Географического Общества, интернет-проекта «Территории поиска» (Туапсе)
и финансовой помощи от частных лиц, любителей истории и географии Кавказа.

**УДК 9
ББК 26.89**

12+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-0056-7541-5

1894

Биография

Жильбер Лаффаль (Laffaille Gilbert) — французский поэт, музыкант и исполнитель, внук Жана Кэрола. Имея большую коллекцию материалов о своём знаменитом деде, Жильбер со своей сестрой Фанни существенно помогли настоящему изданию. Биография писателя (русский перевод: Александр Худницкий) и обращение «К русскому читателю» написаны им специально для этой книги, с надеждой на понимание и пользу, которую воспоминания французского путешественника принесут любителям истории Кавказа.

Жан Кэрол — литературный псевдоним Габриэля Лаффаля, родившегося в Тулузе в 1848 году. Он вырос в семье коммерсантов, его отец вёл торговлю вином и экзотическими товарами. Жан блестяще учился в доминиканском аббатстве Соррез (г. Тарн), известном качеством своего обучения. Он получил степень бакалавра в 1866 году и отправился в Париж изучать юриспруденцию в Сорбоннском университете. Его родители были достаточно состоятельны, чтобы оплатить Габриэлю и поездку, и само пребывание в Париже. Там он познакомился и позднее подружился с Ги де Мопассаном.

Два года спустя его отец обанкротился после пожара в своём магазине. В связи с этим Габриэлю пришлось задуматься о средствах к существованию и самому зарабаты-

вать на жизнь. Он защитил диссертацию на юридическом факультете в Париже и устроился на работу в типографию в Руане. Он стал писать в газеты и журналы, подписываясь разными именами, что часто встречалось в то время.

В 1874 году он опубликовал свой первый рассказ «Даниэль», фантастическую историю в стиле Эдгара По, воспетого Мопассаном. В следующем году в журнале «Обозрение двух миров» (*Revue des Deux Mondes*) был опубликован репортаж о Салоне изящных искусств в Париже, затем Лаффаль принял участие в драматическом конкурсе со своей исторической пьесой «Патриот», по результатам которого он занял первое место вместе с Вилье де Лиль-Аданом. Жюри этого конкурса возглавлял Виктор Гюго.

Затем начались мрачные времена: в 1877 году умирает отец, Габриэль несчастлив в браке со своей первой женой, жизнь в Руане кажется ему тоскливой. Он знакомится с Гюставом Флобером и пишет ему длинное трогательное письмо, в котором он просит его о помощи. Флобер, который тогда был весьма известным писателем, приглашает его на обед.

Затем в 1879 году он уезжает в Лилль и сотрудничает с несколькими газетами, публикует исторические, фантастические, юмористические повести и рассказы и спорит с Эмилем Золя, которого обвиняет в краже сюжета своей книги «Нана»! Тем не менее, хотя два писателя с разными характерами и вкусами и были соперниками, они помирились только во время дела Дрейфуса, когда каждый из них оказался втянутым в политические события тех времён.

В 1883 году Габриэль Лаффаль переезжает в Париж. Семь лет спустя его роман «Честь уцелела!» был опубликован крупнейшим издателем того времени (Оллендорфом) и получил награду Французской академии. Лаффаль продолжает писать короткие рассказы и повести. Один из них, «Ребёнок», печатается в журналах «Иллюстрация» (*L'Illustration*) и «Популярная жизнь» (*La Vie Populaire*), а позднее будет переведен на русский язык. Второй роман,

«Сестра Жанна», получит награду Французской академии в 1894 году.

В том же году писатель отправился со своим юным племянником Морисом Ле Кором в большое путешествие, описанное в «Двух кавказских дорогах»: их ожидали Австрия, Константинополь, Чёрное море, Тифлис, Новороссийск, Грузия, Кавказ, Абхазия, Крым.

В 1895 году, в связи с завоеванием Францией Мадагаскара, ему предложили стать личным секретарем главного резидента острова Ипполита Ларроша. Он отправился в длительное путешествие и прибыл на Мадагаскар в 1896 году, где прожил почти два года. Здесь он изучает местное население и наблюдает за поведением французов; шлёт свои статьи в парижские газеты и журналы. В связи с острой критикой Габриэля Лаффала по отношению к колонизации острова и жестокому обращению с туземцами генерал Галлиени изгоняет писателя с Мадагаскара.

Жан Кэрол в Новой Каледонии, 1898

Едва вернувшись во Францию, Жан Кэрол отправляется за новыми приключениями: его направляют в Новую Каледонию. Нам сегодня не понять, каково это, полгода плыть на корабле в одном направлении, если, сев на самолёт, мы можем долететь до любой точки на краю света не более, чем за двадцать четыре часа! Он прибыл в Австралию в 1899 году, когда издательство «Ашетт» издаёт его книгу «Русская колонизация Кавказа: две кавказские дороги» во Франции. Благодаря этой поездке в Каледонию Кэрол становится известным репортером и регулярно отправляет статьи о внешней политике в журнал «Время» (Le Temps). Изобличив колонизацию, он бичует ужасы тюрьмы в Ле Бань, и эту критику публикуют в 1903 году, причём делает это за двадцать лет до более известной работы на эту тему за авторством Альберта Лондреса.

Вернувшись во Францию, Габриэль Лаффаль наконец-то может развестись со своей первой женой (ранее развод был запрещен). Он женится на Леонтине Фреми, от которой у них будет ребенок, Морис, мой отец. Это были очень счастливые годы в профессиональном и семейном плане: комедию Жана Кэрала поставил Люсьен Гитри в Театре Ренессанса (Люсьен Гитри был любимым актером царя Александра III, который привел его в Михайловский театр Санкт-Петербурга на восемь лет.). В 1906 году статья о Жане Кэрале вошла во французский энциклопедический словарь (Larousse Universel).

После войны 1914—1918 годов Жан Кэрол не имеет успеха: и время, и вкусы изменились.

Он, безусловно, является человеком XIX века, а тут наступают «безумные годы», Америка, джаз... Но это уже не его мир. Он по-прежнему живёт случайными заработками в ресторанах и рекламных агентствах, что позволяет ему хоть как-то свести концы с концами. Он умер в Шату под Парижем в 1922 году.

К русскому читателю

Мост Александра III в Париже

Путешествие Жана Кароля по Кавказу состоялось в 1894 году, а книга была издана в 1899. Издательство «Nachette» сочло этот период благоприятным: в начале октября 1896 года царь Николай II и царица Александра Фёдоровна во главе российской делегации совершили официальную пятидневную поездку во Францию, чтобы отпраздновать подписанный в 1893 году договор между Францией и Александром III, отцом Николая. Императора принимали широко, два миллиона парижан выходят с овациями! В прессе публикуются статьи в честь России,

царя и русско-французской дружбы. Когда Императорская Чета прибывает на лодке в Шербур, моряки кричат «Да здравствует Царь! Да здравствует Россия! Да здравствует Императрица!»

Весь Париж был украшен. Иллюминации, французские и российские флаги на Елисейских полях, на больших бульварах, в саду Тюильри. Пятиметрового «Русского Орла» водрузили на карнизе фасада Оперы Гарнье, огромное электрическое солнце из 3500 цветных ламп вращалось посреди площади Республики. Газеты пишут, что Париж стал городом фей! Это незабываемое пребывание царя во Франции оставит много воспоминаний, самым впечатляющим из которых сейчас остаётся мост Александра III, пересекающий Сену в центре французской столицы. Николай II заложил в него первый камень, символ франко-русского союза, политического, финансового, военного, промышленного сотрудничества, которое продлится до большевистской революции 1917 года.

Этот щедрый прием, этот знаменитый договор немного затмевают историю отношений между Россией и Францией. Период Антанты — Пётр Великий и Людовик XV, франко-русский союз 1717 года, Союз Версальского договора 1756 года, дружба между Вольтером, Дидро и Великой Екатериной II, Семилетняя война и периоды конфликтов: Французская революция, Наполеоновские войны, Крымская война.

«Две кавказские дороги» были опубликованы за год до всемирной выставки 1900 года, которая соберет в Париже пятьдесят миллионов посетителей. Мост Александра III станет одним из его флагманов. Никаких облаков на небе франко-русских отношений... хотя русским царям никогда не нравился режим республики после Французской революции, и они никогда не смирились с тем, что Людовик XVI был обезглавлен. Рассказ о поездке француза в Россию витает в воздухе времени: нет ничего лучше, чем обеспечить рекламу этой книги.

Надо, конечно, постараться перенестись в это время без радио, телевидения, кино, интернета! Существуют только книги и газеты. Несомненно, издатели требуют от своих авторов живых, живописных рассказов, анекдотов, юмора, позиции, которые могут заинтересовать читателя. Россия далеко, её плохо знают, мало кто из французов говорит на русском языке. Нужно разжечь любопытство читателя. В этом смысле отправить Жана Кэрола в Россию было хорошей идеей: он умеет писать, у него острый ум, он выразит точку зрения честного человека своего времени, любознательного исследователя и грамотного, смелого, стойкого патриота, открытого для других культур, критического и беспристрастного наблюдателя. Он идеальный человек для такого крупного издательства, как «Hachette».

Путешествие начинается из Вены (Австрия), где Жан Кэрол отправляется на Трансевропейском экспрессе в Константинополь (Стамбул). «Август 1894 года. Я еду в страну, которую не посещал уже много веков ни один западник, и один из самых сведущих русских сказал, что эта земля — самая прекрасная в мире». Почему Кэрола отправили именно на Кавказ? В заголовке книги значится «русская колонизация» и добавлено «дневник туриста». Несомненно, эти воспоминания являются частью сборника, посвященного теме колонизации, которая в то время охватывала все страны Европы. Больше нам неизвестно.

С самого начала повествования мы видим, что у автора действительно пытливым умом. И он совершенно не умеет лицемерить! Когда ему что-то не нравится, он так и пишет. Но давайте будем честными, когда ему что-то нравится, он также говорит об этом. Современные люди, мы не привыкли к такой откровенности, и есть вещи, о которых мы никогда не сказали бы прямо. Например то, что пишет Кэрол о русских крестьянах. Похоже, что эти люди были просто несчастными, жили в жалких, антисанитарных условиях, были неграмотными, ослабленными и опустошенными голодом и алкоголем. Сейчас мы

не позволили бы себе судить их и говорить, что они «глупы и ленивы».

Сегодняшнему российскому читателю необходимы некоторые разъяснения, чтобы понять, что Жан Кэрол не имеет априорного негатива по отношению к Кавказу и России, это черта его характера, писать то, что его особенно поражает. Он также пишет и о других странах. Суровый по отношению к русским поселенцам, он также жесток по отношению к французам на Мадагаскаре. Нужно читать между строк: жестокая колонизация, которую он осуждает, была проведена при Александре I, Николае I и Александре II. Поэтому он заботится о том, чтобы защитить Александра III, отдать высокие баллы г-ну Анненкову, а низкие — администрации, унаследованной от предыдущего периода правления.

Жан Кэрол, однако, строго говоря, не является антиколониалистом: скорее, он был бы идеалистически ориентирован на гуманную колонизацию, уважающую обычаи и людей, без ненужного насилия. Кроме того, он не питает иллюзий и считает, что вопросы, поднятые в результате оккупации чужой земли, неизбежно возникнут в тот или иной день. Можно подумать, что он человек парадоксов, но он просто разносторонне воспринимает мир. Искренняя критика одного аспекта вещей не мешает ему восхищаться другим. Он осуждает турецких врачей, грязных и высокомерных, но восхищается портъерами базара в Трeбизонде и турецкой «расой», которая является «самой сильной и здоровой в человечестве», потому что они пьют только кофе без алкоголя! (Французы в то время пили много вина, и абсент наносил ужасный ущерб). На Тбилисском базаре можно найти воров и торговцев хламом, но нет поддельных предметов искусства, потому что «хорошо подделывают только в Париже» Эта маленькая фраза означает, что настоящие мошенники, великие мошенники, специалисты по подделке и лжи — это парижане!

Очень культурный, образованный, он трудолюбив, любит порядок и гармонию, чистоту, трезвость, предпочитает частную инициативу государственным указам. Во Франции закон «Об обязательном государственном образовании» вступил в силу только в 1882 году, поэтому у французов тогда был очень низкий уровень образования. Только элита имела доступ к знаниям. Вероятно, Кэролу трудно было не испытывать определенного чувства превосходства. Некоторые его работы, по свидетельствам критиков, показывают автора категоричным, сухим и резким, на что все ещё влияет суровость его классических, греческих и латинских исследований. Кэрол любит ссылаться на свои исторические, географические, литературные знания и позволяет себе моральные, философские выводы. Об этом можно судить по описанию, которое он дал памятникам в центре Вены в своем дневнике: «Весь австрийский характер проявляется в этих претенциозных и хрупких зданиях с обильным и пустотелым декором, бросающейся в глаза роскошью в сочетании с отвратительной нищетой». Впоследствии, после развода в 1900 году, с его новой жизнью, семейным счастьем, с успехом и признанием, Жан Кэрол смягчится: он станет снисходительным.

Мне довелось прочитать его записную книжку, в которой рассказывалось о свадебном путешествии со своей второй женой в 1901 году. Так вот, описание некоторых гостиниц в Бретани в то время очень похоже на описание гостиниц на Кавказе 19-го века! Бретонская сельская местность была очень бедна, как и в некоторых частях Ирландии, Италии, Сицилии или Испании. Ничего общего с Парижем с его роскошным мостом Александра III!

Жан Кэрол любит природу. В юности он путешествовал по горам Арьежа в Пиренеях, дикой, нетронутой стране, которую он вспоминает при виде пейзажей Кавказа. Он любит и знает растения, животных, но вместе с тем восхищается научно-техническим прогрессом, со-

временными вещами против тех, что остаются в древности.

Он увлечен новороссийским элеватором, но сохраняет ностальгию по простым нравам прошлого, пастырским обществам, пейзажам своего детства. Вероятно, именно по этой причине он так впечатлён Новоафонским монастырем, его идеальной организацией и трудничеством. Там он находит простоту некоторых аббатств Арьежа. Тщательное описание этого монастыря сегодня является ценным документом. Кэрол видит в нём символ образцового порядка: сочетание гармонии, труда, поддержания, милосердия, гостеприимства, аскетизма, избегания роскоши и почестей, «настоящую Республику равенства».

Описания обычаев, ландшафтов, одежды, рынков, черкесов или абхазов в конце 19-го века сегодня для нас гораздо интереснее, чем соображения автора об умах тех или иных людей. Особенно когда Кэрол позволяет себе обобщения типа «у грузин, мингрелов и имеретин большие носы, потому что они пьяницы и бездельники, что является причиной их вечного рабства...». Это сказано опрометчиво! К счастью, мы больше не думаем так, и не судим о характере по внешнему виду.

Я определенно предпочитаю живописные замечания, наброски, сделанные на ходу: интересно узнать, что цена трёх килограммов раков равнялась чистому полотенцу в гостинице, или что красивый петух-фазан стоил как аренда чистой простыни для кровати!

Еще один последний момент, возможно, немного неясный для современного российского читателя: в какой-то момент Жан Кэрол цитирует стихотворение Виктора Гюго «Сен-Арно»:

*Старый уродец с большими глазами
Чарует Европу своими рублями*

Эти слова о России следует вложить в уста генерала Хонни Сен-Арно, который возглавил переворот Наполеона III, посадил его на трон и закончил маршалом Франции. Гюго ненавидел Наполеона III и заставил генерала, которого также называл «шакалом», говорить это.

Рассказ о путешествии, кажется, заканчивается внезапно. Удивительно, что Жан Кэрол не написал Эпилог, чтобы рассказать о своей поездке домой и сделать моральные выводы из этой поездки. Но, может быть, он это сделал? Когда издавались «Две кавказские дороги», автор находился на другом конце света, в Австралии, и он не мог внести последние изменения и исправления в эту книгу. Возможно, редактор вырезал какие-то части текста, которые он считал слишком длинными. Но это всего лишь предположение.

Есть ещё один нерешённый вопрос. Жан Кэрол во всех путешествиях возил с собой целую фотографическую лабораторию, как это видно на одном из его снимков в Каледонии. Однако я не могу различить, какие фотографии в этой книге его собственные, а какие взяты из других источников. Портрет мингрельского гида, верного и мудрого Ростомы, безусловно, является фотографией, сделанной самим Жаном Кэролом, но могли ли женщины, грузинки или армянки позировать для него? Сомневаюсь. Я не представляю, чтобы Кэрол просил об этом у них или, тем более, чтобы мужья этих дам согласились на такое! Поскольку в то время не было авторских прав на фотографии, иллюстрации в этой книге, несомненно, представляют собой смесь фотографий, сделанных Жаном Кэролом, и другими авторами. Также я не знаю, откуда взяты карты. Сам Жан Кэрол очень хорошо рисовал, но с таким же успехом это могут быть рисунки, сделанные редактором на основе карт, нарисованных автором.

С другой стороны, я подтверждаю историю о ванне для ног с самоваром: дедушка рассказывал её моему отцу, который рассказал мне, уточнив, что деду не раз случалось

просить самовар в свою комнату, когда нужно было помыться! Приезжая в гостиницы без каких-либо удобств, Жан Кэрол заставлял своего гида-переводчика говорить хозяину, что французы очень любят чай, и что они его очень много пьют. Он просил, чтобы приносили целый самовар, и был рад, что после целого дня езды на лошади можно помыться горячей водой!

Русский перевод «Двух кавказских дорог» появился в 2022 году, через сто лет после смерти автора в 1922 году. Моя сестра Фанни Гийон-Лаффаль и я, внуки Габриэля Лаффалья / Жана Кэрола, искренне благодарим Марину Спасёнову за идею перевести и опубликовать эти воспоминания.

Gilbert Laffaille, Paris 2022.

Предисловие

Завоевание Кавказа русскими — одна из самых трагических глав в истории жестокостей нашей цивилизации. Шестьдесят лет открытый террор и изобретательный деспотизм преодолевали сопротивление, которое отважные горцы с обоих концов горной цепи оказывали захватчику. На востоке ему противостоял Абд-аль-Кадир¹ в лице Шамиля. На западе, у черкесов, проявился другой вид героизма: протест целого народа, который, защищаясь до последнего патрона, эмигрировал полностью, как один человек.

Понимают ли черкесы, что их жертва теперь отомщена? Что наследие, оставленное победителям, станет ареной полного административного бессилия, что не сбудутся никакие планы, способные оправдать насилие завоевания, что завоеватели, имея в руках чудесную страну, не умея пользоваться ею, отдадут её во власть природы?

Во всяком случае, исход гордых черкесов доказал, что колонизация — даже когда речь идет о богатой стране, даже когда победитель обладает неисчерпаемыми ресурсами для поселения — совсем не лёгкая задача, если не удастся обеспечить себе помощь туземцев. В некоторых климатических условиях это необходимо, особенно когда экспедиционные армии приводят за собой легионы колонистов, чего никогда не было, даже в России. Поэтому, во-первых, как бы ни сопротивлялся народ, в область которого они вторгаются, нужно относиться к нему с большей гуманностью, нежели то ожесточение, с которым он защищается, чтобы показать ему, что превосходство силы идет рука об руку с превосходством морали и тем самым убедить его

¹ Национальный герой Алжира, предводитель борьбы против французского колониализма.

принять непривычные законы; во-вторых, необходимо сплотить его, предоставляя различные компенсации, открывая горизонты, которые сможет охватить его интеллект. Победённым честно может считаться только тот, кто равен в степени цивилизации своему победителю. Черкесы и сами бы покорились, если бы, во-первых, русские не устроили бы им беспощадную войну, эпизоды о которой мы может прочесть у Льва Толстого и других писателей, и, во-вторых, если бы генерал-губернатор в порыве гнева не издал бы указ об окончательной победе 1864 года. Это было неуклюжим шагом и воспринялось черкесами как вызов, в результате которого все они эмигрировали.

Необходимое и само по себе хорошее дело колонизации всегда было затруднено, задержано, а иногда и окончательно подорвано предубеждением всех государств-колонизаторов, заключающимся в том, что грубая сила является единственным аргументом, с помощью которого можно покончить с туземцами. Последние примеры этой плачевной системы мы видим в Мадагаскаре, разорение которого, как подозревают сегодня, ещё аукнется завтра.

В Алжире, Тонкине и на Мадагаскаре мы высоко ставили себя, отчуждая туземцев. С Кавказа же их просто выгнали. Что это была за тактика? Увидим позднее. Спешу заметить, что приведённые события случились давно, но с 1864 года Россия продолжает расширять свои завоевания с помощью меча, что у нас всегда приветствуется. Она применяет новые методы экспансии, которые, стремясь прославить французский флаг, наше правительство не применяет. Метод медленно проникающего «масляного пятна» совершенно не работает на Востоке: я проехал всю страну между Новороссийском и Кале, родину черкесов и абхазов, где ныне хозяйничают русские.

Но природа сама отвоевала у них эту землю. Нет ничего труднее, чем путешествовать по обезлюдевшей и лишённой средств связи местности. Я побывал там слишком

рано. Великая дорога, начатая после завоевания, еще не была закончена, и я полагаю, не закончена до сих пор.

Фактически, полмиллиона эмигрировавших в 1864 году черкесов были заменены двумя-тремя тысячами русских крестьян и полусотней чиновников, расселенных по прибрежным сёлам Геленджик, Пшада, Джубга, Ольгинская, Туапсе, Лазаревская, Головинская, Сочи и Адлер — пристани, куда приходят, очень нерегулярно, катера Русской судоходной компании. В этих поселениях — ни души, ни культуры. И чиновники, и жители подорваны лихорадкой, постепенно приводящей человека в состояние скелета. Эта часть страны заслуженно пользуется репутацией самой лихорадочной точки мира.

Должен ли я добавить, что не встретил там и трёх предприятий, не считая пяти или шести прекрасных винодельческих хозяйств, расположенных на побережье, благодаря инициативе крупных сеньоров-миллиардёров (в частности, Его Величества Царя).

Вот и всё, что получила Россия за 30 лет колонизации! Эта плачевная ситуация весьма легко объясняется. Во-первых, вместо того, чтобы заменить выселившихся автохтонов миграцией некоторых российских подданных, например, армян, имеретин, мингрелов, способных жить в таком климате, правительство обратилось к малороссам, то есть к существам, наименее способным к работе в атмосфере южной страны. Это было «великолепно», сначала дать им большие земельные и налоговые уступки, а затем бросить только на собственные силы. К подобным результатам и приводят эмпирические процессы колонизации. Во-вторых, необходимо было сразу начать строительство путей сообщения, портов, чего или не было сделано, или сделано недостаточно, что является просчётом администрации.

Дорога от Новороссийска до Сухум-Кале (это около 600 верст) особенно необходима. Если бы она была построена таким образом, чтобы соединить все крупные

поселения на побережье, и через некоторые интервалы уходить в горы, чтобы соединиться с малыми черкесскими тропами, то стала бы мощным инструментом освоения провинции. Кроме того, она обеспечила бы России второй путь торгового и военного сообщения со своими закавказскими владениями. До сих пор через великую стену Понт-Каспийского перешейка существует лишь одна дорога — Военно-Грузинская. Несомненно, это — чудо технического искусства, но местами очень опасное, подвержено непогоде и обслуживает беднейшие горные районы. Однако она соединяет две важные точки — Владикавказ и Тифлис, которые сами по себе являются торговыми центрами Центрального Кавказа и Закавказья, поэтому эта дорога проявит все свои преимущества только тогда, когда превратится в рельсы, и медленные караваны казаков и верблюдов заменят паровозы. Дело это, хотя и представляет огромные трудности, но уже решается и нет сомнений, что осуществится. Вторая важная дорога, после вышеуказанной, идёт вдоль берега, начинаясь на севере в Новороссийске.

Один из мостов в лесу

Новороссийск — морской порт с большим будущим, несмотря на неудобства *бора*, который часто утомляет его рейд. Город удобно расположен, чтобы служить главным выходом для продуктов Таврического полуострова; он связан железнодорожными путями со всеми торговыми районами, со всеми сельскохозяйственными регионами Юга России. Придя в Сухум, прибрежная дорога должна соединяться с Потти и её ответвлениями, пронизывающими всю Колхиду. Русское правительство приступило к этой работе сразу после того, как эти земли были «замирены», и если за тридцать лет она ни в чем не преуспела, то значит, что... русская администрация гораздо хуже французской. Она накапливает ошибки за ошибками, проявляет удивительную неисправимость и полное отсутствие практического смысла.

В это же время между различными областями возникали неслыханные трудности, так как они были изолированы друг от друга, ожидая полной расчистки дороги. И наконец, те немногие работы, которые были выполнены, недостойны хорошего отзыва о русских инженерах.

Пока мы наблюдали за жалкими попытками строительства, посреди этой пустынной страны, через девственные леса, гигантские кручи, грозные пропасти шла чудесная работа по прокладке англо-индийского телеграфа — порученная, само собой разумеется, не московской администрации.

Я не говорю, что это легко — построить дорогу по зыбкой местности, которая часто вымокала из-за ливневых дождей и проходила под склонами, с которых рушились огромные глыбы. Но ведь почти везде под рукой был камень, и это существенно облегчало работу.

На самом деле, главной помехой, о которую тридцать лет ломались копы, было отсутствие рабочей силы. Этого администрация никак не могла предусмотреть. Вполне вероятно и то, что предприятие не сделало бы ни одного шага без вмешательства выдающегося деятеля генерала Ан-

ненкова, автора Транскаспийской железной дороги. В 1892 году Анненков добился того, чтобы взять под личную ответственность продолжение дела, которое можно было считать пропавшим. Министерство путей сообщения выразило протест, но, в конце концов, позволило вырвать у себя эту прерогативу. Что только не отберёшь у этого убогого министерства, которое, к счастью, не особо тщеславно! Вот и Минфин изъял у него ряд крупных объектов, в частности, Каспийскую железную дорогу; каждый что-то отрывает благодаря постоянной вражде, которая существует, как говорят, между имперскими министерствами, и большинство русских соглашались с тем, что это делается на благо государства.

Как француз, любящий ясность, порядок и гармонию, я признаюсь, что не понимаю этого. Если только не иметь в виду, что крупные компании, доверенные инициативе частных лиц, имеют в России гораздо больше шансов быть реализованными, когда администрация благоволит к ним: тогда я всё понимаю, потому, что то же самое происходит и у нас.

Добавлю, что в вопросах колонизации нельзя использовать частную инициативу во всём, что касается больших работ, и особенно тех, которые уже начаты. Прежде всего, нужно использовать туземную рабочую силу при столичном капитале, в этом и есть секрет колонизации. Остальное — только эмпиризм и пускание пыли в глаза.

Со всей своей решимостью, которую ничто не ограничивало, генерал Анненков заявил, что он нашел необходимые рабочие ресурсы. Их должен был обеспечить... голод, опустошивший тогда большую часть империи. Катастрофа, осложненная эпидемией тифа, началась к концу 1891 года. Частная благотворительность, весьма пламенная в благочестивой России, шла изо всех сил на помощь скудным попыткам правительства справиться с трудностями, с которыми оно всегда сталкивается при осуществлении срочных действий на бескрайних просторах своей

территории. «Все, что мы делали, лишь едва могло смягчить ужасное бедствие крестьян, — писал очевидец, — кроме муки, которую им раздают, им нечего есть. Нет ни молока, ни капусты, ни картошки, ни овощей, ни травы. Этот твёрдый чёрный хлеб они поедают сухим; и при этом необходимо умерить свой аппетит, чтобы дожить до конца месяца».

Г-н Анненков, не будучи сторонником государства всеобщего благосостояния даже во времена голода, возможно, не ошибся, доведя свои взгляды до крайности, когда речь шла о такой ленивой, непредсказуемой и неблагодарной ко всякому благодеянию, такой же глупой и, честно говоря, совершенно неинтересной расе, как русский мужик. Во время голода 1892 года происходили вещи, которые были бы отвратительны, если бы истинное евангельское милосердие, которое многие люди практикуют в России, не возвышалось над человеческими злодеяниями, претерпевая всяческие неудачи.

Генерал подумал, что было бы моральнее и практичнее прийти на помощь несчастным, нагрузив их полезной работой. Дважды он перевозил 25000 голодающих крестьян по дороге в Новороссийск, используя их в качестве землекопов. В то же время он вербовал армянских и персидских рабочих, чтобы использовать их в жаркий сезон. Начали с зимы, которая очень коротка в этих странах; в холодные дни добывали, готовили материалы. В феврале пошли энергичные работы, которые выполнялись в два этапа: в умеренный сезон работали русские, в тёплое время — более привыкшие к этой климатической зоне кавказцы, которые к тому же назначались на самую тяжелую работу. Именно они дробилом и динамитом вырубили шестнадцативерстовый карниз в скалах Гагры, являющийся чудом дорожного строительства.

Нигде, я бы сказал, лихорадка не бывает так ужасна, как на восточном побережье Черного моря, но — как констатировал доктор Ковальский в своих научных изотерми-

ческих наблюдениях — она по-настоящему свирепствует только в течение трёх летних месяцев, когда генерал не привозил рабочих из России. Поэтому из этих 25 000 человек было очень мало больных. Кроме того, Анненков оказал содействие Тифлисскому Красному Кресту, который славился качеством своего управления. С самого начала работ эта компания учредила на главных пунктах строительства палаточные госпитали на 500 мест, но там никогда не лежало более 100 человек одновременно.

Рабочие проходили обучение сапёрному делу. Все бригадиры были военными. Для перевозки продуктов и инструментов к разным причалам был нанят пароход «Игорь». Но трудностей было ожидаемо много. Первое, с чем столкнулись, были две грунтовые дороги, с одной стороны, между Новороссийском и Геленджиком, с другой — между Новым Афоном и Сухум-Кале. Эти два участка, в том числе первые пять ярдов Новороссийско-Геленджикской части (вплоть до цементного завода), находились в жалком состоянии. Сначала потребовались работы по ремонту развалин, вызванных административным равнодушием, заполнению колеи и так далее, чтобы можно было хотя бы переправлять продовольствие рабочим.

Еще одна трудность — совершенно непредвиденная — была вызвана холерой. Мы помним, что в этот ужасный год холера завершила бедствия голода и тифа. Эта беда началась с Астрахани. Злые языки (некоторые из них есть в московской верхушке) утверждали, что холера развязалась по вине администрации, которая совершила неловкость, эксгумировав кучу вещей и целый походный инвентарь, который когда-то использовал граф Лорис Меликов, чтобы остановить хаос другой эпидемии. Значит, их сохранили без предварительной очистки? Действительно, это было бы верхом административной халатности! Мне с трудом верится в это, и я предпочитаю думать, что злые языки перешли границы мщения.

Тем не менее, народ — как это бывает в таких условиях — сначала был очень впечатлѐн, и вскоре эмоции, перешедшие в панику, привели к серьезным беспорядкам. В Астрахани вспыхнули бунты, были убиты врачи, казаки с трудом сдерживали толпу. Врачей обвиняли в том, что они вводили яд в уколы, которые они делали больным, или приказывали похоронить их всех живыми. В общем смятении не побоялись утверждать, что царь продал Англии право обезлюдить с помощью холеры четыре провинции русской территории. Во Франции, даже в самые жестокие периоды, народное воображение не обладало такой силой.

Печальные события, произошедшие на севере, докатились вплоть до побережья Черного моря, до Новороссийска, где две или три тысячи рабочих (в основном персов) были очень деморализованы. В их бригадах вспыхнули два-три случая холеры, что всколыхнуло всех. Было сложно налаживать работу и восстанавливать дисциплину. Это привело к большим задержкам, а торговля понесла значительные убытки.

Третьей проблемой стало отсутствие тягловых животных. У крестьян на побережье было мало волов, мало лошадей, они брали их напрокат за большие деньги. Я лично знаю об этом, имея дело с ними для перевозки моего каравана, когда я путешествовал по этой стране. Однако дорожные работы требовали большого количества тягловой силы.

Генерал Анненков заключил контракт с торговцем быками из Екатеринодара, столицы соседней Кубанской области. В принципе, это была хорошая мысль, потому что здесь выводится превосходная порода волов, неправильно названная черкесской. Кроме того, по мнению генерала, скот должен был использоваться, независимо от транспортных целей, для снабжения мясной лавки. Прокормить эту армию рабочих на земле, которая фактически является самой плодородной в мире, но которая, обезлюдившая

и пролежавшая «под паром» 34 года, было большой проблемой.

К сожалению, екатеринодарские волы, прибывшие из сухого степного климата, не выдержали влажной атмосферы побережья. Кроме того, началась эпизоотия. Что было причиной — вопрос сложный. Одни утверждали, что зародыш болезни существовал в стаде на момент покупки, другие — что кубанский скот заразился обычными бычьими болезнями, свирепствующими между Новороссийском и Сухумом. Как бы то ни было, я думаю, здесь не хватило предусмотрительности. Не хочется раздумывать, когда надо сделать что-то побыстрее. Спешка — главная ошибка генерала Анненкова. Борясь с медлительностью администрации, он впал в другую крайность. Но быстро и хорошо — это не взаимоисключающие понятия. Иногда скорость — условие хорошо сделанного дела. Анненков был великим тружеником и сильным руководителем, но всему существу есть мера, ему мешала излишняя самоуверенность.

Противники генерала много обсуждали этот случай. Сначала слышались речи о том, что гибель волов (они пали почти все) стала настоящим финансовым крахом, хотя вряд ли государство понесло большие убытки, так как побережье без того было довольно рискованным направлением для поставщиков. Затем стали заявлять, что освоение региона, где не может жить импортный скот, в принципе невозможно. Но опыт показал, что выжившие волы довольно быстро акклиматизировались и уже в первом поколении обеспечили хорошую пищу и работу в условиях побережья.

Но нельзя подменять собой целый государственный корпус, не пробудив в нём ревности. Особенно не льстило (как выразился сам Анненков) выполнение за несколько месяцев того, что потребовало бы лет пять-шесть, отчего генерал подвергся насмешкам противников. Но в какой-то мере недоверие было оправдано: через два года работ до-

рога на большое количество вёрст всё еще существовала в непригодном для автомобилей виде и едва подходила для всадников и пешеходов. Хотя Анненков не хотел с этим соглашаться. А как же иначе? Каменная кладка широкой проезжей части в горной стране требует римского стиля: это почти строительство. Возникают неожиданные трудности, например, транспортировка паровых катков по болотам невозможна с помощью подручных средств.

Но если насмешки и обоснованы, то не всякая критика полезна. Противники грешили отсутствием объективности. Ничего не было сказано о продовольствии и инструментах. Среди прочего существует легенда, которая представляет Анненкова среди армии рабочих, голодающих в течение двух недель, с пачкой чая в руке (уточняя, бренда «Поповъ») и говорящего: «Дети мои, я накормлю вас!». Это, конечно, несерьёзно и очень символично. Вот что следует из информации, которую я собрал от нескольких поселенцев и инженеров: по прибытии, рабочие нашли всё необходимое — и мясо, и муку. Они могли сразу же поесть хлеба, еды было на месяц. Можно только восхищаться этой организацией, когда на побережье не всегда можно причалить, особенно зимой, когда суда Русской навигационной компании, единственной, обслуживающей этот район, проходят без остановки. Несмотря на все принятые генералом меры, пристать не всегда удавалось, это была сложная проблема, которую вряд ли кто другой мог бы решить лучше. Совершенно несправедливо утверждать, что генерал Анненков привёз 25000 человек, чтобы они умерли здесь, когда именно по его зову они пришли на побережье, чтобы спастись от голода.

Другая легенда гласит, что рабочие долгое время оставались без инструментов. На самом деле Анненкову пришла в голову идея снабдить как можно больше рабочих инструментом, производимым в деревнях. Генерал хотел, чтобы и те трудолюбивые крестьяне, также страдавшие от голода, могли бы заработать на деле, ведущемся вдале-

ке от них. Однако, как известно, русские железные дороги оставляют желать лучшего в смысле устойчивости к тряске от дизелей. Поэтому орудия, заказанные в деревенских артелях, немного запоздали. Ждать их пришлось, сложа руки, дня три. В этом не было ничего катастрофического. Если бы даже они задержались дольше, можно было бы телеграфировать в Ростов-на-Дону, крупный город, достаточно военизированный, чтобы предоставить необходимую оснастку для земляных работ.

Наконец, противники ныне покойного генерала считали, что тот преследовал две цели: во-первых, работники, как бы худо-бедно они не жили, заработали кое-какие деньги, а во-вторых — освободили от 25000 ртов свою голодающую область, откуда они прибыли.

Что же касается дороги, то если генерал и не смог её достроить, то по крайней мере вывел из того бесформенного состояния, в котором она пробыла тридцать лет. Добавлю, что он показал правительственным инженерам настоящий урок искусства и техники.

Предложенный Министерством маршрут, который так и не был воплощен, проходил как можно ближе к устьям рек, так получался более короткий путь. Но проходящая по малярийным местам дорога обеспечила бы полный провал колонизации побережья. Анненков напротив, старался удалять полотно от антисанитарных районов, где это было возможно. Во многих местах и на большой протяженности проезжая часть проходит в нескольких километрах от берега, разворачиваясь среди прекрасных пейзажей, где веками проживало полмиллиона черкесов.

Эта дорога выигрывает благодаря простоте и широте кривых. Нет никакого сравнения с маленькими опасными участками, крутыми поворотами, где я едва не свалился раз двадцать, и которыми так гордилась администрация! Почему же автор Транскаспийской железной дороги не сумел сам довести до конца дорогу Новороссийск-Сухум, почему ему подрезали и не выдали кредиты? Здесь есть при-

чины особого порядка, которые я даже не буду указывать, потому что они вышли бы за рамки этого исследования.

Прежде чем сделать вывод, важно объяснить причину недочёта, который генерал специально оставил в своих работах и который вызвал слишком злобные насмешки его противников. На шестистах верстах пути между Новороссийском и Сухум-Кале встречается не менее 2300 рек: малых и больших ручьёв. Говорили, что господин Анненков наметил красивую дорогу, но забыл поставить на ней мосты. Так вот, он не забыл, а предусмотрел, что в течение еще нескольких лет на такой дороге мосты будут не нужны. Остаётся вопрос, возможно ли будет когда-нибудь их поставить? Некоторые крупные реки, несаясь среди скальных ущелий, приносят огромные стволы деревьев, при столкновении с которыми ни одна прочная конструкция не выдержала бы. На одном из участков проезжей части, проложенной правительством, — между Сочи и Туапсе — есть восемь рек; через самую широкую был перекинут мост, и он медленно сползал в море. Теперь, чтобы восстановить его, тщетно предпринимаются попытки высушить грунт с помощью паровых насосов, которые работают без перерыва. По крайней мере, так было, когда я проезжал мимо. Правда, с современным гением все возможно, если не отступать ни перед какими расходами.

Но, чтобы построить все шестнадцать мостов-шедевров, в которых нуждаются шестнадцать действительно опасных участков дороги, потребовалось бы много миллионов рублей. Оправдывает ли нынешнее состояние побережья такие жертвы? Анненков считал, что надо отложить мосты на более или менее отдаленное время, когда правительство станет внимательнее относиться к нуждам края. Он мог быть прав, как вполне мог ошибаться. Цель оправдывает средства, но я полагаю, что развитие колонизации в этой стране, столь опустошенной тридцатилетней стагнацией, вряд ли будет определяться до тех пор, пока

не будет большой, сплошной, непрерывный путь, обеспечивающий проезд в любое время.

Мне скажут, что на больших реках броды открыты девять месяцев в году, а непроходимы они всего три. Но три месяца — это много! Также мне рассказывали, что существуют паромы, на которых можно пересечь реку во время половодья, я видел эти бункеры и не думаю, что они достаточно быстры и безопасны, чтобы транспортировать необходимое количество караванов, следующих по дороге.

На мой взгляд, пока здесь не будет организовано постоянное нормальное движение, лучшим транзитом будет оставаться объезд через Владикавказ и Тифлис. А значит возможности, которые можно было бы использовать, будут упущены. Для торговли между Закавказьем и Центральным Кавказом будет существовать лишь одна дорога, что совершенно недостаточно! Для этого региона и всей Российской империи важно, чтобы прибрежная дорога была закончена. Если нужны деньги — Франция их даст, мы ни в чем не отказываем своим друзьям.

Практически, эта Колхида — самая богатая страна в мире! Если русские захотят, они найдут здесь золотое руно. Я бы отдал четыре Мадагаскара за эту узкую полосу земли между Новороссийском и Сухумом! Здесь есть настоящие железные, медные и цинковые рудники, неисчерпаемые леса, где разнообразные виды деревьев достигают невероятных размеров, плодородные земли, не требующие никаких усилий, водопады на каждом шагу, всё, что только может собрать и переработать человеческая промышленность. Давным-давно Элизе Реклю указал на восточное побережье Черного моря как на лучшую из многих известных ему точек земного шара и предсказал ему высшие экономические судьбы. «Бухта Туапсе — писал он еще 20 лет назад, — имеет в себе лишь простую деревушку, но, может быть, именно там поднимется важнейший торговый город на побережье».

Я не могу объяснить того, что в России, по крайней мере, на Кавказе, есть целая партия (действительно ли партия? скорей небольшая группа) людей, убеждённых, что эта страна не подлежит колонизации. Это желание отрицать очевидное. Они приводят в пример лихорадку; но есть много других колоний, где она свирепствует, и где отважные колонисты приспособляются

к этому злему заболеванию! С другой стороны, оздоровление крупных лихорадочных очагов, расположенных в устьях рек, — работа не выше человеческих сил; предприятия подобного рода довольно успешно проводились и на сухумской стороне, и в других местах. Еще говорят, что русские крестьяне никогда не решатся приехать и заселить этот край. Это вполне возможно, это даже наверняка. Небольшое число людей, которые в нем участвовали, служит примером весьма нерадостного нравственного бедствия. Русский крестьянин не только апатичен и фаталистичен: он еще и очень консервативен. Его отцы всегда занимались выращиванием пшеницы, поэтому он предпочитает зарабатывать на жалкое существование, выращивая пшеницу, чем обогащаться, возделывая виноградник или фрукты. Но разве среди ста двадцати миллионов подданных царя одни малороссы?...

Сторонники привлечения добровольцев, которое до сих пор так мало удавалось, приводят в пример поселение на Новом Афоне. Несколько лет назад на побережье, между Сухумом и гудаутской пристанью, был основан монастырь, подчиненный Афонскому правлению. Монахи расчистили и наполнили садами огромную территорию, которая становится прекраснее с каждым днём. Они создали невероятные чудеса, какие только можно было получить от нетронутой земли. Без учителей и специалистов они узнали ресурсы этой страны и немедленно воспользовались ими. Так вот, почти все 600 новоафонских монахов — русские крестьяне в религиозных одеждах!

Но не следует забывать, что эти крестьяне стали монахами, посвятив себя законам послушания и труда, и не стоит мечтать, что можно требовать и от обычных колонистов дисциплины, трезвости и отвержения от мира. Надеясь на результаты, полученные группой монахов-земледельцев, мы вовлекаемся в заблуждение химерами.

Хотя пример Нового Афона и показателен, он не может убедить противников колонизации страны, которую я называю Эдемом Кавказа. Его нельзя давать в качестве образца колонистам, искренне желающим разбогатеть. Но доказательство, данное монахами Нового Афона, подтверждается и другими примерами: это царские дачи и имения барона Шенцеля, полковника Квитко, господина Беликова, расположенные на побережье, тем более подчёркивают великолепие края, что возникают внезапно среди пустыни, где не ступала нога человека. Это производит на путешественника странное впечатление, как если бы, пересекая Сахару, он увидел внезапно возникший из песка роскошный современный город. Да неужели не найдётся способа привлечь сюда хоть малую часть переселенцев, которые могли бы вдохнуть в эти унылые пустыни дыхание жизни?

Опять же, необходимо закончить проезжую часть, понести все необходимые жертвы, чтобы навести мосты, водопропускные трубы, а затем сразу же установить почтовую службу. Тогда не будет ничего проще, чем проложить там железную дорогу. Маршрут так хорошо продуман, что на нём без особых затрат можно построить самую красивую горную железную дорогу! Позволю себе сказать, что сторонники колонизации нашли решительного сторонника в лице министра сельского хозяйства, так пусть они не будут разочарованы.

Если их и мои желания сбудутся, то большой туризм, стремящийся к новизне, не замедлит дополнить средства к процветанию побережья. Оно бесконечно красивее Лазурного Берега и надолго останется привлекательным.

Но прежде, чем в Гагре или Гудауте появятся гостиницы, еще не раз зацветут розы Нового Афона.

Через цепь

В Чёрном море

Август 1894 года. Я нахожусь в незнакомой, вернее, забытой стране, которую на протяжении веков не посещал ни один представитель западной цивилизации, и которую ни один из просвещённых русских не описал, как самую прекрасную на свете. Это — полоса суши между склоном кавказского хребта и восточным побережьем Черного моря. Наши друзья русские захватили эту страну более тридцати лет назад, чтобы завершить установление своего господства над всем Понто-Каспийским перешейком, и с тех пор они пытаются колонизировать его, впрочем, не добившись в этом заметного успеха.

Но, прежде чем добраться до тех мест, где такой скромный турист, как я, сможет принять некий облик исследователя, необходимо совершить большой объезд через Кавказ, пройти хребет с юга на север, между Тифлисом и Владикавказом, и вернуться в устье Кубани через страну казаков. Я прощаюсь с Босфором, о котором написано довольно много, и отправляюсь в Батум на славном корабле «Австрийского Ллойда», капитан которого проводит время, вертя металлические безделушки. На его борту царит сама свобода. Здесь нет ничего похожего на нелепые и витиеватые законы некоторых компаний, которые считают свои лодчонки плавучими салонами.

Навигация у Ллойда демократична. Несомненно, правила существуют, но они похожи на свод мёртвых законов, к которым прибегают только в тяжёлых случаях. Как раз такой случай возникает при нашем отправлении. Я слышу ропот пассажиров, что капитан нашей «Леды» лишает нас доброй половины первой палубы, разместив на ней толпы

турецких женщин и детей, которым не нашлось места в трюмах. Предлагают даже сбросить их в море. Эгоизм в путешествиях превращается в свирепость. Но я одобряю капитана: во-первых, эта куча тряпок очень живописна, особенно во время приёма пищи, а во-вторых, поселяет на мне маленьких паразитов, что важно для привыкания к атмосфере, где мне предстоит прожить несколько месяцев.

Путешественников на Чёрном море обслуживают еще две компании: французская и русская. Французы, «Messageries Maritimes», обслуживают, как и Ллойд, только линию Константинополь-Батум. Она использует там самые старые суда своего флота, после того как они долго бегали по Тихому и Индийскому океанам. Русские продлили свой путь за Батум и поднялись до Одессы, следуя по восточному побережью и минуя Крым. Его корабли, где я не раз брал проход, построены по самым современным стандартам, то есть наиболее комфортны. Здесь царит роскошь, неведомая нигде: ковры, дерево, бронза, мрамор, инкрустированный золотом. Персонал, обслуживающий пассажиров, и днем и ночью носит чёрную одежду и белый галстук, самодоволен, и был бы вполне галантен, если бы у него не было привычки сморкаться в пальцы.

От Босфора, который расположен на «пятке», до Батума на «носочке» мы будем шествовать, качаясь, через всю подошву «туфельки», которой, в стиле Мольера, изображается Черное море. Последовательно мы причалим в Инеболу, Синопе, Самсуне, Керасунде и Трапезунде. Кажется, что трёх дней достаточно, чтобы совершить этот обход, но на самом деле — восемь. Не то, чтобы «Леда» плохо шла, но в каждом из портов мы имеем дело с турецкой таможней, которая ведёт себя как самодовольная принцесса. Она выдаёт разрешение на посадку-высадку только с восьми утра до четырёх вечера, и если вы прибыли в пять минут пятого, то будете обездвижены до восьми утра следу-

ющего дня. Как нарочно, «Леда» всегда бросает якорь именно в пять минут пятого.

Горный хребет, который непрерывно возвышается по всей длине этого опасного побережья, становится живописным от Инеболи, где можно увидеть уже 2200-метровый Ильказ. Затем он очень красиво расходится, обнаруживая в некоторых местах до пяти линий гребней, наложенных друг на друга, как трибуны. Мы видим огромные просторы, глаз теряется в глубине этих зелёных долин, которые были Пафлагонией древних, но теперь из-за абсурдного застоя турецкого режима оказались изолированными от течений жизни, установившихся во всем мире.

Говорят, что в этой плодородной, дикой местности нет дорог; что мало кто отважится туда отправиться. Рассказывают, — и я без труда в это верю, — что там, у ворот цивилизованного мира, паши — правители вилайета, создания Красного султана, — ежедневно совершают всякие мерзости.

Синопа, утопающая в своих валах, раздавленная огромным укрепленным замком, служащим государственной тюрьмой, производит на нас мрачное впечатление. Она была достойна родить философа, который гордился тем, что презирает все удовольствия жизни. Когда город, в прошлом процветавший, а ныне мертвый, не может отметить себя в памяти людей в виде величественных руин, то ему лучше просто сохранить свое старое имя.

Самсун, более гостеприимный, выглядит не намного веселее. Этот небольшой населенный пункт пользуется авторитетом среди курильщиков, как столица желтого табака; его продукция не имеет соперников на востоке, лучшие сигареты, которые выпускаются в Петербурге, изготавливаются из неё. Но табак не включает здесь все разрешённые блаженства и, если верить нашему консульскому агенту в Самсуне, который любезно разоткровенничался со мной, у вас должно быть сильное дипломатическое при-

звание, чтобы согласиться представлять Францию в этом морском порту.

— Ах, если бы мне дали хотя бы Керасунд! — стонал он — Я слышал, там есть какое-никакое светское общество!.

Его повсюду сопровождают два высоких воинственных здоровяка, одетых в небесно-голубое сукно с серебряными сутанами.

— Это мои янычары, я и шагу не могу сделать без них из соображений безопасности.

— Вам приходилось охотиться?

— О, в этом нет никакого удовольствия, дичь слишком обильна. Когда я стреляю наугад, всегда во что-то попадаю. Это очень утомительно.

— Вы получаете книги, газеты?..

— Всё это только усиливает ностальгию.

— Но есть же другие занятия... рапорта в метрополию... ваше консульство, наконец?

— Моё консульство? Это двенадцать часов работы в год! Нет, знайте, мой дорогой, здесь решительно нечем заняться!

Бедный консул! И таких сотни по всему миру.

Ночью, на пути между Самсуном и Керасундом, старуха из третьего класса хватается за сердце и начинает задыхаться. По этому поводу происходит инцидент, который показывает в ясном свете неизлечимое человеческое безумие. Умиравшая требовала священника: она не хотела умирать без отпущения грехов. Священников на борту хватало, их было пятеро, в том числе архиепископ. Но вот дьявол! Эти пять служителей Бога были католиками-армянами, а умирающая принадлежала к православной греческой церкви. В таких условиях невозможно договориться! Один из пассажиров, пытавшийся добиться компромисса,

не преуспел в этом, и умирающая с ужасом отдала душу тому же Богу, которому благоволят оба культа.

Тело не бросают в море: порты слишком близко. Мы выгружаем его в том самом Керасунде, которого так жаждет мой бедный консул и который, по-видимому, действительно предпочтительнее Самсуна. Город, выстроенный дугой, возвышается над водой. Он производит впечатление кокетливой и хрупкой декорации, которую легко смыло бы приливом, если бы в Черном море были приливы. Постройки расположились на первом ярусе горного амфитеатра, самого красиво очерченного из всех, что только можно было увидеть.

Двое из отплывающих с нами священников — монахи-мехитаристы знаменитого монастыря Святого Лазаря в Венеции, академии армянской истории и литературы. Эта община, подчиненная правилу святого Бенуа, была основана на лагуне в начале прошлого века религиозным ученым по имени Мехитар (Утешитель). Изгнанный Султаном Мехитар не мог не радоваться спокойной Республике. Орден поставил себе целью «возрождение армянского народа», и вот уже сто восемьдесят лет он трудится над этой неблагодарной задачей молитвой и проповедью. Ранее мехитаристы находили активные симпатии в христианской Европе, в частности во Франции. На дверях их любопытной библиотеки виден портрет Наполеона III, подаренный французским правительством монастырю в качестве свидетельства того, что Франция признаёт армянскую нацию и за полезные труды Конгрегации. Это — заслуженное свидетельство, что наше прежнее влияние на Востоке имело не лучших помощников, чем вартабеды. Это слово означает «доктор». Когда отцы-мехитаристы, после нескольких лет учебы в монастыре Святого Лазаря, отправляются на миссию, Тарчевик-аббат дает им титул вартабеда.

Известно, что эти несчастные армяне, недовольные тем, что их разделили, как и Польшу, на три части в пользу

трёх иностранных держав (Турции, Персии, России), в итоге сами ослабили свои религиозные разногласия. Таким образом, прозелитизм вартабед-мехитаристов состоит в том, чтобы вернуть к римскому культу многих диссидентов, которые имеют своего папу в Эйчмиадзине. Ему дали титул Католикоса, но, поскольку диссиденты имеют такое же рвение в противоположном направлении, взаимные усилия нейтрализуются, и всё остается на месте.

Миссионер вартабед просто привез из своей поездки исследование, которое обогащает научную сокровищницу армянской академии. Эта академия гордится тем, что в числе ее член-корреспондентов были лорд Байрон и Сильвестр де Саки. Двое моих ученых в монашеских одеяниях отправлены в не знаю какой город Великой Армении для выяснения эпиграфического вопроса. Они хорошо говорят по-французски (академия Святого Лазаря — полиглот, её типография издаёт книги на всех языках) и не доверяют Абдул-Хамиду, чьего фанатизма они опасаются¹; но считают, что «если бы случилось несчастье с армянами, Франция не бросила бы их». Иллюзии ученых! При Абдул-Меджиде они дышали. Этот Абдул Меджид был храбрым, хотя и неверным человеком: он подарил Мехитаристам прекрасное османское знамя, которое в праздничные дни водружали на грот-мачту.

Мы расстаёмся с Трапезундом.

«Трапезунд, вид на карантин». С моих уст сорвалось название плохой гравюры, опубликованной в 1855 году в журнале, который я листал в детстве. Впрочем, оно не возбудило каких-либо воспоминаний, которые были бы связаны с ним в мои молодые годы. Память, этот грохочу-

¹ Они словно предчувствовали, что случилось два года спустя (прим. автора)

щий поток, который пропускает столько полезных впечатлений, удерживает кучу мусора, неуловимых частичек вливающегося в неё потока вещей. И всё же достаточно было этого машинального действия, чтобы обострить моё желание увидеть Трапезунд. Я не был разочарован. Великий туризм действительно ошибается, игнорируя или пренебрегая этой жемчужиной Чёрного моря.

Я провёл два приятных дня в этом городе, одном из самых красивых и самых оживлённых на Востоке, миниатюрном Константинополе, расположенном очаровательными ступенями под склонами высокого горного хребта. Глубокие долины Калата, вершины которого достигают 3400 метров, делают его таким же обширным полем зелёных перспектив, как и бескрайнее море напротив. Рейд Трапезунда можно поставить одном уровне с Неаполем, будь он так же знаменит. Та же мягкость, та же грация, то же спокойное величие. Здесь мы удивляемся одному из тех естественных шедевров, которые останавливают мыслительные способности человека и перед чем на мгновение замирает творческое вдохновение художника.

Посреди города — скалистая глыба, отделённая двумя глубокими оврагами, несущая на себе крепость генуэзцев. Из этих великолепных руин в овраги, которые мы пересекаем по двум отважно брошенным мостам, падает лавина зелени. Справа и слева расположены одинаковые кварталы, и мусульманский город, примерно такой, каким он должен был быть когда-то, похож на трапецию, откуда он получил своё название Trapezuns.

Замок генуэзцев — не единственный след западного искусства, сохранившийся в Трапезунде. Здесь и там, создавая угловатую тень или цветной выступ в белых кубических массах исламской архитектуры, мы сталкиваемся с некоторыми остатками христианских построек. На оштукатуренных стенах мечети остались инкрустированные церковный столб, монастырская арка, готический капитель из старого, пропитанного солнцем камня, — и я

не знаю ничего столь очаровательного, как этот безбожный брак между двумя непримиримыми искусствами, которые могли расцвести рядом только на залитых кровью землях. Эта часть империи Халифата, возможно, является той точкой земного шара, где религиозный антагонизм пустил свои многолетние корни. Объехать Трапезунд полностью — значит пережить весь этот кошмар истории, который всё ещё длится, вызывая новые тревоги, новые волнения.

На западной оконечности города, в бывшем предместье, ныне почти пустынном, погибает старая базилика, которая называется Святой Софией. Скорее всего, она была современницей Великой Софии в Византии. Христианские князья-трапезундцы пристроили к ней колокольню, расписанную любопытными фресками (эти картины в прошлом подвергались такому жестокому обращению, которому мог бы позавидовать французский вандализм).

В этом храме совершается католическое богослужение. Проезжая через город, полный турецких кладбищ и мечетей, на каждом шагу, как я уже говорил выше, мы находим следы христианского «шпионажа», сумевшего сохранить несколько часовен, обслуживаемых либо несогласными, либо верными Риму армянами. Наконец мы добираемся до дальней восточной точки, и там, на мысу, откуда открывается восхитительная панорама, в одеждах, похожих на развевающиеся знамена, нас встречают служители греческой православной церкви.

Стены укреплены. Когда-то они защищали монастырь, от которого остались одни развалины, вверенные на попечение нескольких монахинь, они и служат при церкви. Сам храм представляет образ времён гонений. Это не строение, а естественная пещера, её стены гладко оштукатурены и украшены мозаикой и картинами. Полиптический¹ иконостас с золочением создает иллюзию богатого мартеновского лака². В этом прохладном святилище бьёт источник святой воды.

Монахини ведут меня в закрытый внутренний дворик, который является самым загадочным уголком мирной обители. Там, среди трав, возвышается гробница, работа какого-то каменщика, который, без сомнения, видел три или четыре унылых руины, оставленные древностью в Таврическом Херсонесе и на Киммерийском Босфоре. Поэтому он сделал такой греческий памятник, где Фидий и Мнесикл³ решительно отказывались бы признать хоть малейшие следы своего искусства. Этому сооружению едва исполнилось восемнадцать лет. И все же простодушный ум, который его задумал, неверная рука, исполнявшая его, сумели придать ему очарование очень наивной и очень древней вещи, дополняемое меланхолическим великолепием пейзажа.

В этой гробнице покоится греческий архиепископ, умерший в возрасте ста четырех лет. Трапезунд сохранил память о похоронах этого патриарха, которые привлекли большое количество верующих, священников и прелатов. Монахини показывают мне фотографию кортежа. Покойника несли с открытым лицом.

В ожидании развития русских портов Батума и Новороссийска, Трапезунд остается первым после Одессы Черноморским торговым портом. Отсюда возрастало его население, кипела жизнь на его улицах. Здесь заметны и редкие, без пятнышка, европейские костюмы, и горы азиатских лохмотьев, уже виденных нами на Константинопольском мосту. К ним добавляется множество грязных верблюдов с головами мечтателей или хулиганов под огромными шерстяными шапками.

¹ Полиптих (полиптик, фр. **polyptique** от др.-греч. πολύπτυχον) в средневековой Европе, особенно в раннее средневековье, — опись монастырских владений.

² vernis Martin — французская техника нанесения лака, изобретённая братьями Мартен в 18 веке.

³ Древнегреческие скульпторы

Детвора здесь такая же буйная, как и у нас (стоит отметить, что на всем Востоке, особенно по ту сторону экватора, такого не бывает): она суетится, выходя из школы, играет в прятки на кладбищах. По правде говоря, даже кладбища, несмотря на их тисы и кипарисы, отнюдь не мрачны в этих странах Солнца, где весёлость цветов так торжествует над печалью вещей! Я видел много мест, где мёртвые словно вовлечены в суету живых. Отдельно от кладбищ, расположенных возле мечетей, можно найти одиночные могилы на перекрёстке, под деревом или у фонтана. Из уважения к покойникам, прохожие обходят их, стараясь не наступать. На публичной площади я видел три таких могилы, одну — свежеразрытую. Они были расставлены, как три ложа триклиния¹.

На кладбищах видны могильные камни, все длинные, узкие, закруглённые по краям, украшенные надписями и выпуклым цветком в виде тюбана. Они устанавливаются вертикально в ногах покойника. Рыхлая земля — единственная тяжесть, которая нависает над мёртвыми. Только её захватывает растительность, вбитые в зыбкую почву (чаще в наклонный луг) камни начинают наклоняться. Один вправо, другой влево, третий немного вперёд, четвёртый — назад. Из-за венчающих их тюбанов всё кладбище становится похожим на батальон турецких солдат, пошатнувшийся под оружейным залпом.

Жители Константинополя утверждают, что вольные стаи собак — исключительная особенность их города. Не верьте этому. Трапезунд и другие города Малой Азии имеют таких же собак, и если их просто терпеть, не любя, то везде, как и в столице империи, они будут очищать дороги, поедая отбросы. Эти отважные животные заменяют канализацию, и без них холера надолго воцарилась бы

¹ Пиршественная комната римлян с ложами для трёх человек

в землях Великого Султана. В Аравии ту же функцию выполняют хищные птицы. Но в турецких городах собаки гораздо интереснее, хотя бы тем высокомерным презрением, которое они оказывают человеку, обладая свободой в стране, глубочайшим образом загнанной в рабство. Эти циничные республиканцы имеют свои обычаи и порядки, например, они делят город на улицы или группы улиц, причем хозяева каждой территории защищают своё поместье от вторжения соседей.

Я не буду останавливаться на столь известных фактах, просто хочу сказать, что Константинополь не имеет привилегии единственного «собачьего» города. Более того, здесь, как и в Стамбуле, больно видеть страдания этих животных (хотя и свободных). Это единственная печаль, омрачающая жемчужину Черного Моря — Трапезунд.

В городе идет большая торговля табаком. Благодаря своему товару, она обладает особой привлекательностью, грацией, которой не имеют её соперницы. Для сушки табак развешивают бахромой на перекладинах и выставляют на воздух у стен домов. Ко времени моего посещения Трапезунда весь урожай уже был на улице. Буквально половина стен скрылась под бахромчатым гобеленом.

Ярко-красные чашечки тыкв, бледная зелень смоковниц и оливковых деревьев, гренадёры¹ с мясистыми красными цветами, пурпурные или розоватые гортензии, стройные кипарисы, которые являются здесь символом элегантности, а не траура, ставят как бы органые точки и создают мотивы в этой золотой симфонии.

Магазины, где можно выпить кофе, конкурируют друг с другом по странности и разнообразию своих достопримечательностей. К чести турок, из возбуждающих напит-

¹ Декоративное растение

ков они употребляют только кофе. Алкоголь не производит на них никакого действия. Поэтому с физической точки зрения они остаются самой сильной и здоровой расой человечества. После всех исторических перипетий, испытанных турками, где был бы этот народ, если бы он пил, как христиане?...

На *базаре* (так называется купеческий квартал) толпа принимает огромные размеры. Любоваться её движением можно только прижавшись к дверям. Потому что то, что может надеть на спину турок, даже если он очень старый и горбатый, превосходит любое воображение. У нас в Париже автомобиль не мог бы увезти больше вещей. Я видел одного турка, лет семидесяти; он был согнут под прямым углом, как виселица; его белая борода волочилась по полу. Старик опирался на трость, чтобы держать в равновесии эшафот своих чресел, где были привязаны пять пустых бочек, большой шкаф и два стула.

Собаки не могут находиться на переполненных улицах базара: полный инфекций район в остальном милого, чистого городка отталкивает даже самых любопытных. Спасаясь от этого очага заразы, я с негодованием вспоминал тот подозрительный тон врачей турецкой санитарной службы, которые поднимались на борт, чтобы вынюхивать европейских путешественников, оказывающихся более чистыми, чем они сами. Я со смехом вспоминаю лазарет, где провёл более двадцати четырёх часов незадолго до прибытия в Константинополь. Меня развеселила их редкая фантазия! Все пассажиры моего поезда были из Австрии, Швейцарии, Франции и Англии. Нас поместили на карантин, потому что случаи холеры были зарегистрированы в... Румелии¹! Нас тщательно «дезинфицировали». Мне кажется, эти славные румелийцы должны были продезинфицировать сами себя, прежде чем при-

¹ Историческое название Балкан, европейская часть Турции

близиться к нам, но нет! Они обрушили на нас испаритель с феноловой кислотой. А потом, когда мы получали пищу, приготовленную их руками, и отдавали им наши прекрасные золотые монеты, они принимали их пинцетом. Такая тщательность была бы извинительной, если бы сочеталась с большей логикой.

Море и чудная ночь! У нас ещё тридцать шесть часов ходьбы до Батума. Я коротаю их на палубе, в компании пассажира, который привлек меня с первого дня. Если бы вам пришлось создавать причудливый персонаж для романа, врача, объехавшего весь мир, чтобы узнать все секреты медицины, все рецепты целительниц и колдунов, включая дикарей, в каком бы образе вы это воплотили? У меня есть вполне гофманская модель в лице г-на П..., русского подданного, посланного в Тифлис. Поразив меня эрудицией, которая, как мне казалось, была превосходна, месть П... сумел сделать больше. В течение долгих часов он держал меня в обаянии. Этот человек говорил мне о великом человеческом долге, братстве, с позиции высших понятий, более привлекательных, чем земной идеал Льва Толстого.

По сравнению с ним, моя красноречивая философия была не более чем речами хозяина лавки в каком-нибудь кавказском городке. П... принадлежал к тому среднему, еще немногочисленному сословию, которое формируется в России и может сравниться с нашим государством незадолго до 1789 года. Между невежественной и грязной массой, составляющей девяносто процентов русского народа, и гордой аристократией, жестокой, привязанной к своим прежним привилегиям, тающим с каждым днём, находится прослойка, о которой я говорю. Это особая аристократия, возникшая в среднем классе московского населения, интеллектуальная и нравственная, объединяющая с утон-

ченной культурой ума величайшие красоты сердца — великодушные, бескорыстные и энтузиазм.

В стране аргонатов

Я войду в империю русского царя через азиатскую дверь. И не без огромного любопытства посмотрю на русских у них дома. Я встречал многих из них во Франции и находил их очаровательными.

Интересное начало! Капитан таможни, белокурый и розовощекий богатырь, узнав, что я француз, отстраняет своих сотрудников от моего багажа и говорит «Хорошо!». Я благословляю Кронштадт. Желаю славы и долгих лет императору Александру Александровичу, не подозревая, что по ту сторону моря, на своей крымской вилле самодержец, которому я обязан почтением российской таможни, уже впадает в медленную агонию.

Положительно, я пользуюсь плодами этакого дипломатического медового месяца, что подтверждается той свирепостью, с которой мой белокурый колосс, непрестанно ругаясь, прощупывает, просеивает и обыскивает трюмный и ручной багаж представителей иной национальности. От этого испытания наиболее страдают те, чей тип обнаруживает греческое, армянское или турецкое происхождение. Рука таможенника, отдающего приказы, словно держит хлыст, под которым дрожат плечи согбенных над своими разрытыми сундуками пассажиров. Впрочем, и без этой картины я был убеждён, что Россия, этот «старый уродец с большими глазами, что чарует Европу своими рублями», как писал наш поэт¹, не намерена призывать на помощь своим предприятиям греческие, армянские и турецкие капиталы.

¹ В. Гюго, стихотворение «Сен Арно», перевод М. Спасёновой

Широкое устье реки, образующее безопасное убежище для судов; длинный бульвар, засаженный пальмами, алоэ и хвойными деревьями; сады, преодолевающие своими ароматами тлетворный дух близлежащих болот; население около пятнадцати тысяч душ, чьё богатое сословие ежедневно баюкает свою лень звуками военной музыки; русские офицеры, которые, как и во всех городах Кавказа, с ностальгией прогуливаются мимо игорных и питейных домов; бесконечно прибывающие поезда и суда, притягивающие к дебаркадерам толпы бездельников; костюмы библейских времён, наполняющие современные конструкции порта; головокружительная вершина на горизонте, образованная двумя сходящимися горными хребтами, — вот что такое Батум!

Начиная линию железной дороги, проходящей через Тифлис и соединяющей два моря, Батум получает большую часть кавказского строительного леса, апшеронской нефти и направляет их в Европу. Из Баку постоянно прибывают составы цилиндрической формы вагонов, похожих на паровозы без топок и дымоходов. Эти своеобразные сооружения, выкрашенные в серый цвет, представляют собой канистры, наполненные нефтью и керосином. Так течет через перешеек бесконечная масляная река, на которой покоится грозная масса Кавказа.

Вот я пересекаю Имеретию по железной дороге. Вам ничего не говорит название Имеретия? Вы предпочитаете говорить «Колхида», что лучше звучит и вызывает больше ассоциаций? Что ж, сгодится и Колхида, так как долина Риона была частью легендарной земли, обнаруженной аргонавтами, и не сильно поменяла лицо со времен Ясона. Я могу даже, чтобы порадовать вас, вернуть Риону его старое имя Фазы и напомнить, что Медея заимствовала прозвище Фазия от этой знаменитой реки. Но всё равно, я с трудом осознаю, что путешествую на паровой машине по стране Золотого Руна...

Виды с железной дороги, которая сначала следует вдоль

берега, вызывают восхищение. Слева — голубизна моря, которая вторгается между Кавказом и Антикавказом¹, покрытыми вечными снегами. В зависимости от времени суток одна из этих цепей кажется белой, другая — розовой. В трехстах верстах к северо-западу возвышается гигантский массив Эльбруса, похожий на распутившийся в небе цветок лотоса. Справа — плодородные долины, поля кукурузы, стебли которой достигают трёх метров в высоту, деревья, гнущиеся под тяжестью плодов. В горячем воздухе плывет дурманящий запах винограда, инжира и яблок. Достаточно одного взгляда, чтобы понять, что всё это неимоверное богатство обусловлено единственно щедростью почвы. Человеку здесь приходится только собирать урожай. И он всё же не использует его целиком, а оставляет гнить на ветвях, будучи ленивым пьяницей, как и подобает детям слишком хорошей матери-земли.

На каждой станции толпа зевак спешит посмотреть на поезд. Так как линия была построена сравнительно недавно, это любопытство понятно. На трех станциях совсем нет пассажиров; но, благодаря привлекательности железной дороги, из своего вагона можно наблюдать все население долины на несколько лье вокруг. Это, кстати, очень удобно: я люблюсь парочкой красивых типов, закутанных в шерстяные бурки, их животы и грудь сплошь увешаны воинскими украшениями. Их длинные носы, багровые от злоупотребления вином, смягчают их воинственный вид. О, эти иметеринские, мингрельские и грузинские носы, возносящие славу кахетинским виноградникам, известным по всему Кавказу! Вот она, причина пятнадцати веков рабства!

К поезду подходят торговцы фруктами. За пять или шесть копеек вы получите корзину терпкого на вкус, черного винограда.

¹ Старинное название Малого Кавказа

От развилки на Кутаис железная дорога покидает равнины Колхиды и уходит в горы. Ущелья сменяют тоннели. Предгорья Кавказа, полностью покрытые лесом, не оставляют взгляду ни одного открытого места. Полдня уходит на подъёмы по склонам и преодоление бездонных глубин. Мы пересекаем великолепные отроги Бежатубана и достигаем Сурама, точки разделения вод. После Сурама мы покидаем Имеретию и долину Риона, чтобы войти в Грузию, в бассейн Куры. Поразительный контраст! После лесистых гор мы видим полностью оголённые холмы, а тучные от избытка воды земли сменяет засушливая пустыня.

Неделя в Тифлисе

Пелена пепла и запах вина — таково преобладающее впечатление, которое оставил во мне Тифлис после достаточно долгого пребывания. В этой древней столице небольшого государства, передовой цитадели христианского Востока, наиболее пострадавшее от ярости мусульман, осталось совсем мало следов искусства и истории. В 1801 году, когда последний Багратид, некий Георгий XIII, возводивший свою родословную к царю Давиду, сдал свои владения России, Тифлис представлял собой лишь кучу обломков среди выжженной земли. Таковы были плоды войны, уничтожившей город, украшенный прекраснейшими образцами грузинской архитектуры и поля, которые труд человека сделал плодородными благодаря великолепным ирригационным работам.

Сегодня на этом месте возвышается город с населением более ста тысяч человек. Но окружающая местность не изменилась: когда дожди не превращают улицы в тря-

сину, а общественные площади — в болота, Тифлис покрывается пеплом, как запеченная картошка.

Русский квартал напоминает все русские города. Широкие, невысокие постройки с крышами зелёного цвета, что должно быть, создаёт иллюзию отсутствующей зелени. Параллельные линии, прямоугольные сечения, всё совсем как в Петербурге: словно им не хочется терять ни капли этого драгоценного солнца, которое иногда нагревает город до пятидесяти градусов! У туземцев же наоборот, хватило ума так расположить свои улицы, чтобы завладеть тенью и прохладой. В каменных домах устроены навесы с обширными верандами, где кишит такой же разношерстный, пёстрый люд, как и в Константинополе. Между этими аркадами, резонирующими с танцами, пением и струнными инструментами, горожанин совершает прогулки, не опасаясь солнечного удара. Он может остановиться перед одним из тысяч магазинчиков, чей ансамбль составляет тифлисский базар, один из богатейших на Востоке и, вероятно, самый известный своей изысканностью. Здесь обосновались лучшие армянские ювелиры и я считаю их работы, в основном, чернение, выше того, что делается в том же жанре в Малой Азии. По крайней мере, в этом христианин превосходит мусульманина.

Выцветшие персидские ковры или лёгкие, как пар, бухарские шелка составляют сокровища чересчур затемнённых лавочек. Однако одарённый чутьём покупатель может найти здесь отличные вещи. Совсем не редкость обнаружить в каком-то более темном, чем другие, уголке эмалированную посуду или старую бронзу лучших персидских времен.

Тем не менее, следует быть осторожным. Не по причине фальсификаций, что встречается нечасто и тотчас обнаруживается грубостью исполнения (хорошо подделывают только в Париже), а из-за навязчивой общительности и богатого воображения торговцев которые, как правило, очень хитрые режиссёры. Однажды, когда я купил какую-

то мелочь, одному из них показалось, что моё любопытство недостаточно удовлетворено. Приложив палец к губам, он сказал: «Следуйте за мной!» и повёл меня по лестнице, уходящей под землю, к двери какого-то ужасного подземелья. В свете фонаря я увидел, что его лицо выражало трепетное благочестие, словно мы переступали порог иконостаса, чтобы войти в святилище. В центре склепа стоял железный сундук. Торговец с трудом вскрыл четыре замка, приподнял крышку и осветил фонарём. Там лежал небольшой ковер, старая вышитая туника и ожерелье из бирюзы, потускневшей до зеленого цвета.

«Это реликвии!» — прошептал он. После некоторого колебания, он признался, что эти вещи принадлежали царице Тамаре, грузинской Семирамиде, которая жила в XII веке и принесла славу его народу. Бесспорно, Тамара оставила глубокий след в памяти грузин, они поклоняются ей как великой царице, почти как божеству. Она исполнила своё царство легендами о себе, оставив роскошные здания. Все сохранившиеся памятники древности приписываются ей, более двадцати церквей борются за право обладать её гробницей.

Именно из-за этого посмертного дара присутствовать одновременно в разных местах, поклонение некоторых торговцев царице Тамаре не внушало мне доверия. Если бы я не знал о её вездесущности, то наверняка поддался бы красноречию, с которым мой купец пытался убедить меня в подлинности этих реликвий, найденных, как он утверждал, в гробу знаменитого Багратида. Пачка бумаг, лежавшая в сундуке вместе с другими вещами, в стиле протокола рассказывала об эксгумации царских останков, содержала опись предметов, которые были перед моими глазами, и на каждой из них стояла печать и подпись архиепископа.

Словом, если бы я не был одарен непоколебимым скептицизмом, я приобрел бы ковер, тунику и ожерелье Тамары за сравнительно скромную сумму в 200 рублей

(540 франков) ... И последний совет: предлагайте треть той цены, которую вам называют. Не сомневайтесь, вооружитесь терпением и будьте уверены, что после получасовой дискуссии, в конце концов, вам уступят.

Древний обычай, когда каждый вид ремёсел имеет свой квартал или улицу, в восточных городах выражен ярче, чем в европейских. Улицы мясников или торговцев фруктами в Тифлисе не уступают в живописном блеске Константинополю, Смирне или Багдаду.

Здесь — настоящее царство цвета. Глаз, чувствительный к его игре, испытывает столько же наслаждения от вида кровоточащего на солнце мяса, сколько от пёстрого шествия костюмов. Для любителя разноцветья, пожалуй, все московские церкви не стоят и одного погребца, набитого арбузами, персиками, яблоками или инжиром, которые буквально горят и переливаются в темноте тифлисских землянок.

Какой поэт-гурман сможет воспеть этот аромат фруктов, который источает рынок столицы Кавказа? Этот запах груш, плачущих розовым жемчугом; персиков, чья сочная плоть истекает мёдом; от этих ранеток цвета золота; от белокурого винограда с яйцевидными ягодами, затмевającego чауш¹, которым так гордится Константинополь?

Знаете ли вы, как наши огородники отправляют кресс-салат на рынки Парижа, прикрепляя пучки друг ко другу, и выстраивая их кругами вдоль стенок глубоких корзин? Так же выставляют свой товар продавцы винограда в Константинополе и Тифлисе. Когда наступает ночь, на дно корзины ставят свечу, и целые улицы освещаются этими таинственными, источающими пьянящий аромат фонарями.

¹ Столовый сорт винограда

У портных, фуражиров, ювелиров, торговцев рыбой и приправами тоже есть свои отдельные кварталы, а иногда и просто переулки.

О, этот запах вина! Он исходит от тысяч источников, привлекая полчища мух. Вино продаётся и потребляется в погребах, зияющих на каждом углу. Оно разлито по мехам, сделанным из кожи животных. Сосуды крепятся рядами на козлах. Туши козлят, телят, овец и быков, с распухшими от драгоценной жидкости животами растянуты на спинах с торчащими вверх конечностями. Вы словно попадаете в морг для утонувшего скота. Кран обычно крепится к одной из ног.

Ходят ужасные слухи, что некоторые торговцы мехами, чтобы сохранить мягкость и прочность шкуры, сдирают её с живого зверя! И мы спокойно терпим это! Несомненно, люди, занимающиеся таким ремеслом, сами относятся к классу гиен или шакалов, как безжалостные животные. Кроме того, известно, что волнистый каракуль, значительные запасы которого имеются в Тифлисе и Владикавказе, получают почти таким же варварским способом. Чтобы сохранить мягкость и блеск, необходимо, чтобы ягнёнок еще не родился. Поэтому шкурку снимают едва ли не в утробе матери. Конечно, наши элегантные женщины упали бы в обморок, если б вообразили, каких мучений для людей и животных стоят их украшения! Но к счастью, они не думают об этом.

Каракуль, который мы носим, имеет искусственный черный цвет. Натуральный цвет драгоценной шкуры ягнёнка — белый, серый или бронзовый, его обычно используют для изготовления кавказских шапок.

В русском квартале, засаженном тощими акациями, есть два огромных караван-сарая, в которых толпится европейская барахолка, в основном немецкая, худшая из всех. На красивых витринах парижская аттика братается с лучшими московскими товарами, словно Тулон с Кронштадтом¹.

Но продажи плохи, особенно в Тифлисе. Тифлис — столица не только Кавказа, но и цен, которые туристы по праву называют «кавказскими», намекая, что по высоте они равняются Эльбрусу или Казбеку. Я не раз испытал их жестокость, хотя русские, даже много путешествующие, не хотят согласиться с этим. «Уверяю вас, — говорил мне генерал А. — что жить в Париже гораздо дороже, чем в Тифлисе!». В узком смысле это абсолютно неверно; но мой собеседник абсолютно прав, если он из тех многих русских, которые удивляют Париж своими расходами, а потом, вернувшись домой, питаются щами, ржаным хлебом и солёной рыбой, как последние из мужиков.

Кроме того, у меня есть основания полагать, что у торговцев на Кавказе есть два вида цен: изменчивый, для туземцев и господ (читайте, русских), и постоянный — для иностранцев. Французы, до смешного бережливые, но отправляющиеся в путешествие с большим количеством денег, чем необходимо, занимают почетное место у кавказских корыстолюбцев. Для них всегда находятся «особые цены»: трактирщик обчищает меня, как рионскую стерлядь, а парикмахер берёт 60 копеек за стрижку бороды.

Если в других местах на туристах зарабатывают из-за их многочисленности, то здесь обирают из-за их редкости. Вы, конечно, догадываетесь, что на Кавказе меньше приезжих, чем в Швейцарии. Кроме того, народ здесь очень беден. Под честолюбивым видом столицы скрывается нищета. В Тифлисе, где есть роскошные мраморные бани, но домашняя птица питается лишь подножным кормом на улицах, у большей части аристократического населения нет ни рубля за душой.

По правде говоря, Тифлис не столько город, сколько лагерь. Живописные существа, приходящие со всех концов

¹ В 1893 г французский Тулон и русский Крошнтadt стали городами-побратимами

Востока, остаются там, но не ассимилируются. Здесь говорят на более чем шестидесяти языках, и это подтверждает решение многих народов никогда не смешиваться. Среди населения мужчин вдвое больше, чем женщин. Это объясняется тем, что иммигранты, как добровольные, так и вынужденные, не привозят сюда свои семьи, полагая, что их состояние скоро закончится или наказание продлится недолго.

Ты никогда не живёшь в Тифлисе по своей воле, если ты русский, да ещё и вольнодумец. Политически Кавказ — это Сибирь, своего рода чистилище. Сюда на более-менее длительный срок отправляют попавших в немилость сановников. Я видел здесь выдающихся людей, которые ранее пользовались большим уважением, это и генералы, и частные советники, чьё влияние было велико при императоре Александре II. Но изменения во внутренней и внешней политике не позволили Александру III сохранить всех друзей своего отца. Поэтому сейчас, нося в сердце и глазах тоску по северному небу, эти люди, помнящие оживлённые покои Зимнего дворца, бродят по Тифлису между клубами и квартирой. Не только их слова, но даже жесты тщательно отслеживаются.

Весь цвет тифлисской аристократии посещает «английский клуб». Но это название не означает, что там говорят по-английски. В России мало англичан, зато немецкое влияние становится всё более заметным, а Франция и вовсе не преследует здесь свои политические интересы. Есть ли смысл повторять, что на Кавказе в «английском клубе» все говорят по-французски с тем очарованием, которое придаёт нашему языку русский акцент?

Представленный г-ном Милютиным как выдающийся писатель, я получил в этой компании самый любезный приём. Русские вельможи, когда пребывают в хорошем на-

строении и их грубость не видна за складками шелковых нарядов, являются несравненными соблазнами! Их улыбки и жесты очень изысканны. Я помню приятную беседу с одним казаком, который проявил себя как сама утонченность. А в генерале Кишмишеве, герое Карсской войны, потомке армянской семьи, насчитывающей тысячу лет дворянства, я нашёл редкую для солдата сердечную мягкость, причем без всякого ложного стыда, который можно было бы ожидать.

В английском клубе вы говорите по-французски, а ужинаете по-русски, то есть, между закусками и супом вам подают сыр, а перед десертом предлагают кусочки поджаренного черного хлеба. Это обычное дело. Вина старые и известные. Мы пьем за французов, «самых любезных людей на земле» и за Париж, «самое приятное место в мире». Когда я рассказал этим господам о своих планах исследовать восточное побережье между Новороссийском и Сухум-Кале, они сильно удивились и даже проявили недоверие. «В любом случае, — говорили они — вам придется просить сопровождение у генерал-губернатора, который, вероятно, откажет в нём». Они оказались правы: генерал-губернатор, несмотря на рекомендации, данные мне Его Высокопревосходительством, не хотел поощрять моё предприятие, считая его практически невозможным и опасным, поэтому мне пришлось отправиться в путь без казачьего эскорта.

Генерал-губернатор живет во дворце на первом этаже, который снаружи окрашен в мягкий цвет. Дворец похож на большинство официальных резиденций: большие комнаты с блестящими паркетными полами, почти без декора, безвкусные кресла при отсутствии другой мебели, много цветов в горшках. В таких покоях мы видим заботу о грандиозном эффекте при полном презрении к изысканности, при отсутствии потребности в произведениях искусства. Все эти признаки говорят о том, что русские — еще очень молодой народ.

В этой стране, где всё так дорого, есть одна вещь, которую, как и в горах Шотландии, получаешь даром. Это гостеприимство, главное достоинство Востока и горных территорий. Таким образом, кавказские горцы гостеприимны вдвойне.

Находясь одновременно и в аристократической, и в народной среде, я обнаружил достойную великолепия лордов щедрость последних по отношению к иностранцу, который становится их гостем. Наряду с английскими клубами, где мы пили шампанское, я бывал в погребах, где солдаты и картёжники накачивались местным вином, насвистывая свои дикие песни, ужинал с грузинскими бедняками, счастливыми от того, что я воздаю честь их бараньему шашлыку. Отклонить приглашение — значит сильно обидеть человека, постаравшегося для вас.

Мне рассказывали, что в деревне неподалёку от Тифлиса, живёт один мудрец, у которого раньше было до трёхсот тысяч рублей дохода, но он отдал всё, сделавшись простым рабочим, объясняя это тем, что его состояние «мешает вкусить радость от спокойствия совести». Этот подражатель Толстого был необычайно смел. Он не был нигилистом или социалистом, он называл себя «индивидуалистом». Это у нас индивидуализм почти равен эгоизму, но только не в Тифлисе! Посмотрите, как меняется здесь значение этого слова. Отвечая на вопросы, этот замечательный индивидуалист, не имеющий ни гордости, ни стремления к учительству, заявил, что ни о чем не жалеет, что отказ от богатства принёс ему долгожданное счастье и единственное, что его раздражает, это нечистоплотность товарищей по работе.

Смешение рас, языков и религий в Тифлисе отражается в многообразии церквей. Здесь не общеправославная страна, как Северный Кавказ или Святая Русь. Победители должны были смириться с потребностями побеждённых, так как Кавказ не столько провинция, сколько колония Великой Империи. Однако преобладает здесь православие, и город является резиденцией архиепископа. Не путайте его с митрополитом: в России много архиепископов, но только три митрополита, в Киеве, Москве и Петербурге.

С архитектурной точки зрения ни одно церковное здание в Тифлисе не заслуживает внимания, кроме разве что собора, у которого сохранились элементы грузинского стиля. Я пришёл сюда по случаю одного из бесчисленных праздников, отмечаемых Русской Церковью, более насыщенной обрядами, чем Римская. На этот раз празднуется «Покров Богородицы». Женщины штурмуют порог амвона, чтобы причастить своих грудных детей, так как православный обряд допускает причащение младенцев. Еще не имеющие чувства благоговения, они кричат кошачьими голосами, в то время как седовласый дьякон басом произносит прошения. Богатое убранство облачений на время церемонии покрывает известные всем пороки русских священников.

В тот же день я поехал в монастырь Святого Давида. Не спрашивайте, кто такой святой Давид: православная агиология запутана, как лабиринт. Только в одной пещере Святого Антония в Киеве я насчитал мощи семидесяти трёх святых! Монастырь Св. Давида, построенный рядом с источником, из которого пил этот благочестивый персонаж, заслуживает одобрения лишь как обзорная точка, откуда виден весь город, лежащий в котловине из пыли и снега.

Монастырём в России называют учреждение из пяти-сот монахов, где имеются один или два священника, так устроена и обитель Св. Давида. Вокруг здания расположено кладбище, интересное своими надписями на древне-

грузинском языке, который, как говорят ученые, берёт свои истоки на Алтае. На этом богатом кладбище хоронят только состоятельных людей, но и настоятельница монастыря, несмотря на то, что очень бедна, будет иметь честь упокоиться здесь последним сном. Сейчас эта девяностошестилетняя женщина, сверкая единственным зубом, заявляет мне, что в 1815 году была самой красивой девушкой на Кавказе. Она рассказывает мне о Наполеоне, что видела его в Москве и прекрасно помнит. Я иду за ней к совершенно новому саркофагу, недавно вырезанному из гранитной глыбы, украшенному чрезвычайно красивой грузинской вязью. «Вот моя могила — говорит старушка, — я сама распорядилась сделать её. Я хочу постоянно видеть место, где скоро буду отдыхать. Здесь будет удобно, как вы думаете? Мне не терпится умереть. Большую часть времени я провожу здесь, рядом со своим гробом». Такая необычная речь стоила милостыни и, мне кажется, имела именно эту цель. Я отсчитал несколько копеек. Взяв их, монахиня делает недовольную гримасу, видимо, находя меня недостаточно щедрым. Да, она больше не заботится о жизни, но еще не потеряла вкус к тому, что делает её приятной.

Один путешественник, вернувшийся из Баку, рассказывал мне о гораздо более примечательном случае долголетия. В Сураханах, недалеко от этого города, он встретил своего соотечественника, поляка, ста пяти лет от роду. Старец выполнял уникальную роль хранителя Атешгяха, храма огня. Известно, что секта *парсисов*, переселившаяся из Ирана обратно в Индию, восстановила это знаменитое святилище, построенное на нефтяных источниках Апшеронской равнины. Удивительно, что охрана Храма Огня доверена славянину-католику, которому приличней было бы содержать гостиницу в провинциальном француз-

ском городке. Этот поляк, жертва подавления восстания 1830 года, поселился именно здесь, в то время как его соплеменники предпочли остаться на Западе. Со дня своего изгнания он ничего не знал или не хотел знать о том, что происходит в Европе. История остановилась для него на этой дате, и время, отягощающее его годами, отныне работало только для него одного.

Между колоннами храма, отполированными поцелуями паломников, он бродит, как призрак, не разговаривая и не слушая. Заставить его принять облик человека может лишь посланец с его родины. Вот тогда он словно просыпается и открывает сокровищницу своих воспоминаний: неустанно рассказывает легенды и анекдоты старой Польши, поет древние воинственные гимны, которые его соплеменники уже не помнят... Но, независимо от противоречия между его работой и душевными устремлениями, этот старик, страж одного из последних храмов, где сохраняется суеверие поклонения огню, сам по себе является уникальным живым храмом, где еще пылает пламя умирающего патриотизма¹.

Это знакомство ценно уже тем, что сам Атешгях находится под угрозой исчезновения вместе со своим старым польско-католическим стражем. «В 1858 году, — пишет барон Эрнуф, — в Атешгях всё еще было три священника, в 1872 — уже один. После многих приветствий и поклонов перед священным алтарём, он отслужил для нас благодарственную службу, аккомпанируя себе, за отсутствием послушника, то цимбалами, то колоколом. Затем он освятил кусочки сахара, которые раздал присутствующим по рублю за штуку. Этот маг был высоким, красивым мужчиной в белом халате и тюрбане. Однако некоторые детали нарушали величественность церемонии. На стенах храма кра-

¹ Франция, наряду с другими европейскими государствами, горячо поддержала Польское восстание 1830 года.

совались грубо раскрашенные европейские изображения, подобные тем, которые продаются на ярмарках Германии и Франции. Чтобы зажечь нафтовый газ перед богослужением вокруг алтаря и на алтаре, священник брал большую коробку химических спичек с клеймом венского производителя».

Но, Боже мой, разве можно так пристально рассматривать этот или любой другой культ? Самые верные своим традициям люди неизбежно приспосабливаются к новинкам прогресса. Наши христианские храмы со временем приняли и газ, и электричество, и отопление, а также способ одновременного возжигания свечей и паникадил с помощью пироксилиновой нити. Все эти инновации ни в коем случае не повредили величию древних символов.

Несмотря на сильный запах гари и другие странные ароматы, Тифлис изобилует живописными деталями, особенно в армянских и персидских кварталах, расположенных у скалы, где над руинами возвышается замок Багратидов. Забавному отсутствию практического смысла, чему так много свидетельств на «цивилизованном» Востоке, Тифлис обязан общественным транспортом, украшенным, словно рождественская ёлка, запряжённым четвёркой лошадей, которыми управляет туземец в национальном костюме. Спрашивается, зачем так много лошадей? Ведь этой четвёрке трудно проезжать по слишком узким улицам и, чтобы разъехаться двум экипажам, одному приходится сдавать назад. Всё это сопровождается сильным шумом, беспорядком и опасностью для пешеходов. Пока кучера ругаются друг с другом, прохожие дают им советы, женщины кричат, дети бегут, а домашняя птица клюёт навоз, квочка и метаясь под ногами лошадей. Наконец одна из повозок уступает, а другая пускается в галоп, пуская в ход все шестнадцать подков. Чуть дальше она столкнётся

либо с упряжкой буйволов, либо с нагруженной телегой, либо с плешивыми ослиами, навьюченными кучей медных изделий.

По городу разъезжают сельскохозяйственные бригады доисторического вида. В один плуг впрягаются до восьми пар буйволов. Зачем тратить столько сил? Таким образом, наш знаменитый французский обед — не единственный пример бесполезного излишества.

Однако здесь сама природа подаёт пример гротескных преувеличений: она переборщила с пылью, грязью, холодом и жарой; она перестаралась с насыщенными ароматами; она преувеличила схожесть человеческих типов: действительно, невозможно найти другую нацию, где все мужчины и женщины так были похожи друг на друга, чем в грузинской семье. Должно быть, жениху в этой стране довольно сложно узнать среди множества девушек ту, с которой он обручен. Все грузины словно отлиты в одной и той же форме, и я не могу понять, почему они не хотят хоть как-то отличаться?

Итак, восемь дней я смотрел одним глазом на город, а другим — на далёкий северный горизонт. И наконец, я вижу, как затуманиваются высокие хребты на пути к великой горе!

По Военно-Грузинской дороге

Мцхет, расположенный в девятнадцати верстах от Тифлиса, был первой столицей грузинского царства, а сегодня это лишь деревня, но возможно, самая необычная на всём Кавказе. Она довольно обширна, с её старым собором и Животворящим Столпом, окружённым зубчатой стеной, с Самтаврйским монастырём, замком Армазцихе, который считается старейшим в стране, и куполом первого грузинского монастыря, возвышающимся на се-

верных холмах. Красиво очерченные в прозрачной восточной атмосфере, покрытые лесом хребты дополняют этот очаровательный и благородный пейзаж.

Мцхет в Тифлисе — это то же самое, что Геранд, Витре, Каркассон, Эг-Морт в наших больших городах: средневековое, существующее почти без влияния современности. Элизе Реклю в главе о Кавказе, которая, пожалуй, является самой замечательной в его великом труде и в которой обобщено всё, что было написано о Понто-Каспийском перешейке, пишет, что старый способ строительства грузинских жилищ сохраняется в течение двух тысяч лет. «Целые деревни состоят только из отверстий в земле или скалистых склонах, снаружи которых видны навесы из хвороста или глины, под которыми сидят женщины в вечерней прохладе. В большинстве грузинских городов многие дома по-прежнему, согласно обычаю, имеют глинобитные кровли толщиной около 60 сантиметров и сильно наклонены, чтобы вода могла стекать через отверстия в невысокой ограде, окружающей террасу. Такая крыша зарастает травой, преимущественно клоповником, и получается нечто вроде висячего сада. Летом трава увядает и, чтобы избавиться от неё, крышу поджигают. Странно наблюдать эти вспыхивающие и тут же гаснущие пожары в темноте ночи. С точки зрения удобства, земляные крыши гораздо предпочтительнее крыш в европейском стиле, так как поддерживают комфортную температуру в комнатах и зимой, и летом».

Наряду с этими древними памятниками, в Мцхете есть целая коллекция домов, от самых бедных до самых роскошных. Почти во всех домах террасная кровля ограждена решетками. Под этими навесами днём царит некоторая прохлада, мы подолгу дремлем, немного слушаем музыку и совершаем возлияния. В праздничные дни все жители дома танцуют на крышах. В тот день, когда я прибыл в Мцхет, было паломничество, на которое собралось всё окрестное население. Мы пошли поклониться знаменитой

святыне, гордости соборной сокровищницы — Ризе Господа нашего Иисуса Христа. В Аржантёй и Трев хранятся только туники, а в Мцехте — целая риза. Имеет ли риза большую святость? И потом, туники датируются X веком, риза же намного старше. Благоговение перед святыней доставило мне большое удовольствие присутствовать на этих празднествах.

«Одна из замечательных черт грузин¹, — говорит Элизе Реклю — это любовь к пению и танцам. У них нет изысканного музыкального вкуса, их язык, полный гортанных и свистящих звуков, вряд ли можно назвать мелодичным, но их голоса звучат целыми днями, сочетаясь с дайрой, тамбурином или *балалайкой*², своего рода трёхструнной гитарой, создающей ритмичный аккомпанемент. Расчищая или вспахивая кукурузные поля, мужчины собираются в группы и поют рифмованные тексты, относящиеся к их роду деятельности, по мере продвижения дела они ускоряют свое пение; ритм становится всё быстрее и быстрее. Дойдя до конца борозды, певцы внезапно замолкают, чтобы, возвращаясь назад, снова начать пение в такт работе. Приехавшие из унылой России деспотичные арендаторы пытались заставить работников молчать, но пришлось от этого отказаться: никакая работа не клеилась без музыки.

Народные обычаи породили множество праздников, аналогичных французским «фериям» и «дюкассам». Пешком, верхом или на арбах со скрипящими колёсами всё население направляется к месту празднования, о чем возвещает почитаемая церковь или дубовая роща, так как грузины очень любят природу и простор. Песни

¹ Название, которым чаще всего обозначают различные народы Грузии (прим. автора)

² Этот инструмент вернее было бы назвать черкесской гитарой. А грузинский её вариант называют чонгури (прим. автора)

и танцы, пиры, торговля, религиозные церемонии — всё происходит в своё время; но поклонение святыне производится с особым торжеством. Паломники прибывают с пением, чтобы священник снял железное кольцо, которое они носят на шее, свидетельствующее об их временном рабстве у Святого покровителя. Освободившись, они приносят в жертву барана или быка, чьё мясо съедается на пиршестве. Случается, что армяне и татары-мусульмане, прибывшие с целью торговли людьми, поддаются религиозному восторгу и принимают участие в песнопениях и церемониях. Светские танцы сменяются священными танцами, а иногда и драками ...».

В святой день паломничества в древнюю столицу Грузии¹ мне посчастливилось проверить точность этой информации. Пёстро украшенная толпа часами, не уставая, исполняла национальные танцы на равнине перед церковью. Оркестр состоял из струнных, тарелок, бубнов и инструментов, похожих на флажолеты, которые называются *чианури*². Зрители непринуждённо сопровождали выступление похлопыванием в ладоши в такт музыки. Несколько одиноких всадников с белыми платками в одной руке грациозно разъезжали перед толпой, закутавшись в бурку, но особого восторга зрителей удостоился один ловкач, устроивший неистовую джигитовку. Я видел, как пот с его лба капал на серебряные газыри.

Постепенно круг танцоров становился всё шире, включая прибывающих паломников. Их телеги, украшенные цветами вплоть до колёс, как кареты в Булонском лесу на празднике весны, стояли на площади. Вся эта картина имела уникальный восточный колорит.

¹ Здесь и далее в тексте автор использует принятое в Европе название GEORGIE, Грузия или Джорджия. (прим. переводчика).

² Странное сравнение, ведь *чианури* — смычковый инструмент (прим. переводчика)

Не думайте, что эта радость была свойственна только толпе. Террасы домов были заполнены родственниками и друзьями, приехавшими в гости к жителям деревни. Из-за решетчатых оград доносились песни, смех, радостные возгласы и винный аромат. Высокий лезгин ходил из дома в дом, показывая ручного, хорошо дрессированного медведя, который принимал у паломников угощения и смешно жевал. Бесчисленные свиньи также принимали участие во всеобщей суете, путаясь у нас под ногами и дополняя своим хрюканьем огромный хор звуков, в котором доминировали колокольчики более чем трёхсот телег.

Мне позволяют зайти в некоторые дома при условии, что выпью. Как правило, они состоят из двух квадратных комнат, одна из которых предназначена для животных и упряжи, а другая — для самих хозяев. Вдоль стен располагается «диван», который не имеет ничего общего с мягкой восточной мебелью, но представляет собой обычные тахты. Нищету обстановки маскируют персидские ковры, разложенные на досках пола. Здесь все спят вместе, одетыми. Туалет и прочие удобства, которые стесняют наши европейские апартаменты, расположены на улице. Сколь правильно всё устроено на Востоке! Это воистину страна мудрецов.

Эффект грузинской архитектуры, возводящей высокие здания на небольшом основании, нигде не проявляется так ярко, как в Соборе Живоносного Столпа. Он производит чувство невыразимого страха. Вдохновение художника изобразило на четверти купола, выходящей к храмам, колоссального Иегову¹. Видимая из нефа фигура, разделённая пополам иконостасом, высеченная, словно на гербе, струится, опускается на вас и, кажется, заполняет всю

¹ Видимо, Иеговой Ж. Кэрл назвал изображение Господа Пантократо-

церковь. Это восхитительно! Религиозное искусство, стремящееся произвести впечатление на толпу, вряд ли имеет более красивый образец.

За исключением самой России, не пережившей сильных внутренних потрясений или завоеваний, большинство христианских храмов на Востоке пережили страшные дни. Собор Мцхета, возведённый в IV веке, несколько раз сносился (особенно Тамерланом, который сделал этот город своей однодневной столицей) и последовательно восстанавливался. Современный вид он приобрёл только в начале прошлого века. Однако здание выглядит так же, как если бы ему была тысяча лет, и это — доказательство неизменности некоторых восточных цивилизаций. Но, в конце концов, и это закончится; всё, что составляло очарование восточных путешествий, возможность видеть у этих народов тот же облик, какой был в начале их истории, всё это, повторяю я, будет разрушено. Тем хуже для путешественников, что придут после нас, весь мир покажется им банально однообразным.

Солнце и влага, соревнуясь друг с другом в колористике, с любовью ласкали это великолепное здание. Снаружи оно выглядит как красная медь; внутри словно отделано зелёным золотом. Великолепные серебряные люстры в старинном московском стиле висят над нефом, как перевернутые букеты (эти люстры являются самыми красивыми, которые когда-либо изобретало религиозное искусство). Кафедры несимметрично, но искусно расположены, образуя затёнённые пещеры в толще этих высоких, как горы, стен. Защищённый руинами пол выдержал последовательные сносы собора: он включает могильные плиты, под которыми спят древние цари Грузии. Справа, в нефе, возвышается любопытный мавзолей. Я спрашиваю, что это за эдикул. «Это гробница Святого Иосифа» — простодушно отвечает свя-

ра, отреставрированное в XIX веке. (прим. переводчика).

щенник. — «Так здесь лежит тело святого Иосифа?» — «Да, его принёс тот еврей, что доставил сюда Ризу Господню.»¹

Архиепископ Тифлиссский, приехавший в Мцхет по поводу праздника, отслужил мессу в соборе, а накануне — вечером в Самтаврийском монастыре. Он совсем молодой, но ему прислуживает дюжина пожилых священников. Когда богослужение заканчивается, он разоблачается и расчёсывает свои длинные волосы перед иконостасом. Затем он надевает длинный пурпурный плащ, меняет императорскую тиару греческих прелатов на невысокую камилавку черного цвета, украшенную ниспадающей на плечи черной вуалью, берет в руки пастырский посох и благословляет коленопреклонённую толпу. На пути к выходу женщины целуют складки его одежд. Одна грузинская принцесса в шелковом костюме и блестящей шляпке кланяется архиепископу, а затем целует его кольцо и богатый наперсный крест, горящий камнями, как солнце, как небесная надежда над страданиями всех этих бедных людей.

К сожалению, я должен покинуть Мцхет в то время, как на площади возобновляются танцы. Золотая тень падает на стены с нишами в виде персидских шапочек, и они горят, словно раскалённые горшки. Я бы хотел пожить здесь несколько недель, и, как мне кажется, мог бы написать красивую главу для своей истории.

Длинная ровная дорога тянется через выжженные курузные поля и покрытые пылью виноградники с чер-

¹ Здесь путаница: в Мцхетском соборе находится копия Гроба Господня из Иерусалимского храма, тела Иосифа там не было никогда (прим. переводчика)

ными кистями... Здесь очень жарко! Эта часть Военно-Грузинской дороги наименее интересна. Затем местность становится холмистой и, наконец, мы начинаем постоянный подъем, пока не достигаем Душета на высоте 900 с лишним метров. Чрезмерно крутой на своём европейском склоне, Кавказ широко и полого спускается в сторону Азии. Таким образом, при подъеме со стороны Тифлиса путешественник получает гораздо меньше впечатлений, поэтому лучше совершать поездку из Владикавказа. Огромная шишка, на которую надо взобраться, чтобы доехать до Душета, не имеет ничего такого, что придаёт горам соблазнительный или грозный вид.

По правде говоря, за очень редким исключением облик Кавказа не очень-то любезен. Если фея Альп улыбается вам, обнимает своими прохладными ущельями, открывает широкие долины, поднимается и опускается, танцуя прекрасный вальс, словно красивая, загадочная женщина, то гений Кавказа враждебен. Вся его грозная цепь, растянутая по двум континентам, бросает вызов человеку. Самый низкий его перевал — Крестовый — находится на высоте 7000 футов!

Даже с азиатской стороны Кавказ лишает нас обширных панорам: плато Душет, охваченное широкими волнами холмов, до самого горизонта загромождено неуклюжей горной массой, заграждающей виды на линию ледников. Однако кое-где, на обманчиво близком расстоянии (мираж, возникающий в очень прозрачном воздухе) виднеется полдюжины снежных конусов размером с шапочку хлопчатника, и это, по большей части, вершины, превосходящие Монблан...

И вдруг, среди ночи, по склону Арагвинской долины, звеня всеми колокольчиками, наша тройка галопом спускается в прохладную низину; и вот мы уже в залитом лун-

ном свете оазисе Ананур. Словно капризная любовница, природа даёт нам и грубый отпор, и нежную ласку. Сегодня вечером она восхитительна, и я испытываю не сладострастие, которое возникает при опьянении ума, а великую в своей простоте радость жизни.

Ананур — единственная «улыбка» Кавказа, что существенно усиливает обаяние этого места. Занимая стратегическое положение между двух долин Черной и Белой Арагвы, Ананур был одной из важнейших цитаделей, возведённых ранними Багратидами против арабских вторжений. Из построек этого времени остались замок, называемый «дворец царицы Тамары» и две укреплённые церкви. Холм, на котором расположены эти руины, погружён в лесную котловину. Именно оттуда потомки Асхо и Тамары могли видеть прибытие Тамерлана и его орд...

В самой старой из церквей сохранились фрагменты двух красивых фресок и полуразрушенные украшения крыльца. Другая церковь представляет собой один из красивейших образцов грузинской архитектуры с характерными чертами стиля: крест в основании с покатиистой кровлей в обрамлении озёр и точёных хребтов. Сколько бы я дал, чтобы сохранить эту красоту на малую часть тех денег, которые тратятся на переоборудование куполов в подобие уродливых московских колоколен! Здания грузинского искусства, с уникальной для Востока каменной облицовкой, заслуживают исключительного уважения. В здешних климатических условиях гранит становится золотом, и, признаюсь, мне больно видеть, как эти стены одевают в ослепляюще белую московитскую штукатурку.

Я решительно старомоден. У меня странный вкус к свету луны на руинах и старых кладбищах, мокрых от утренней росы. У меня тихая любовь ко многим другим вещам, не имеющая ничего общего с бурными эмоциями.

Я предаюсь порывам воображения, верного исчезающему духу старой поэзии, что отчаянно сопротивляется пьянящему натиску современности. В невкусном пироге, купленном в Анануре, я точно узнаю крекер Западной Франции. Что еще нужно, чтобы очутиться в Бретани посреди Кавказа?.. Надеюсь, моя искренность избавит меня от презрения молодых читателей.

Одно из моих самых приятных впечатлений от Аннанура — это лагерь казаков в утреннем тумане, среди брызг первых солнечных лучей на камнях. Они заканчивают трапезу у костров, которые пылали почти всю ночь. В восемь часов звучит горн, они выстраиваются в шеренгу, перед фронтом появляется капитан и, следуя русскому обычаю, бросает им: «Здравствуйте, дети мои!» На что солдаты отвечают единодушным, трижды повторяющимся криком. Затем каждый всадник с несравненной легкостью седлает своего стройного коня, одетого в легкую кожаную сбрую с серебряными пряжками, и вот строй трогается, распевая походные песни. Грубоватые, но сильные голоса вначале пробуждают воспоминания о мужестве древних воинов, но затихая вдаль, они кажутся невыразимо печальными...

Звание казака передаётся по праву рождения и имеет определённые привилегии. Это связано с особым управлением войска. Было бы мало сказать, что они отличные наездники. Как когда-то у черкесов, а сейчас и у абхазов, казак и лошадь — одно целое. Это впечатление усиливается буркой, которая спускается с плеч всадника и закрывает круп животного.

От Ананура до Пасанура долина сужается и плавно поднимается между двумя склонами, покрытыми позолоченными лесами. На азиатском склоне Кавказа осенью леса украшаются золотом, чего больше нигде не заметно. До строительства военной дороги эти густые леса были

медвежьим раем. Но поскольку человек стал слишком часто здесь появляться, мудрые мохнатые мизантропы ушли в другое место. Однако некоторые из них, преодолевая презрение к лишённым шкур двуногим, которые всегда предвещают бедствия и перегрызают друг другу горло, как шакалы, не хотели покидать окрестности, где растут лучшие в мире ореховые деревья. Эти медведи теперь ясно показывают своё недовольство, если их беспокоят. Когда мы проезжаем мимо одного из приютов, расставленных администрацией вдоль дороги, попадаем в центр обеспокоенной толпы. Прошлой ночью, при свете прекрасной луны, которая озаряет серебристые потоки Арагвы, одному путешественнику пришла в голову ужасная мысль: присесть на парапет в нескольких шагах от дороги. Возможно, он с грустью думал о дне, когда каждый из нас покинет эти чудеса творения; более вероятно, что он просто вышел подышать свежестью и просчитывал выгоду от грядущей коммерческой операции... Тем не менее, его поза вызвала недовольство проходящего мимо медведя. Одним толчком он отправил мечтателя катиться вниз к ручью, чтобы научить его не поворачиваться спиной к ходящим вокруг приличным медведям. Только что был найден труп, и это обстоятельство собрало толпу.

Военно-Грузинская дорога является единственным способом пересечения хребта, хотя она не обеспечивает бесперебойного транзита. Как бы ни был труден путь, какую бы опасность он не представлял в неблагоприятный сезон, следовать можно только по ней. В среднем через каждые две версты я вижу караван. Почти всегда его ведут персы или греки: именно они наиболее часто курсируют между кавказскими провинциями и нижней Россией. Люди обычно образуют две группы, следуя впереди и позади телег с верблюдами, везущих товар. Ящики с казёнными деньгами таким же образом сопровождаются двумя взводами казаков.

Эта знаменитая военная дорога, одно из замечательных произведений строительного искусства, была проло-

жена в 1861 году. Если вы спросите, кто её авторы, вам ответят: князья Воронцов и Барятинский. Под этим следует понимать, что именно под руководством этих двух великих людей множество ученых, инженеров, чьи имена ныне забыты, возглавили работы, а еще тысячи безымянных рабочих, иногда ценой жизни, осуществляли строительство.

Мы покидаем Пасанур, растительности становится меньше. Горы, достигающие высоты 3500 метров, оголяются, становятся суровее, показывая вершины в форме митр. Заметно больше дичи и певчих птиц. Но самыми многочисленными кажутся вороны в серых одеяниях. Они летают выше, чем наши. Их карканье разливается в воздухе раздражающим треском. Мы только что преодолели северные границы Грузии и вошли в страну оссов или осетин.

Оссы — не простой народ. Вопрос об их происхождении озадачил ученых. Кто они? Аланы, семиты, германцы, персы или смесь грузин, армян и кабардинцев? Выбирайте что угодно, но я лучше прибегну к помощи Элизе Реклю, у которого всегда можно найти точную информацию: «Независимо от того, к какой нации Европы или Азии относится этот народ, его язык, несомненно, относится к идиомам арийского происхождения. Они называют себя «иронами», что созвучно Ирану или Персии, а свою землю — Иронистаном. Оссы пользуются кроватями, столами и стульями, чего нет в привычках других горцев; приветствуют друг друга по-европейски, поцелуем или пожатием руки, как в цивилизованных западных странах; наконец, что имеет значение для любителей выпить, они умеют обработать ячмень для получения браги и при этом используют пивные кружки, по форме напоминающие посуду крестьян из Северной Германии. Путешественники также отмечают сходство жилищ южных оссов и имеретин с амбарами в Альпах: это деревян-

ные домики, покрытые черепицей, на которую укладывается тяжелая галька. Но в долинах повыше, в отсутствие леса, оссы живут в древних каменных башнях, частью лежащих в руинах. В целом оссы не делают чести индо-европейской расе, к которой относят представителей Кавказа. Уступая остальным горцам физически, они не могут сравниться с ними в гордости, достоинстве и отваге... Их прежнее занятие, как и у многих других, заключалось в продаже самих себя по высокой цене: они входили в состав армий византийцев, грузин и персов, которые отправляли в горы вербовщиков. Наёмники возвращались домой только затем, чтобы потратить жалованье на свои оргии. Военные привычки настолько деморализовали оссов, что они уже не знали, чем заняться, кроме как грабежом; у них до сих пор почитается бог разбойников Сау Бараджи, сопровождающий налётчика в его экспедициях верхом на черном коне и указывающий путь. Будучи не прочь при случае убить или ограбить, не подвергаясь большой опасности, они, как известно, были слишком осторожны, когда им приходилось, защищая свою свободу, вступать в бой с русскими, и когда исход битвы казался им сомнительным. Но, будучи хозяевами стратегических центральных долин Кавказа, они не поддержали черкесов Западного Кавказа и дагестанских лезгин, предоставив им право сражаться и сдаваться поодиночке. Вместо того, чтобы первыми подняться на священную войну, что казалось естественным, лезгины долго выжидали, пока победа не решилась в пользу русских. Бедность и нищета заставляли их наниматься в княжеские семьи разных народов, среди которых упоминаются даже венгры¹. Чтобы положить конец спорам о собственности на землю, российское правительство объявило все равнины государственными и поместило туда «небезопасных» горцев в качестве поселенцев.

¹ Красновский. *Записки Кавк. Отд.* VII, 1860

Большинство оссов ранее называли себя мусульманами, теперь они именуются христианами и поклоняются святому Николаю и пророку Илии. Более того, за последние десять веков они трижды официально меняли свою веру. Будучи христианами до тысячного года, они приняли ислам, а спустя двести лет, под властью царицы Тамары, снова стали христианами. В Новые политические веяния в XV веке во второй раз привели их к магометанству, за исключением тех, кто жили на границе с Грузией. Несмотря на нынешний возврат к христианству, оссы практикуют многоженство, причем старшая жена обращается с детьми остальных жен как с рабами. Наряду с официальным культом и отголосками магометанства сохраняются и языческие традиции. Во время Страстной недели христианского обряда оссы совершают подношения хлеба и масла на алтарях в священных рощах, в пещерах, в некогда христианских часовнях и едят мясо овец, убитых в качестве жертвоприношения.

Самыми почитаемыми древностями в стране оссов являются саппады или гробницы, восьмиугольные сооружения высотой 4—5 метров, заканчивающиеся пирамидальной крышей с отверстиями, в некоторых местах они образуют целые некрополи. С половины последнего столетия эти памятники запрещено сооружать вновь, по той причине, что выходящие из них газы заражают воздух».

Племя оссов насчитывает около 120000 человек. Они «сидят верхом» на хребте, населяя оба его склона. Я только что проехал самую бедную часть их земель, так называемую Верхнюю Осетию.

В районе Млети, в горном тупике, где начинается грандиозный подъем на перевал, я вижу роскошную старую церковь из серебра и золота... Нет-нет, я не смотрю на неё, как на товар, тем более, что на пути моего вандализма

стоит благочестие верующих. Но такое впечатление складывалось у меня во всех моих странствиях по России, когда я видел в храмах доброго Бога столько же сокровищ, сколько страданий в домах Его созданий. И сейчас мне больно видеть сокровища этой горной церкви, расположенной на краю земли, возможно, самом пустынном месте земного шара...

«Господин, не окажете ли вы мне честь поужинать со мной? — спрашивает меня довольно симпатичный мальчик с нагловатым взглядом, в одежде из лохмотьев. Я спрашиваю своего проводника, что это за странное предложение? — «Он просит дать ему немного денег» — «Странный способ попрошайничать!» — «О! — восклицает мой проводник — Этот нищий — настоящий князь, я его хорошо знаю». Вот кем могут оказаться простолюдины в этой стране!

Двадцать пять головокружительных петель серпантина ведут от Млети до Гаудаура. Агорафобам, которые закрывают глаза, оказавшись на балконе шестого этажа, лучше не попадать сюда: это три часа бездны под ногами! Мы на обрыве в 1500 метров... Временами в глубине этой пропасти или непосредственно под вершинами, это еще 15 сотен метров над головой, можно различить что-то вроде каменной россыпи — это осетинские деревни. Одни из них взгромоздились, как орлы, другие зарылись, как кабаны. На самом деле они расположены в менее скалистых местах, где все еще возможно выращивание пшеницы или ячменя, а на Кавказе это всё ещё возможно на высоте 3000 метров над уровнем моря, по крайней мере, на азиатском склоне. Тем не менее, неприятно думать, что там живут люди.

Мы поднимаемся и поднимаемся... Пропасть всё углубляется, а гора растёт. Между только что появившимися

ся ледниками, прямо из пропасти вырастает треугольная стена — вершина Семи Братьев, её приближение пронзает сердце страхом. Если бы мы не знали, что в конце-концов она отступит, чтобы пропустить нас за поворот, мы бы развернулись, чтобы бежать со всех ног. Это очень впечатляет. Опять же: на этом перевале Кавказа нет ничего похожего на Альпы. Гора словно берет вас в клещи, сжимая всё сильнее и сильнее. Атмосфера с каждым шагом становится всё чище и прозрачней. Вы задыхаетесь, вам не терпится выбраться отсюда! Но когда мы, наконец, достигли перевала, то были разочарованы отсутствием ожидаемых панорам.

В Гудауре, вместо гостиницы, я нахожу конюшню. Прощу хоть что-то, что может послужить кроватью, и мне приносят два стула. Сдвинув их, я сворачиваюсь калачиком и пытаюсь уснуть. Неподвижная масса, лежащая рядом, посылает мне миллионы блох, которые будто вылетают из распылителя. Я протягиваю руку, чтобы пощупать своего соседа и узнаю верблюда, который выглядит очень утомлённым. Как, чёрт подери, он проник в конюшню с такой низкой дверью? Может, её построили прямо над ним, чтобы он жил здесь годами, плодя блох?.. Как бы то ни было, я даже не думаю о том, чтобы выгнать его отсюда. И потом, я лучше побеспокою себя, чем разбужу доброго спящего зверя. Поэтому я решаю прекратить свои мучения, прогулявшись среди головокружительных пейзажей Гудаура. Ледники настолько высоки, что едва ли покрываются тенью на два с половиной часа. Им достаточно этого короткого промежутка, чтобы перейти от позолоты заходящего солнца к мягким розовым оттенкам рассвета.

Ранним утром мы минуем пик Семи Братьев и на пару часов разбиваем лагерь на Крестовой горе, крайней точке перевала. Перед одним из крестов, отмечающих проход, можно позволить себе удовольствие стоять одной ногой в Европе, а другой — в Азии. Далее начинается лавиноопасный район, отправная точка ужасного 2500-метрового

спуска, прерываемого всего двумя ступенями — отрогами Казбека и Коби. Катастрофы, происходящие между Крестовой горой и Коби, уже перестали считать. Несмотря на то, что на дороге довольно много туннелей, укрытий, подпорных стен, которые постоянно ремонтируют греческие рабочие, не проходит и года, чтобы какой-нибудь караван не был поглощён лавиной в этом опасном месте. Склон очень крутой, временами дорога идёт назад короткими разворотами. Место довольно тесное, но мне кажется, инженеры могли бы уже вынести полезный опыт из дорожных происшествий: спуск к Коби — единственное неисправное место на всей военной дороге.

На этих высотах я наблюдаю только два вида птиц: стервятника и крошечного воробья, намного меньше нашего, красивого палевого цвета. Да, я чуть не забыл о курице, вездесущей курице, типичном животном-колонизаторе, встречающемся во всех уголках земного шара, пище всех народов и цивилизаций.

Здесь начинаются потоки, которые ниже образуют Терек. О, это не то, что верхняя долина Терека, здесь нет ни кустарника, ни пучка травы! Мы словно путешествуем по какой-то безжизненной планете. Мы жаждем в этом сухом воздухе, таком же сухом, как земля. Но да будет благословенно Провидение Бернардена де Сент-Пьера¹! Я нашёл фонтан. Да какой фонтан! Настоящий царь-фонтан, хранитель натриево-железистых источников, чудо питьевых вод! Даже грузины, проезжающие здесь, изменяют своему вину ради вод Коби, это самая прекрасная дань, которую можно получить от этой земли.

В окрестностях Коби можно увидеть пещеры на высоте до 3600 метров над уровнем моря. Ещё недавно они слу-

¹ Французский писатель, автор «Этюдов о Природе», главная мысль которых в том, что всё на земле создано для удобства человека (прим. переводчика).

жили жилищем для святых мизантропов, известных как отшельники Терека. Эти пещеры в тысячу раз здоровее гостиниц на Военной дороге, и столь же удобны. Здесь и там, в живописных долинах разбросаны осетинские деревни с обязательной пирамидальной башней на одном из углов. Издалека они производят впечатление огромных разрушенных замков, от которых остались одни подземелья. Я вижу один из этих замков, который выглядит потрясающе монументально на вершине горы, весь ошетилившийся остриями, как будто рассекая небо. Я захожу в одну из деревень на отроге Казбека, куда легче всего подняться, она называется Гергети. Ограда из частокола построена против зверей. Но, похоже, этой меры недостаточно, так как деревня дополнительно охраняется гарнизоном ужасно свирепых собак. Чужак непременно был бы разорван ими, если бы жители не поспешили на помощь.

Дома Гергети похожи на каменные кирпичики, расположенные друг над другом так, что образуют десять или двенадцать ступеней огромной лестницы. По бокам пристроены подъёмы, по которым можно переходить с этажа на этаж. Плоские глиняные крыши нижнего ряда домов служат дворами для верхнего. Такая конструкция стара, как Восток. О ней упоминается ещё в Библии.

Староста деревни, принимая меня в гостях, охотно разговорился. Из его уверений следует, что оссы ничего не выиграли от сотрудничества с русскими. Обратное бы меня удивило. Интересно, есть ли на Земле колонизированный народ, который благословлял бы победителя? Во всяком случае, это не оссы. Став подданными царя, они лишились права собственности на землю, оказавшейся, как я говорил, собственностью государства и, кроме того, с них взимается ежегодный взнос в размере от 5 до 10 рублей на душу населения. При этом они остаются в ужасной нищете. Налоговая служба не удобрила гору. Здесь растёт только ячмень и пшеница, если так можно назвать зерно, которое мне показали, оно больше похоже на обугленную

каменную пыль. Здесь нет ни картофеля, никакого другого овоща. Также нет и мяса, так как их овцы, будучи такими же голодными, как и хозяева, могли предложить в пищу только кожу и кости. В коровниках никогда нет корма, только зимой — немного соломы. Летом бедные животные выживают, как могут, пасясь на ежевике и лишайнике.

Даже те оссы, которые могли бы уехать, привязаны к своему жилищу, как лишайник к скале. Почему? Потому что, если земля уже не принадлежит им, если они обязаны делиться её плодами в соответствии с законами коллективизма, то у них, по крайней мере, остаётся собственность на дом и скот, которые передаются от отца к сыну. И этого достаточно, — как верно сказано, что любовь к собственности неотделима от человека, — этого достаточно, говоря я, чтобы помешать им отправиться куда-нибудь и испытать возможность менее несчастной жизни.

«Да, мы очень бедны — заключает староста, — тем не менее, наше население растёт с каждым годом, увеличивая наши страдания и обогащая налоговую систему».

Размышляя об услышанном, я вхожу в дом старосты, по которому можно судить и о других осетинских жилищах. Квадратная печь составляет весь интерьер. Но мне она нравится больше, чем печи в русских избах, по крайней мере, она не источает зловредный дух и сильный жар. В доме я вижу женщин еврейского типа, очень симпатичных, в то время как мужчины обычно некрасивы.

Страдания, именно страдания делают оссов такими, каковы они есть. Дайте им хоть некоторое благополучие, и они очень скоро станут равноправными представителями самых трудолюбивых народов. Когда глаза привыкнут к темноте лачуги, то можно рассмотреть любопытные изделия их рук — мебель и посуду, говорящие о присутствии художественного вкуса. Детские кровати похожи на те, что мы видим в Бретани. Меня усадили в кресло, украшенное какими-то иероглифами. Я обмениваю рубль на владение глиняным кувшином для пива, покрытым лаком,

в чём уроженец Гергети почти сравнялся с арабским гончаром.

Далее мы проезжаем станцию Казбек и её известную гостиницу, которая едва ли менее заразна, чем другие. Но зато более амбициозна: столы с грязными скатертями, куда подают всевозможные кисло-сладкие ужасы, буквально тонут в окружении диковинных канделябров, металлических статуэток и бумажных цветов под стеклом. Естественно, хозяин — русский. Его детище воплощает в себе целую грань России, от роскоши до грязной нищеты. Я помню филе муфлона, которое приготовил один мастер-отравитель, чтобы я наверняка почувствовал вкус туристической еды... В качестве компенсации неудобств обстановку моей комнаты дополняет вид на Казбек и движущийся ледник Девдораки.

Казбек — самая легендарная и известная гора на Кавказе, ни один из его соперников по высоте, даже гигант Эльбрус, не пользуется такой популярностью. Это гора, чьё имя произносят по двадцать раз во время любого путешествия; чей облик мы ожидаем увидеть за каждым поворотом дороги; чья белоснежная тиара пронзает небесную лазурь на высоте более шестнадцати тысяч футов и ослепляет глаза бедного путешественника. Думаю, эта понятная известность Казбека обусловлена только его красотой, этот шедевр орографии великолепно сложен. Это само величие, грация и элегантность. Другие возвышенности вокруг похожи на ворчливых старых дев или толстых купчих рядом с этой герцогиней, надменным цветком аристократии, коим является Казбек. Два одинаковых холма перед ним похожи на две груди, стянутые корсажем, из-под которого выбиваются кружева его снегов.

От созерцания Казбека в такую прекрасную погоду невозможно устать. Но чтобы увидеть всё его величие,

надо подняться к руинам маленькой грузинской церкви, которую, не иначе как с Божией помощью, монахи построили почти на уровне вечных снегов. Нас охватывает религиозный трепет, и мы преклоняем колени перед этой горой, вспоминая удивительные строки:

*Monts sacrés, hauts comme l'exemple,
Blancs comme le fronton d'un temple¹*

Вероятно, облик этой горы напоминал казбекским монахам образ самого божества.

— Возможно, ты не знаешь, Ростом, — сказал я своему проводнику-менгрелу, — что когда-то давным-давно человек по имени Прометей, возжелавший достать огонь, был прикован к этой горе своим богом?

— Конечно, месье, — ответил он, — я слышал эту историю от священника в нашей церкви!

Образцы грузинской архитектуры сохранились здесь до наших дней. Это её северная граница. В деревне Казбек есть церковь, над воротами которой вырезан странный барельеф: по обе стороны от центра проходит цепь, заканчивающаяся посередине подобием ожерелья, в котором зажата голова фантастического четвероногого существа. Вокруг церкви раскинулось кладбище, почти все захоронения которого отмечены каменными плитами из слоистой породы. Конечно, здесь не так красиво, как на Пер-Лашез², но зато менее печально. Я спрашиваю смотрителя: «Кто здесь похоронен?» — «Георгий Казбек» — «А там?» — «Николай Казбек» — «Ну, а здесь?» — «Дмитрий Казбек».

¹ О, гор священные твердыни, что будто храм белеют в сини... (В. Гюго, перевод Д. Серебряный)

² Кладбище в Париже

Это шутка? Нет, оказывается, половину жителей деревни зовут Казбек. Но был среди них один великий человек, поэт Александр Казбек¹, влюблённый в эту прекрасную гору, свою тёзку. Он любил повторять, что не поменял бы её даже на такую же гору золота. Будучи состоятельным человеком, Александр Казбек почти весь свой доход тратил на бедняков, за которых постоянно заступался перед властями. В конце концов, он стал вызывать раздражение у правительства. В России, как и в других странах, защита угнетённых приносит только неприятности. Александр Казбек хотел жить жизнью тех людей, к которым был так великодушен. Долгое время он держал овец на пастбищах возле своего дома. Однажды трое наших соотечественников, проходя мимо, воскликнули: «Как жаль, что здесь никто не знает нашего языка и не может рассказать о чудесах, которые мы видим!». Пастух, услышав это, обратился к путникам на чистейшем французском, чем изрядно удивил их. «Однако, — сказал один из французов, — вряд ли здесь найдётся поэт, который по достоинству воспел бы красоту Казбека!» — «Я и об этом позаботился» — ответил пастух. «Вы? Кто же вы такой?» — «Я простой скотовод» — «А как вас зовут?» — «Так же, как и эту великую гору». Стихи Александра Казбека написаны на грузинском языке, и я не могу оценить их. По правде сказать, мне не хочется разрушить эту прекрасную легенду.

Певец Казбека умер в прошлом году. Останки поэта перенесли в родное село, где покоились его отец и дед, и похоронили напротив любимой им вершины. Большой поток людей следовал за гробом Александра от Тифлиса. Я представляю эту процессию на подъемах к Гудауру... Вероятно, зрелище было отнюдь не банальным.

...На рассвете, когда гаснут звёзды, я возвращаюсь к подножию Казбека, туда, куда не ведёт ни одна железная

¹ Александр Михайлович Казбеги (1848—1893)

дорога, где ветер не треплет краснеющих листьев, где не слышен безумный гвалт толпы космополитов, где я чувствую себя одиноким, одиноким до сердечного трепета, созерцая стройную скалистую фигуру, дрожащую в утреннем воздухе. Она показывает слегка обнажённое плечо в обрамлении горноста, словно приготовившись к бальному танцу. Я понимаю, что любовь поэта к этой горе была почти человеческой.

Наконец мы вступаем в суровую тень Дарьяла, знаменитого прохода, ведущего от Казбека до Ларса, древних ворот сарматов. Это самая узкая теснина, которую контролируют два форта, на входе и выходе, длиной чуть более километра. Однако головокружительный карниз, ведущий туда, вмещает все четырнадцать. Эта часть дороги — шедевр инженерного искусства, поражает своей смелостью. Почти на всём протяжении она выдолблена в скале полутоннелем и склоняется на 20 сантиметров с каждым метром к зеленоватой мраморной стене, отвесной, как великие Альпы. На хребтах совсем ничего не видно и это зрелище пустоты настолько гнетущее, что когда между двумя горными вершинами мы замечаем ледник, сверкающий на солнце, то он радует нас, словно островок весенней зелени.

Я мечтаю о железной дороге, которая когда-нибудь заменит этот суровый путь. О ней давно говорят, но прокладке препятствуют трудности, которые были неведомы инженерам Готарда, Симплон и Арльберга¹. Там, где нужно пробурить главный тоннель, есть все основания предполагать наличие подземного озера. Вся проблема в том, что если железная дорога невозможна в этой части Кавказа, то вряд ли она возможна где-то ещё. С Альпами

¹ Проблемные железнодорожные объекты Швейцарии и Австрии.

мы делаем всё, что хотим, в конце-концов мы поставим их на колёсики, чтобы прокручивать панорамы перед богатыми англичанами, сидящими на террасе отеля в Люцерне. Но Кавказ не покорен цивилизации: он явно антикоммерческий и анти-туристический.

...Словно пытаюсь добавить ужаса к ощущениям от езды над обрывом, военные кучеры погоняли лошадей, издавая гортанные крики, похожие на вопль раненного зверя или человека, увидевшего привидение. Этот кошмарный звук похож на что-то вроде « хей, го-го!». Наконец всё заканчивается, и я покидаю Дарьял с чувством человека, которого чуть не задушили.

В Ларсе казаки, раскинувшие лагерь близ постоянного двора, развлекают меня национальными песнями, что меланхолично наполняют ясную ночь. Эта музыка вливается в общий оркестр, который уже звучит в моей голове. Это флейты Тифлиса, Коби и Млети; цимбалы Мцхета и Казбека; скрипки Аннанура, Пассанура и Гудаура; барабаны Дербента, Батума и Сухума. Его гармония очаровывает меня, тем более, что мало кто может её воспринять...

От Ларса до Владикавказа дорога тянется по ровной долине, окружённой горами, и это вызывает во мне воспоминания об увиденных пейзажах. Будучи вдвое выше Пиренеев, общими очертаниями Кавказ напоминает горную цепь, отделяющую Францию от Испании. Он также образует сплошную стену с незначительными понижениями и так же, как и пиренейская масса, создаёт бесконечные препятствия для любого железнодорожного пути. Но когда бешеный поток Терека на выходе в долину превращается в широкий журчащий ручей, сходство Кавказа с Пиренеями ощущается особенно остро. Вот три вершины, следующие одна за другой, они мне знакомы. Особенно эта, в снежной шапочке, в детстве я карабкался по её склонам;

и я ищу место, где был отцовский дом... Дикий крик извозчика вырывает меня из этого сна, и я понимаю, что нахожусь далеко от родины.

Кубань

Владикавказ. Цитирую Бедекера¹, пользуясь его невыразимой лаконичностью: «Город с 32 000 жителей, столица округа и крепость на обоих берегах Терека. Своим названием — „владыка Кавказа“ — город обязан положением в начале тифлисской дороги, и поэтому он является гарнизонным. На берегу реки есть красивый, тенистый бульвар, откуда открывается вид на горы». Я не заметил, чтобы этот бульвар был особенно «красивым», он похож на все бульвары маленьких городов. Но равнодушная фраза «откуда открывается вид на горы» заставила меня разозлиться на составителей сборника, в котором малейший немецкий замок из картона вырастает из мухи в слона, и, будучи отмеченным звёздочкой, вызывает восхищение у туристов. Правда в том, что отсюда до Пятигорска, то есть на протяжении двухсот вёрст, Северо-Кавказский фронт, называемый ледяным Кавказом, представляет собой зрелище, не имеющее аналогов в мире. «Это поразительней, чем Гималаи!» — говорил мне один англичанин из Индии. Он объяснил: чтобы увидеть панораму Гималаев, нужно взобраться на «табурет» высотой не менее 4000 метров, отчего эффект большой горной цепи, соответственно, уменьшается. Напротив, Ледяной Кавказ, поднимающийся прямо из реки, на одном уровне со степью, не теряет своих преимуществ и представляет собой от Казбека до Эльбруса сплошной серебристо-голубой занавес, имею-

¹ Бедекер Карл, немецкий издатель знаменитых путеводителей по разным городам и странам.

щий среднюю высоту 5000 метров. Вот что Бедекер небрежно называет «видом на горы»! Да если бы такая панорама открывалась где-нибудь с Унтер-ден-Линдена, он рассказал бы об этом с большим энтузиазмом.

Владикавказ резко отличается от других городов Закавказья. Я видел подобные русские поселения на границе с Финляндией. Он имеет план шахматной доски, как и у наших старых крепостей, только больших размеров. Широкие улицы, огромные площади, низкие дома, выкрашенные в розовый, синий, коричневый цвета, и зелёные крыши. Русские хаты с печками в стене и двойными окнами, которые никогда не открываются. На эти плоские города словно наложена печать властной дисциплины, которая раздавила их!

Однако здесь, во Владикавказе, есть чем порадовать взор, это живописная картина приходящего и оседлого населения. По сути, это маленький Тифлис. Здесь я нахожу все разновидности черкесского костюма: имеретинские, грузинские, мингрельские, и казачью форму, что является их элегантным сочетанием. И здесь, кстати, развита торговля одеждой. Более чем в ста лавках продаются бурки (черные или коричневые для мужчин и белые для женщин); башлыки (капюшоны в виде низкой скуфьи с длинными полосами, спадающими на грудь и обвивающие шею, когда холодно; черкески любого типа с патронташами из дерева, слоновой кости или чёрного серебра. Самые красивые черкески сшиты из белого сукна с золотой подкладой. Здесь же продаются палантины из овечьей шкуры, туфли и гетры из кусочков кожи. Ко всему этому примешиваются серые сюртуки и белые фуражки русских офицеров и чиновников, красные ситцевые платья, фартуки с цветочным рисунком и яркие одежды крестьян.

Если по ту сторону границы русской униформы было меньше, то во Владикавказе она доминирует. Ещё немного на север — и всюду будет только она. Как и Германия, и даже больше, чем Германия, Россия похожа на казарму.

Представители государственных органов носят военную форму: трудно отличить начальника станции от полковника. Даже школьники одеты как маленькие солдаты.

Обычное состояние жителей Владикавказа, преимущественно мужчин, — опьянение. Кавказцы пьют вино, русские — водку. Железнодорожный кассир, выдающий мне билет, пьян; нищий, просящий милостыню, пьян; гостиничный служака, ведущий меня в номер, тоже пьян.

О, эти русские гостиницы! Если не считать нескольких первоклассных отелей, что встречаются в очень больших городах, я вряд ли стал бы рекомендовать их более, чем гостиницы на Кавказе. Все они ещё долго будут защищать Россию от вторжения дружественных ей туристов. Во-первых, у русских ещё меньше, чем у немцев, развит культ мягкой постели. Я видел одну царскую кровать в спальне Зимнего дворца: на ней лежал матрас, сделанный из более сурового материала, чем тот, которым обивают сиденья наших вагонов.

Большинство русских, у кого есть кровати (я не говорю о 60 миллионах рабочих и крестьян, спящих на полу или печке), не раздеваются, ложась спать. Они плюхаются прямо на пружинное ложе в железном каркасе, что обычно и представляет собой этот предмет мебели. Редко кто позволяет себе такую роскошь, как простынь, но только одну! Они заворачиваются в неё, как колбаса в фольгу. Поэтому, когда в гостинице я требую вторую, то, даже при неимении подушек, меня обвиняют в сибаритстве и предупреждают, что вторая простынь непременно отразится на моём кошельке. Просьба о полотенце вызывает такую же реакцию. Кроме того, всё приносимое бельё отвратительно грязное.

Одеял нет. Правда, в комнатах всегда тепло. Но при полном отсутствии матрасов, подушек и ковров на полу

(их заменяют нарисованные на паркете цветы), стена над вашей кроватью непременно украшена натянутым на карнизе полотном с изображением собаки, тигра или льва. Эти ужасные шерстяные гобелены, как и яркие ткани, в которые одеваются крестьянки на юге России, изготавливаются на московских фабриках.

Итак, цены за одну ночь во второсортном отеле:

Номер — от 1 до 3 рублей. Дополнительные платы: матрас — 1 рубль, подушка — 25 копеек, простыня — 50 (!), два полотенца — 40 копеек. Итого 5 рублей 15 копеек, то есть 14 франков. Я не включаю сюда чаевые. Клевещут те, кто называет Францию страной сборщиков чаевых. Они просто не ездили в Россию и не догадываются, насколько тяжёл здесь этот неофициальный налог.

Использование счёта является обязательным для всех государственных касс и торговцев империи. Поэтому русские утратили способность к вычислениям в уме. Чтобы сложить 1 рубль 20 копеек с 2-мя рублями 35-ю копейками, что очевидно представляет сумму в 3 рубля 35 копеек, кассиру требуются счёты.

На рынке Владикавказа за цену простыни в гостинице можно купить красивого фазана, а за стоимость стирки полотенца — три килограмма раков! Получение компенсации за не предоставленные услуги зависит от настроения хозяина отеля.

Я в театре. Дают драму, в которой главную роль, на мой взгляд, играет самовар. В течение трёх актов его приносят и уносят не менее десяти раз. Дело в том, что события развиваются в семейном кругу, а в России семья не мыслит себя иначе, чем собирающейся вокруг самовара. Пьеса рассказывает о супружеской измене. Первый акт: подозрения мужа, его советы и предупреждения неверной жене. Второй акт: измена жены, грех оказался

сильнее! Третий акт: отказ от любовника, раскаяние, искупление, прощение. Благословение всей семьи дедушкой, у которого когда-то случилось подобное несчастье, но возраст сделал его снисходительным. Во владикавказском театре торжествует евангельская мораль!

Актёры гораздо хуже наших, что не мешает хорошеньким женщинам (они все в белых платьях!) из лож пожить глазами молодого премьера.

Мы на пути в Екатеринодар. Вёрсты, вёрсты... Справа — желтая степь, простирающаяся в бесконечность, слева — огромный ледяной хребет, который сопровождает нас, постепенно уклоняясь на юго-запад. Я понимаю, что на протяжении всей истории, народы, жившие по обе стороны кавказской цепи, думали, что на ней и заканчивается мир.

В сумерках перед нами открывается странное и величественное зрелище. Внезапно, среди степи, появляются шесть холмов интенсивного лазурного цвета, словно египетские пирамиды. Степь горит золотом, и основания холмов скрыты пеленой паров, видны только вершины, похожие на неподвижные облака. Я не помню, чтобы в других своих путешествиях я видел картину, сравнимую с этой! Известные нам Альпы, конечно, очаровательны и многообразны, но нигде они не показывают подобного величия. И, поскольку я слышал, что многие французы теперь путешествуют за пределами Франции, я советовал бы им приехать сюда и посмотреть на это чудо. Оно стоит того, чтобы вытерпеть всю суровость русского общежития.

Тем более, благодаря железной дороге, этот район теперь безопасен. Раньше сюда невозможно было приехать без солидного военного сопровождения, но с прокладкой рельс разбой становится невозможным, и самые неприступные земли открываются для колонизации. В эту про-

стую истину Франции следовало бы проникнуть с того дня, когда она решила расширить свои колониальные владения. Так мы избавили бы себя и от денежных трат, и от военных операций, столь же дорогостоящих, сколь и варварских. Для России эта ошибка извинительна, как для более отсталой страны, чем мы. Настоящей хозяйкой на Кавказе она сделалась только с тех пор, как заперла горы между двумя линиями железных дорог. Какая польза от всей крови, пролитой здесь за предыдущие полвека?

Ели отличный суп в тихорецком буфете. Обратите внимание на характерную деталь: если отели в России оставляют желать лучшего, то буфеты необычайно великолепны. Большой фуршетный зал станции Тихорецкой ни за что не уступил бы императорскому дворцу. Добавлю ещё одно обстоятельство, которое должно сделать Кавказ модным направлением для наших туристов. От какого ещё прославленного гуляки мы ждём сигнала, чтобы тронуться сюда в массовом порядке? «Уже три года как я не видел здесь ни одного француза!» — сказал мне хозяин лучшего отеля Екатеринодара. И это в городе, где многие жители говорят на нашем языке, как впрочем, и по всей России!

Екатеринодар — главный город Кубанской области, бывшее казачье поселение, основанное Екатериной Великой. Ни одного памятника, достойного внимания. В центре, посреди квадратной лужайки, возвышается незатейливый собор цвета бычьей крови с пятью зелёными куполами. Я вхожу внутрь и вижу интерьер, окрашенный в ярко-синий цвет. Достаточно, чтобы заболели глаза.

Только толпы на улицах впечатляют своим разнообразием, но это уже совсем не то, что во Владикавказе или, тем более, в Грузии. По мере того, как дома и церкви становят-

ся пёстрыми, население теряет цвета. На рынке быков заменяют буйволы, а старинная арба вытесняется современной телегой. Грязные, нищие мужики с удивительными чертами лиц, необузданными бородами и большими добрыми глазами копошатся возле запряжённых лошадей на городских остановках. Экипажей так много и они так спешат, что образуют на перекрёстках баррикады. Нужно держаться подальше от этих грязных овечьих шкур, в которые одеты крестьяне: уж слишком сильный запах.

Женщины, как и везде, немного больше заботятся о себе. Они одеваются в яркий кретон и с величайшим кокетством носят красивые пояса, разделяющие их на две квадратные части. Эстетика их туалетов идеально выравнивает фигуры, похожие на ходячие расписные шкафы.

Среди запахов, исходящих от торговой площади, чувствуется вяленое сало, шкуры, мускусный аромат квашеной капусты — основы национальной кухни, в этот же букет вторгаются колбасы, твёрдые как мрамор, и насыщенные пряностями. В воздухе слышны благовония красных перцев, гирляндами развешенных между нитями сушёных каштанов, свежий запах зелёных дынь и чёрного винограда, удушающие пары птичьего помёта и извести, тухлый смрад копчёной рыбы. Весь этот обонятельный «концерт» напомнил мне знаменитую сырную симфонию, которую описал Золя.

Здесь очень много кабаре. Они переполнены. За столами, покрытыми красивыми, но грязными скатертями с бахромой и красными арабесками, мы пьём бренди и крымское пиво. К пиву подают сардины, козье мясо, огромное количество раков, и всё это по сумасшедшим ценам. Именно здесь заключаются все купеческие договора. Водка стекает по бородам, где застряли кусочки еды, носы краснеют, споры разогреваются; механический орган перекрывает общий шум воплем тридцати медных труб. От стола к столу ходят благочестивые монахини с ящиком для пожертвований. Всё-таки на этот раз в России я чувствую себя неплохо!

В отеле я знакомлюсь с молодым русским, у которого отличные манеры. Мы вместе идём обедать.

— Как вы находите эту рыбу? — спрашивает он меня.

— Она великолепна.

— Да, кубанская рыба — одна из лучших! А как вам этот соус?

— Хорош!

— Я надеюсь скоро добиться большего!

В ответ на мой недоумённый взгляд, он открывается:

— Надеюсь, вы не сомневаетесь, что я «джентльмен»?

Так вот, я хочу последовать примеру некоторых джентльменов, моих соотечественников, которые к своим хорошим манерам добавляют ещё и кулинарное мастерство. Недавно в Москве мой друг, граф Д., предложил своим гостям блюдо, приготовленное собственноручно. Успех был колоссальным! Многие ему завидовали. Поскольку французская кухня — лучшая в мире, то следующей зимой я еду учиться в Париж. Там есть специалисты, которые проводят курсы. То есть, вы меня поняли? Когда я вернусь, то превзойду всех в кулинарном искусстве!

После этого заявления последовало долгое молчание. Мой собеседник, прекратив есть, погрузился в свою мечту о славе... Стоило ли мне ехать так далеко от родины, чтобы увидеть такой образец снобизма?

Вскоре после Екатеринодара начинается так называемая «равнинная» земля черкесов. Тем не менее, она более пересечена, чем степи правобережья, и за 60 верст до Новороссийска железная дорога снова ныряет в горы, образующие здесь самую крайнюю, северо-западную часть предгорий Кавказа. Пропитанная духом восстаний против захватчиков, черкесская степь сегодня замерла и оцепенела, как и все земли, раздавленные лапой русского медведя. В сельской местности лишь случайно можно увидеть крепкую фигуру коренного жителя, свободно живущего в соб-

ственном доме. Стада черных и серых волов пасутся в окружении стерегущих их огромных собак. По мере приближения к горам, на каждой железнодорожной станции всё больше черкесок и папах. Целая артиллерия маленьких черных глаз с любопытством нацелена на путешественников.

Я вижу множество икон за снопами пылающих свеч в станционных буфетах: Богородица, святой Николай, святой Георгий, святой Андрей... Мой проводник из Мингрелии, который совершил сотню крестных знамений прежде, чем сесть в поезд, до сих пор на каждой станции ставит свечу за четыре копейки перед образами.

— Так ты обнищаешь вконец, Ростом!

— Ах, месье, это благие траты. Каждый раз я покупаю себе немного блаженства после смерти!

Замечали ли вы, что на вокзалах и в портах удобней всего наблюдать разные типы людей? Вот передо мной казак, превосходный парень, он элегантен от природы, весь дышит силой и радостью жизни. Видимо, он возвращается из какой-нибудь далёкой станицы на родину. На станции Абинская его ждёт невеста, он знает об этом и готовится произвести ошеломляющее впечатление. Желая выглядеть безупречно, он уже оделся во всё новое, вымыл волосы и бороду. За несколько верст до прибытия он расчёсывается и освежается в этих замечательных русских вагонах, предоставляющих все удобства, и в завершение всего чистит ногти кончиком ножа.

Наконец поезд останавливается. Невеста и вся семья уже на перроне. Мой казак соскакивает вниз. К нему подбегает двое мальчишек пяти-шести лет, видимо, братья, спотыкаются в слишком длинных взрослых одеждах. Он подхватывает их на руки, гладит по головам. Отец и мать подставляют ему щёки, в то время как очаровательная, как Галатея, девушка прячется за ними, не позволяя увидеть себя. Он хочет поцеловать её, но она ускользает, а отец смеётся над её игрой. Наконец он хватает её за талию и,

прежде чем дать долгожданный поцелуй, отворачивается и грациозно сморкается в пальцы. Эффект произведён: невеста падает в обморок.

Но наш галантный кавалер ещё не исчерпал своих соблазнительных уловок. К ним подходит торговец с полным ведром красных ягод, по форме напоминающих фундук. К радости детей казак покупает всё, и, чтобы расплатиться, на глазах ошеломлённых родителей широко открывает свой кошелёк, набитый рублями.

Нижняя долина Кубани — ни что иное как холмистый дубовый лес. Многие деревья скручены *борой* и ударами молний, и имеют устрашающие, трагические силуэты. Они словно декорации в театре засад и массовых убийств, совершённых на берегах этой реки, в водах которой скрыты горы отрубленных голов...

Минуя два опорных пункта, Крымскую и Баканскую, мы движемся к Новороссийску по туннелю, который имеет свою легенду, вернее, историю. Работы по бурению этого туннеля были начаты с обоих концов одновременно: рабочие на одном и другом участке должны были встретиться в заранее рассчитанном месте. Но поскольку в нужный момент состыковки не произошло, то все решили, что оба коридора уже слишком далеко разошлись друг от друга. Послали к главному инженеру сообщить о его страшной ошибке. Но вдруг перегородка рухнула под очередным ударом рабочих и обе бригады увидели друг друга в точно рассчитанном месте! Увы, было поздно: несчастный инженер, поверив в ложное сообщение, застрелился...

Мне всегда казалось, что русским людям несвойственно отчаяние, они легко переносят насмешки и сами любят подшучивать над другими, но это не умаляет страстной глубины их натуры и они, возможно больше, чем мы, лелеют в себе честолюбие. Пример этому я только что привёл.

Новороссийск

Если самым грубым и небрежным образом наслоить современную Европу на старую Азию, прогресс и злые лихорадки — на тысячелетнюю стагнацию Востока, вы получите колорит Новороссийска. Вчера это был всего лишь греко-армянский городок, которому в 1855 году англо-французский флот оказал честь бомбардировкой, но завтра, благодаря железной дороге, открывающей путь урожаю зерна с южных пределов империи в Москву, Новороссийск станет большим городом.

Это уже третий торговый порт русских на Черном море. Когда у нас во Франции заканчивается пшеница, и мы чуть шире открываем двери для иностранного зерна, то отсюда, так же как из Одессы или Бомбея, к нам плывут гружёные баржи. К сожалению, рейд здесь недостаточно защищен от *бора*, этого ужасного северного ветра, который, пронесшись над всей Россией, разбивает корабли о крутые берега Понта (отсюда и переносное значение названия Черного моря, что означает Злой). Когда дует *бора*, то самые тяжелые корабли, идущие из Новороссийска, вальсируют по волнам, словно лёгкие лодочки.

Но это неудобство приходится терпеть: не каждый день появляются порты, созданные самой природой, такие как Одесса, Севастополь и Новороссийск!

Порт и современный город, оснащенный электрическими фонарями, венчает элеватор. «Что такое элеватор?» спросят меня несведущие. Это шедевр нынешней промышленности. Огромный механизм, занимающий площадь около километра, автоматически и очень быстро выполняет все действия между прибытием зерна на станцию и его погрузкой на суда. Другими словами, это гениальное устройство соединяет наполненные зерном вагоны с трюмами кораблей. Зерно помещается в огромные емкости и поднимается вверх, затем транспортёрными

лентами, заключёнными в трубы, оно подаётся прямо к судам, причем не теряется ни грамма ценного груза. От главного здания элеватора, которое жужжит, как мельница, тянется гигантский деревянный вал, который, пересекая несколько дворов и пристань, опускается к месту погрузки. Именно через этот рукав и течёт пшеница. Элеватор, несомненно, заслуживает пальмовой ветви среди всех машин, сводящих к минимуму работу человеческих рук, и ему нет лучшего места, чем в этой стране.

Население Новороссийска представляет собой смесь греков и армян. Всех их, особенно греков, объединяют общие черты: лень и пьянство. Так же, как и в Тифлисе, здесь пьют в три горла. Крымские, греческие и кавказские вина морскими путями текут в эти бездонные пропасти так же, как и зерно в трюмы судов. Но огромный выбор вин отнюдь не мешает потреблению бренди: даже в таком молодом городе, как Новороссийск, я нашёл давно забытый мною абсент Перно, Амер Пикон и другие аперитивы. А вот русский бренди, как мне показалось, является наиболее отвратительным варевом. Эта ужасная *водка* превращает наш дружественный народ в тупоглазую звериную толпу, шатающуюся по улицам грязными толпами. Вот два старика, лет по семьдесят каждому, ведут запряжённую телегу. Один из них еле перебирает ногами рядом с лошадью, бросая мутные взгляды из-под своей косматой прически. Через мгновение он падает в грязь и остаётся лежать, как мёртвый. Его жена, увидев это с высоты поклажи, где обычно сидят женщины, спускается вниз и с трудом затаскивает пьяницу на телегу. Затем, без тени возмущения или отворачивания, она садится за управление экипажем, время от времени оборачиваясь, чтобы посмотреть, не собирается ли мешок с мусором, который представляет собой её муж, вывалиться на очередном дорожном ухабе. А на другой день она и сама может оказаться в подобном положении...

В некоторых провинциях России между супругами заключается своего рода контракт: у мужа свой день для пьянства, у жены — свой. Таким образом, домашнее хозяйство всегда находится под присмотром. Хуже того, у русских встречаются младенцы с ошеломлёнными, как от пьянства, глазами. На самом деле они тоже пьяны, они невольно напиваются алкоголем ещё во чреве матери.

Новороссийск, пожалуй, наименее религиозный город царской империи. Это связано с особенностями его развития. Грязная пена азиатства, приходящая с южного и восточного берегов Черного моря, захлёстывает ручей честного и благочестивого элемента в виде малороссийских солдат и крестьян. Отсутствие аристократии усугубляет безбожие. Что это, влияние среды или случайность? Во всяком случае, я был свидетелем того, как русские в присутствии иностранца довольно живо подшучивали над православной религией.

«Знаете ли вы, — говорил мне один из них, — почему мы, несмотря на свою неправоту, продолжаем сохранять старый календарь, отставая от Европы на двенадцать дней? Это ради святых, память которых празднуется в эти дни. Если мы внезапно проведём реформу, то все они лишатся своих праздников и обрушат на Россию всевозможные беды». — «В любом случае, — отвечал ему другой — если мы соберёмся провести эту реформу, нам придётся позаботиться, чтобы святой Николай не попал в их число. Иначе восстанут сибирские крестьяне, они же считают Николая цесаревичем небесным и говорят, что если бы Бог умер, то он встал бы на его место».

На мой вопрос к этим вольнодумцам о том, почему самые благочестивые женщины, включая Императрицу, не могут входить в алтарь, что находится за перегородкой

с иконами, а мужчинам, даже пьяницам, это разрешено, ответили не без изящества:

— Дело в том, что в глазах наших священников, которые дольше, чем ваши, придерживаются традиций древнего христианства, женщина всё ещё считается нечистым животным.

И напоследок — совершенно анекдотический случай. Несколько лет назад в Москве произошло неслыханное, возмутительное событие: был украден священный потир! Вор-святотатец, бедный мужик, был найден и явился в суд.

— Что ты можешь сказать в своё оправдание за столь гнусное преступление? — спросил его судья.

— Перед Богом, который меня слышит, я скажу всю правду! — отвечал мужик, — я долгое время умолял Архангела Михаила послать мне денег, чтобы купить пищи и лекарств для моей больной жены. Вы понимаете, дети могли лишиться матери! И, наконец, Архангел явился ко мне и говорит: «Я не могу сам дать тебе денег, но позволяю, чтобы ты пошёл в собор, взял там священную чашу, продал и на вырученные средства купил всё необходимое».

Озадаченные судьи перенесли решение на следующий день. Как вы понимаете, они отнюдь не были на стороне этого лживого негодяя, но всё же назавтра оправдали его, наказав впредь не делать подобного. Они боялись, что в случае обвинения вера людей в возможность общения с небожителями будет поколеблена!

Одна из странностей, которые больше всего поражают иностранцев в России, это сочетание глубокой веры в Бога и презрения, которое испытывают верные к низшему духовенству. Совершенно естественно плевать на рясу священника и при этом истово поклоняться иконам. Жюль Лёграс в своей замечательной книге «На русской земле»

даёт объяснение этой на первый взгляд шокирующей антиномии, причём очень рациональное:

«Для того, чтобы крестьяне в К. были тронуты простотой и учтивостью священника, он должен обладать редкими личными качествами. Во всей православной России святых отцов уважают только в том случае, если он заслуживает этого своим поведением. Право на уважение не получают вместе со священным саном. Я не знаю ни одной страны, где о священниках и монахах говорили бы с таким презрением, как в России, Святой Руси! Однако мягкая славянская душа не боится противоречий в этом вопросе и, считая всех попов обманщиками и пьяницами, люди без всякого отвращения прибегают к совершаемым ими богослужениям. В конце концов, падре вряд ли воспринимается крестьянами как слугитель Бога, скорее всего он является в их глазах неким лицом, обладающим монополией на религиозные действия. Его нравственность, какой бы она ни была, не влияет на святость предмета, которым он торгует. Кроме того, этот предмет необходим и у падре нет конкурентов.

Мужики всегда снисходительны к мелким грешкам, в которых и сами часто виноваты. Пороки другого человека не имеют для них значения при условии, что источник оных честен.

«Священники благочестивого поведения и строгой жизни редки в русской деревне, однако не следует требовать этого сверх меры. Две трети батюшек, несущих ответственность за свою паству, не получают за это даже малейшего вознаграждения. Мало того, они вынуждены продавать священнодействия и даже спорить о цене. На больших праздниках им приходится бродить по деревне от дома к дому, собирая пожертвования. Многим из них очень тяжело живётся и их положение чрезвычайно унижительно, так как зависит от крестьян до последней копейки.

Деревенские священники находятся в некоторой интеллектуальной изоляции. «Если бы вы могли знать, — го-

ворил мне один молодой священник, — каково это, приехав из города с высокими идеями и чувствами, оказаться одному среди этих неграмотных крестьян! Совершенно не с кем поговорить, даже сосед-помещик не имеет других забот, кроме своей пшеницы, коньяка и карт. Ни книг, ни газет, полное одиночество!». Человеческий ум быстро привыкает к такой обстановке и моральные чувства притупляются. Постепенно образованный священник превращается в обычного крестьянина, забывает все свои науки и ограничивают свои заботы попечением о благе семьи. Тот молодой батюшка говорил правду, сельские священники редко находят поддержку своей вере и благочестивым устремлениям, они впадают в невежество, грубость и, в конце концов, водка становится для них высшим благом».

Независимо от того, что вышесказанное может иметь отношение к священству любой страны, оно позволяет понять ту бездну тупика, в котором копошится масса русского народа, и эта масса состоит из почти ста миллионов мужиков более отсталых, чем французские крестьяне 10 века. Что касается той чепухи, которую распространяла наша пресса по поводу русско-французского союза «Кронштадт — Тулон», якобы явившегося плодом единения родственных душ, всякий, кто путешествовал по здешним провинциям, не может над нею не посмеяться. Потому что девяносто процентов русских подданных совершенно не знают французов и не проявляют никакого стремления к возможному братству с народом, давно освободившимся от социальных проблем, активным, рассудительным, образованным, отнюдь не мечтательным и не возлагающим надежды на помощь с небес.

Месье Жюль Леграс, который в течение трёх лет общался с русским крестьянством, замечает, что в их глазах немец или француз — всё одно, и я лично убедился в этом. Нет-нет, русские совершенно не знают нас. Да и откуда бы им знать? Было бы самонадеянно думать, что они нас лю-

бят, ведь наши отношения осуществлялись только с оружием в руках: и в начале, и в середине нынешнего века, и если русские что-то помнят — так это наши выстрелы. А если сейчас они делают вид, что забыли старую вражду, то лишь потому, что царь сказал: «Мы теперь должны хорошо выглядеть в глазах французов!», и дети покорно слушаются своего отца.

Но опять же, если простой народ ничего не знает о нас, то здешняя аристократия прекрасно с нами знакома. Я хотел бы, чтобы мои соотечественники вернулись к здравому пониманию русско-французского союза и, не питая иллюзий, рассмотрели бы взаимную выгоду этой дружбы, определяемой исключительно дипломатией.

Человеку необходимо быть одновременно и худым, и крепким, об этом должны позаботиться финансы Российского государства, однако если бы его чиновники обещали чуть сытнее, их нравственность бы поправилась. От низшего звена до высоких постов — все они получают такое же низкое жалованье, как и священники. Это имеет следующие последствия:

— Слишком вольное отношение к работе. Начальник почтового отделения руководствуется только своим удобством. Если ему вздумается пойти пообедать, он просто закроет дверь на ключ: посетители всё равно его дождутся.

— Процветающее взяточничество, которое если не разрешено, то, по крайней мере, терпимо. Государственный служащий, как и служитель алтаря, живёт своей работой, и у каждого просителя хватает ума это понять.

В новороссийском порту я познакомился с приветливым господином, образованным художником, говорящим на шести языках. Когда-то он был богат, но разорился на игре. Теперь он несёт службу младшего таможенника, получая зарплату чуть выше, чем самый никудышный

французский работник. Но уверяет, что живет весьма неплохо, благодаря подношениям, которые получает вследствие своей работы. Во время своей поездки я также познакомился с юношей, приехавшим на Кавказ в качестве туриста, который представлял собой тип «бедного студента». «Какую специальность вы избрали?» — спросил я его, — «Я буду государственным инженером» — «Отлично! Это хорошо оплачивается?» — «Что вы, у них смешное жалованье. Я буду поступать так же, как и все: брать взятки».

Во Франции подобное заявление показалось бы ничтожным. Но дружелюбие и простота, с чем это было сказано, показали, что в России подобные вещи не считаются чем-то возмутительным. Русские говорят об этом скорее с иронией, чем с негодованием. Мы также стараемся не упоминать этих вещей в газетах, донося до всех иностранцев единственное полезное: надёжность российского внешнего кредита.

Лично я с уважением отношусь к английской системе: в Великобритании самые честные чиновники, так как они самые высокооплачиваемые. Помимо вышесказанного, я нахожу полезными для русских методы наказания, к которым они привыкли. И всё же меня переполняло чувство гнева, когда на московском вокзале я наблюдал отправку колонны арестантов в Сибирь. Все заключенные были осуждены по гражданскому праву, доведённые бедностью до кражи нескольких рублей. Видели бы вы, с какой ненавистью господа из конвоя, которых я знал, били этих несчастных плетками и кулаками!

В Новороссийске идут большие маневры. Здесь я впервые увидел, как марширует русский пехотный полк. Вот вам образец пушечного мяса, живого, неисчерпаемого материала, составляющего одну из двух колонн великой им-

перии. Вторая же построена из аристократического щебня и скреплена религиозным цементом.

Как сильно восхищали меня казаки своей красотой, изяществом и воинственной статью, преображающей и поэтизирующей грубую функцию военного, столь же опечалила эта пехота. Бледные, анемичные люди с ошеломлёнными взглядами, мерно раскачивающимися руками, в грязной одежде... нет, при виде этого войска мне совсем не хочется повторить за героем Буальдьё «Как прекрасно быть солдатом!». Я нашел этих несчастных солдат примерно одинаковыми по всей стране. Я сразу догадался, чему учит военная история России: эти люди неспособны к блестящей атаке, но, с другой стороны, у них есть бесконечная сила к сопротивлению, которая питается из двух источников — привычки к страданиям и фатализма. Именно привычка к нищете позволяет им терпеть казарменный режим, который российское государство предоставляет своим защитникам, как наиболее экономный, из-за вечной скудости финансов. Мужик, поступая на службу, совсем не обижается на грязную форму, так как сам только что вылез либо из овчинного тулупа, пропитанного самыми изысканными ароматами, либо из суконного платья, в котором годами разводил паразитов на ярком солнце в полях или в духоте избы. Он не может жаловаться на предложение чистой воды вместо любых напитков, ведь она так целительна для человека, ежедневно пьющего водку.

Что же касается одной из замечательных для французского восприятия черт русского человека — фатализма — то она проявляется в следующем примере. Владельцы петербургских домов часто чистят крыши от слежавшегося снега, который становится плотным, как лёд. Невозможно спокойно наблюдать за этими мужиками, как они, не моргнув глазом, спускаются к самому краю кровли, работая метлой. Если вы напомниме им об опасности, они спокойно ответят, что если Святитель Николай (Александр

Невский, святой Владимир и т.п.) решили, что человеку надлежит умереть в такой-то день, то никакие меры предосторожности не имеют смысла.

Мне удалось поговорить с одним из солдат. Конечно, он готов умереть за царя, как Михаил Строгов¹, однако вместе с тем желает скорейшего окончания службы и очень скучает по своей деревне.

— Чем вы занимаетесь?

— Тачаю сапоги, как и все мои односельчане.

Мой собеседник принадлежит, по сути, к одной из этих общественных организаций, известных как «артель» и специфичных для России. Жители одной или нескольких деревень собираются вместе, устраивают складчину, организуют большие мастерские, где каждый вносит свой вклад в работу определенной отрасли, а в конце года все кооператоры делят прибыль. В одной артели производят только обувь; в другой делают только миски. Таких специализаций очень много: гвозди, подковы, лопаты, топоры, молотки, деревянные предметы, холсты, некоторые виды тканей, шерсть и т. д. Тяжёлая работа в этих объединениях называется *Koustamié preivosta*, работа, требующая очень много сил и отдачи.

Но артели следует рассматривать скорее как любопытные исключения в этой огромной сельскохозяйственной стране, где у крестьянина есть только две опоры: Бог и земля. «Русскому крестьянину трудно понять, что земля не принадлежит ему целиком. Конечно, пока он смиряется с этим, но я сомневаюсь, что когда-нибудь до него дойдёт, что существуют законы, по которым один владелец может иметь 10 гектар земли, в то время как целая деревня в 300 домов не имеет и четверти этой площади. Поэтому всякий раз, когда в какой-нибудь деревне происходит

¹ Михаил Строгов — герой одноимённого романа Жюль Верна, царский курьер.

незначительное волнение, мы слышим разговоры о новом переделе земли. Единственным возможным для себя богатством русский крестьянин считает доходы от владения землёй. Несправедливость распределения собственности на землю сильно задевает его. Он любит землю больше всего на свете, причем не только ту, где он родился и гнул спину, а вообще, любую землю. И чем она обширнее и плодороднее, тем больше возрастает эта любовь».¹

Возможно, в этом описании русский крестьянин мало отличается от французского, но одно отличие всё же есть: в прямом смысле слова евангельская нищета! Русский земледелец относится к земле, как к кормилице, и просит от неё только насущного хлеба. Деньги его мало интересуют. Нуждающемуся он легко подаёт пуд пшеницы или золотой рубль. В нашем понимании ему не хватает чувства экономии. Русский скорее поверит в счастливый лотерейный билет, чем в несомненную пользу сбережений. Владельцы крупных хозяйств первыми подают пример расточительности: едва засеяв поля, они продают будущий урожай по низкой цене, чтобы тут же проиграть эти деньги. Если же урожай не случается и проигрыш не выплачивается, то для неосторожного игрока наступает жизнь, полная страданий.

Кроме того, русские крестьяне, в отличие от французских, более гуманны по отношению к животным. Пожалуй, Россия — единственная страна с таким милостивым отношением к домашнему скоту.

Прежде чем покинуть Новороссийск, я осматриваю питейные дома, то есть, абсолютно все дома в греко-армянском районе, менее вонючие и более снабженные продовольствием, чем кавказские духаны. Я делаю вид, что пью, наблюдая из глубины своей веранды уличное зрелище, где мелькают генералы, извозчики, монахи, пьяницы всех ма-

¹ Jules Legras, «В стране русских».

стей, причудливые кавказцы, тюрбаны из Малой Азии, турецкие моряки и бесчисленные свиньи, выполняющие спасительную роль пожирателей мусора, подобно собакам в Константинополе. Меня поражает один мессопотамец с бородой в виде штопора, как у колоссов Хорсабада и похожей на пирог прической, как у Пеладана.

Наконец я сажусь в *линейку* и мчусь по городу. Телега, испытанная военными дорогами, была куда лучшим транспортом, чем эта линейка, в которой я вынужден совершать всё дальнейшее путешествие. Линейка представляет собой фургон в виде гроба, разумеется, без всякой амортизации. Пассажиры сидят по обе стороны, прислонившись спиной к этому гробу и свесив ноги, что очень неудобно. Впоследствии в таком положении я преодолел многие версты, Бог знает, какими путями, во славу французского народа. И эта самоотверженность была вознаграждена: меня отметили в газетах! В тот день улетучились все мои горести, нахлынувшие после второго прочтения моих кавказских воспоминаний. Я решил сохранить в своих записках лучшую сторону путешествия, чтобы никому не показалось, будто я отговариваю тех, кто решит совершить подобное в этой стране.

Восточное побережье Чёрного моря

Забывтая страна

Почитаем Шрёдера. Он пишет, что восточное побережье Чёрного моря тесно связано с центральной цепью Кавказских гор, или, скорее, с Кавказской стеной, как сказал бы поэт, желая кратко выразить единство этих гор и плавность их общего рельефа. От Новороссийска до Сухум-Кале, на расстоянии более пятисот вёрст (примерно как от Парижа до Бордо), гигантская стена приближается к морю, иногда так близко, что волны разбиваются о самое её основание. Никто не может похвастаться тем, что совершил путешествие вдоль этого берега непрерывно по суше. Примерно на половине пути (я говорю «путь» не в смысле дороги, а лишь о направлении, так как тогда здесь не было проложено никакого пути), недалеко от пустынного и живописного места под названием Гагры, гора выдвигается прямо в море, как укреплённый замок за рвом, на расстояние около четырёх лье. Сегодня я проезжал место, требующее немалой выдержки, так как колея пролегает прямо по скале и вьётся между бастионами естественной крепости. Только таким образом устанавливается прямое сообщение между Новороссийском и Сухумом, что является отнюдь нелёгкой, хотя возможной задачей.

Мои читатели помнят, что я приехал сюда с намерением пройти всю эту тропу, которая, когда превратится в дорогу, станет великим Кавказским путём. Однако граф Шереметьев воспротивился моему желанию и, чтобы помешать мне, отказал в необходимом сопровождении.

К счастью, в Новороссийске я нашёл г-на Х., инженера, обслуживающего завершение строительства дороги.

— Несомненно, — говорил мне инженер-капитан Х. (в России все административные служащие носят звания, подобные военным), — вы уже видели то, что известно многим путешественникам, бывшим здесь до вас. Но если желаете совершить беспрецедентную экскурсию, следуйте, насколько это возможно, по нашему «шоссе». Оно проходит через замечательную страну, я бы сказал, уникальную, благодаря её разнообразию. В любом случае, вы станете первым, кто посетит Кавказский Эдем.

— Как? Разве англичане не опередили меня?

— Ни в коем случае. Вы точно будете первым и сможете убедиться в этом, наблюдая отношение к вам туземцев и колонистов побережья. Не думаю, что какой-либо европеец рисковал путешествовать здесь, когда этот берег был населён черкесами, то есть, до завоевания русскими. Черкесы не считались гостеприимными по отношению к иностранцам, особенно в тех местах, где их численность достигала 50000 человек, ведь они были окружены естественной цитаделью и отрезаны от мира. Благодаря этому, в удовлетворении своих житейских потребностей они стали изобретательны, как робинзоны. Они превратились в самую жестокую и непокорную расу, что доказали своим массовым исходом после поражения, чему едва минуло тридцать лет. Путешественникам прошлого, кстати, весьма отчаянным, удавалось общаться только с теми племенами адыгов, что обитают северней Кумы. Менее гордые, чем их собратья с побережья, степные черкесы, как вы убедились, покорились легко¹.

— Вы хотели сказать, уступили место казакам? Однако

¹ География этой страны в достаточной степени изучена лишь благодаря исследованиям, проведённым Русским правительством и разработчиками англо-индийского телеграфа. Но ни один турист еще не под-

вернёмся к побережью. Вы обещали мне общение с туземцами, много ли их осталось в этих краях?

— Около 600 человек. Они живут в двух аулах: Карповка и Кичмай. Советую вам посетить их. Это будет, как вы говорите во Франции, гвоздём вашего путешествия. Карповка расположена между Ольгинским и Туапсе, Кичмай — недалеко от поста Головинского, за сорок верст до Сочи. В абхазской части, между Адлером и Сухумом, численность коренных жителей может достигать 12 000 человек².

— То есть, абхазцы оказались покорнее черкесов?

— Без сомнения. При внешнем сходстве они отличаются от последних по духу. С самого начала абхазцы неохотно сопротивлялись русскому завоеванию, а затем, совершив эмиграцию для вида, снова вернулись, покорившись, на землю, где они жили, и естественное плодородие которой удовлетворяло все потребности их лени³.

— Давайте посчитаем. Около 3000 колонистов, 600 чер-

вергал себя опасности путешествия по суше. Даже в самых развёрнутых путеводителях М. Ж. Мурье нет ни малейшего упоминания об этом, за исключением указания морского пути и нескольких названий прибрежных деревень. До сих пор путешественники проплывают мимо, осматривая безлюдную землю, и не подозревают, что стоит высадиться в любой её точке, как непременно попадёшь в прекраснейший уголок Кавказа (прим. автора).

² В 1864 году, по подсчётам, было 300 000 туземцев. В настоящее время они перестали существовать как отдельное население в округе: сейчас они представлены лишь несколькими семьями, живущими там и сям, в разных районах, где им позволяли существовать особые привилегии. Вскоре они будут представлены по всему Кавказу только полукровками (Элизе Реклю).

³ Несмотря на то, что абхазцы номинально подчинялись России с 1810 года и что они менее пострадали от военных экспедиций, чем черкесы, в 1864 году их было около 150 000 человек. К 1877 году, перед недавней Восточной войной, это число сократилось до трети; после бо-

кесов и 12 000 абхазцев, итого 15 000 жителей на страну площадью в шестьсот квадратных лье. Судя по всему, девяносто девять процентов населения сгруппировано в прибрежных деревнях?

— Точно.

— Значит, внутренняя часть страны, именно то, что я хотел бы увидеть, сейчас безлюдная пустыня?

— О Боже мой, да! — воскликнул капитан с ироничной, но доброжелательной улыбкой. — Но с другой стороны, здесь к вашим услугам достаточное количество дичи.

Под дичью подразумевались медведи, кабаны, шакалы и прочие животные, которые не дождались постройки дороги и сами успешно колонизировали западные склоны Кавказа. Это несколько охладило мой пыл.

— Но вы же охотник? — продолжал иронизировать капитан.

— Не стану преувеличивать, я уверенней стреляю в отступающего противника, чем в стаю волков. По правде сказать, я никогда в жизни не охотился.

— Дикого зверя нужно бояться разве только ночью.

— В таком случае, я постараюсь ложиться с закатом. Есть ли по дороге какие-нибудь гостевые дома?

— Хм... Лучше иметь собственную постель и припасы. Однако, если вы не требовательны...

— О, я абсолютно не требователен! Я отказываюсь от постели, так как достаточно выпался на верхних койках полувоенных «гостиниц» по дороге сюда. Но при условии, что дом будет надёжно защищен.

евых действий эмигрировало более 20 000 человек, некоторые долины полностью опустели от своих прежних жителей. Пустыню приспособили для приема русского населения. Места, где жили туземцы, можно узнать только по кладбищам, покрытым рощами дикой сливы, яблонь и груш, переплетенных виноградными лозами (Элизе Реклю).

— Вам следует хорошо рассчитывать свой путь, чтобы не попасть в ловушку между двумя поднявшимися от дождей реками. Это единственная серьёзная опасность, с которой вам придется столкнуться. Дорога пересекается пятнадцатью или восемнадцатью сотнями ручьёв с мостками, а также шестьюдесятью реками и потоками, где отсутствуют мосты. По правде говоря, большинство из них проходимы в любое время года, самые крупные имеют систему фуникулёров, которые будут переправлять вас с линейкой и лошадьми.

— Прекрасно. А остальные?

— Ну, а остальные предложат вам бесплатно принять ванну, или полванны, в зависимости от размеров их резервуаров. Если вода высокая, то на вас могут налететь брёвна и каменные глыбы, несущиеся по течению.

— Да чтоб вам пусто было! Я подожду, пока вы постройте все ваши мосты!

— Вам придется очень долго ждать.

— Решительно, что мне делать? Я вам полностью доверяю.

— Бойтесь промочить ноги — не ходите туда. Но если ценой каких-то лишений, возможно, жертв, риска встречи с грубыми бродягами, вы захотите увидеть то, что до вас не видел ни один путешественник — то смело отправляйтесь в путь.

Поскольку я уже начинал бояться ужасающих картин, которые рисовало моё воображение, капитан успокоил меня. В самой высокой точке дорога не превысит восьмисот метров, это как раз та высота, где можно полностью насладиться своей интеллектуальной энергией и вобрать в себя ощущения окружающего мира.

Здесь я хочу поблагодарить моего инженера за поддержку и предоставленные удобства. Без него я бы никогда не посетил эту чудесную, неведомую Старым Светом страну, которую можно описать так:

Черкесская часть — это непрерывная череда зеленых

пирамид, выстроенных вдоль берега моря, разделённых глубокими ущельями или долинами, в каждую из которых до половины пути тянется белая лента дороги. Абхазская часть представляет собой ландшафт в виде двух- или пятирусной лестницы, уходящей вверх от побережья, к девственному лесу или саду с тропической флорой, вершинам, покрытым соснами, буками и дубовыми рощами и, наконец, к голым ледниковым склонам, окрашенным в серебристый или золотой цвет, в зависимости от времени суток.

Таков облик этого кладезя плодородия, этого сурового и одновременно мягкого края, где рядом с вечными снегами царит климат Алжира. Нигде в мире, даже в районе Кордильер, главный хребет не подступает так близко к морю. Должно быть, с тех пор, как в устье Фазиса, высадились аргонавты, грызущие волны ещё более сузили береговую полосу. Разве водолазы, войдя на несколько метров в глубину близ Сухума, не смогут пройти по улицам древнего Геркуланума, который старше городов Везувия? Ведь действительно, там лежат руины Диоскурии, основанной, как следует из названия, двумя сыновьями Юпитера.

Диоскурия была основным торговым узлом Колхиды, которая охватывала нынешнюю Мингрелию, Имеретию и Абхазию. Таким образом, вся страна, от Ардилера до Сухума, между горами и морем, была частью этой сказочной страны Ахея, первые жители которой, согласно Геродоту, были египетскими колонистами. На карте героических времён географы помещают город Ахея на месте сегодняшнего Сочи, а ученые, чьи утверждения не мне обсуждать, называют Ахею столицей гениохов, «народа, живущего к северу от Колхиды, известного своими пиратами».

В начале Средневековья выходцы с черкесской части побережья назывались зихами, а с абхазской части — абазами и лазами. Возможно, в те времена здесь ещё виднелись следы милетской колонизации, покрывавшей всё

побережье Понта Эвксинского, но с тех пор этот негостеприимный берег всё больше погружался во мрак истории, сгущавшийся над ним век за веком.

Русские журналисты неверно заявляют, что генерал Анненков «перестроил Генуэзскую дорогу». Это очень древнее сооружение, объединявшее когда-то обе части империи Митридата, похоже, не использовалось со времен римлян. Постепенно генуэзский путь должен был исчезнуть¹.

На этой дороге умер святой Златоуст, когда отправился в изгнание в монастырь Пифия, Пицунду, что стала впоследствии главным портом генуэзцев на черкесском берегу. Капитан Х. сообщил, что при строительстве были найдены фрагменты древней мостовой, а Элизе Реклю пишет, ссылаясь на одного из своих русских коллег, что местами встречаются каменные менгиры, которые абхазы называют «алтарями гномов». «Но, — добавляет выдающийся географ, — эта древняя дорога была заброшена еще во времена владычества Византии». На протяжении веков побережье оказалось отрезанным естественными препятствиями, к тому же было занято воинственным населением, слишком воинственным, чтобы какая-либо армия могла овладеть им. Но перед этими берегами море свободно, чем пользовались народы запада: турки, греки, генуэзцы, а затем и русские, имея все преимущества для переброски морем снаряжения и солдат.

Сегодня, когда эта страна уже принадлежит русским, речь идет не о завоевании, а о колонизации. Дорога гене-

¹ У генуэзцев никогда не было дороги вдоль побережья на западном склоне Кавказа, а были только поперечные дороги, связывавшие их порты с внутренними частями страны, от которых и были найдены остатки. Мы знаем, кроме того, что во время своих торговых крестовых походов генуэзцы селились особенно на юге Крыма и на пороге Керченского пролива (прим. автора).

рала Анненкова вторгается во тьму, накопившуюся веками презрения Старого Света к этой земле, чтобы вернуть цивилизацию с индустриальной и сельскохозяйственной жизнью туда, где есть всё необходимое, чтобы вновь стать страной Золотого Руна, легендарной Колхидой¹.

Какой бы древней и неоднозначной не была история этой страны, она всё же существует, и выше я упомянул основные её факты. Я утверждаю, что стал первым путешественником, посетившим восточный берег Черного моря из простого любопытства. Поэтому мои впечатления могут показаться чрезмерными. Однако напомню, что и греки не чуждались поэзии, а византийцы не испытывали недостатка в богатом воображении.

Несложно догадаться, что не одна возвышенная душа прежде моей, ничтожной, запечатлела что-то от созерцания этой райской природы. Так или иначе, это было очень давно. И если великий Митридат, путешествуя от Босфора Киммерийского до своих владений в Малой Азии, был тронут великолепием Бзыбской долины или волшебными пейзажами Гудаута, то наверняка эмоции язычника отличались от впечатлений современного бродяги, пишущего эти строки. В любом случае, мне больше нравится входить сюда после Митридата, чем после месье Перришона или

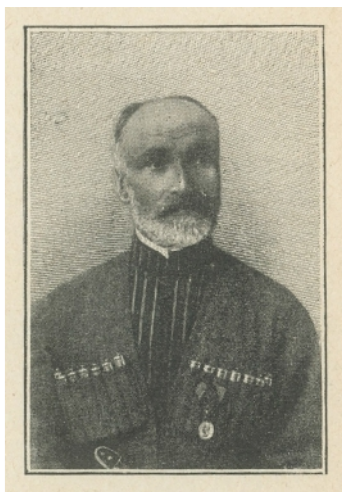
¹ На узком карнизе Кавказского склона, обращенного к Черному морю, нет густонаселенных городов; эмиграция лишила эту местность большей части ее жителей, постоянные войны опустошили ее сельские районы, отсутствие дорог не позволяет доставлять продовольствие из внутренних районов, почти все пастбища плохо защищены, а прибрежный климат по-прежнему нездоров. Вот как нейтрализуются выдающиеся преимущества этого побережья, которому суждено однажды стать одной из самых оживлённых окраин Старого Света. Элизе Реклю, Универсальная география, 1880 г (прим. автора).

Джона Булля. Увы, наша планета слишком стара, и никто, будь то Стенли, Бразза или Норденшольд, не может похвастаться, что первым ступил на какой-то край земли или океана. Человечество обречено на бесчисленные попытки повторять забытое прошлое. Для меня, как и для моих современников, редкая удача — ступить на нетронутую дорогу одной из старейших стран мира.

Из Новороссийска в Туапсе

Ветер усиливается, небо чистое, и мы выдвигаемся в дорогу в осенний полдень, более тёплый, чем наши летние дни. В проводнике пока нет необходимости: подвешенная машина доставит нас в Геленджик, так как по пути нет ни одной реки, которую можно было бы форсировать. Затем, чтобы приобрести необходимое снаряжение, мы положимся частью на провидение, частью на поистине редкую преданность инженеров-дорожников.

Мой племянник и попутчик в звании бакалавра, с тех пор как мы ступили на Понт-Каспийский перешеек, служил мне носителем учёности, исторических справок и цитат. Но здесь он внезапно преобразился. Проявилась его душа ловца из Арканзаса, он мечтает охотиться на медведей и людей, и надеется, что мы не доберемся до Сухума, не став героями какого-нибудь отчаянного приключения. Мой мингрельский проводник Ростом, которого я нанял в Тифлисе, находится в более миролюбивом настроении. Здесь я снова порекомендую его путешественникам, следующим за мной, как очень честного человека, что довольно редко встречается среди людей его профессии.

Ростом

Ростом известен всем жителям столицы Кавказа. Он может польстить себе тем, что знает все дороги по азиатской России. Помимо основных европейских языков, он говорит на дюжине кавказских наречий. На своей черкеске Ростом с обнадёживающим добродушием носит патронташи и кинжал своего отца. Он сдержан, скрупулёзен, разговорчив и не имеет равных в тонком искусстве приготовления чая в любое время дня и ночи. В вагоне, на телеге, верхом, в самых неудобных и критических условиях он творит этот напиток с безупречным мастерством. Самовар следует за ним всюду, словно тень. По крайней мере, этот прибор всегда, уж не знаю, каким образом, оказывается у него под рукой. Вы только что преодолели Казбек, спустились с высоты более 3000 метров, пошатываясь, остановились среди каменистой пустыни и вдруг Ростом, словно вынув из кармана, преподносит вам стакан курящегося, ароматного чаю! Это поистине магия!

Мы проехали всего тридцать вёрст. Первые двадцать-двадцать пять тянулись по старой грунтовке, которую сейчас продолжает Анненков. Меня охватывает сладостная дремота, вызванная поочерёдной сменой двух картин, в зависимости от того, поворачивается экипаж к морю или к скале. Убаюкивает и монотонная рябь на поверхности дороги, она то погружает нас в прохладу ущелья, то возвращает на залитый солнцем мыс. Так мы проезжаем по контуру скал, которые я уже сравнивал с непрерывным рядом пирамид. Все они примерно одинаково выступают в море и, на взгляд геральдиста, делают эту часть берега похожей на ленту с рельефным тиснением.

Однако с каждым поворотом морской горизонт становится все шире, а горные хребты — выше. Море похоже на ляпис. Похоже, «чёрное» имя ни к чему его не обязывает. Оно бледнеет, краснеет, переливается тысячами бликов, следуя своей фантазии или, как хамелеон, в зависимости от эмоций.

Когда мы поднимаемся, позади нас в ослепительном лазурном свете исчезает греческий пригород Новороссийска с его низкими квадратными домиками под плоскими крышами и тонкими колоннадами. И вот сюрприз! Ещё при выезде из Тифлиса я потерял из виду восточную растительность, и здесь я снова вижу её в виде своеобразной формы кипарисов. Это не классической формы кипарисы, черными обелисками возвышающиеся на фоне турецких городов, а свободно растущие ветви на искривленных, морщинистых стволах, подобные карликовым деревьям, что японцы выращивают в горшках. Все склоны покрыты ими, а так же слоем посеревшей травы. Издалека кажется, будто на берегу расстелен старый гобелен. Весной эта полумёртвая растительность оживляется зелёными побегами, а между кипарисами расцветают фиалки. Всё это случилось и в древние времена, когда черкесские женщины,

ожидая своих любимых моряков, черпали воду из ручьёв и совершали приношения самому жестокому из морей... Увы, я равнодушен к природе! Но если поэты воспевают её, то им следует верить. Иногда её пейзажи удивительно гармонируют с нашими личными драмами.

За десять верст до Геленджика дорога отходит от моря, оставляет справа от себя большой массив скал, образующих полуостров, и углубляется к основанию центрального хребта. Это точка, где начинается новая проезжая часть. Теперь, вдали от шума и движения моря, ощущение одиночества становится сильнее. Оно усугубляется воспоминаниями об исчезнувших племенах, которым так и не нашлось замены, воспоминаниями о культурах, которые когда-то оживляли эти суровые склоны, эти широкие долины, поля, захваченные ныне дикой растительностью.

Мы проезжаем несколько лье, не встречая ни одного человека; и то, что казалось бы нам нормальным, если бы мы пересекали лес или болото, поражает нас, вызывает тревогу при виде пустующей земли, которая, как кажется, с особым удовольствием поддается прикосновению трудящихся рук.

О, плодородная земля! Как бы ты влюбилась в наших мускулистых парней из Фландрии или Нормандии, которые за тысячи лье от тебя ссорятся из-за лишней борозды на границе своих полей! Российское правительство выделяет по двадцать мер лесистой земли на семью, но это слишком большая площадь, что пугает будущих поселенцев. Любовь русского крестьянина к земле словно затухает, когда его отправляют на *вольные хлеба*. Здесь особенно проявляется его фатализм. За его спиной слишком много веков рабства, и он говорит себе: «в случае неурожая барин всегда даст мне немного хлеба». Сейчас у них всеобщий барин — Император, и они, как обычно, рассчитыва-

ют на него, ведь в случае голода этот расчёт никогда их не подводил. Зачем им дальновидность, когда нет причин бояться завтрашнего дня? Все новшества из далёких стран они презируют, ухватившись за кусочек земли в тени родной церквушки, на котором каждый из них, согласно организации сельского хозяйства в России, был законным хозяином. И потом, ведь нужны еще средства на обработку новых земель, а где они?..

Можно с уверенностью сказать, что эта страна никогда не будет заселена славянскими крестьянами: похоже, она принадлежит более находчивым народам: армянам и грекам. Несколько сотен русских колонистов, навсегда оставшихся в деревнях черкесского побережья, довольствуются тем, что заготавливают лес на земле, которая может давать два урожая в год. Их халатность, вызванная относительной безопасностью в уединённых местах, где они живут, позволяет им свободно выгуливать своих животных в огромном естественном загоне. Коровы и буйволы, не имея, по большей части, хлева, бродят без присмотра, без колокольчиков. Когда наступает ночь, они сами возвращаются к человеческим жилищам, инстинктивно, из страха перед волками, беспокойно останавливаясь и вглядываясь в темноту.

Геленджик. Уютная бухта. Именно здесь находились русские во время бесконечных боёв с черкесами. Это также одно из немногих мест на побережье, где можно надеяться пообедать, если, конечно, у вас есть весомая бумага, приказ из Новороссийска, предоставляющий в ваше распоряжение все приморские щедроты геленджикского кордона. Описать вам меню, которое нам подали? Почему бы и нет? Это даст представление о праздничной трапезе в русской глубинке.

Пользуясь случаем, чтобы украсить свой рассказ, я опишу блюда в том порядке, как нам их подавали: консер-

вированные сардины с фирменным знаком из Нанта, сухая икра, рыбный балык, варенье из ежевики и клубники, маринованные грибы, сыр ломтиками, поджаренные гренки из черного хлеба... Это была только первая подача. Затем подоспели: *щи* — суп с капустой, который превосходно готовят все русские хозяйки и что оспаривает у борща право быть первым национальным блюдом, после щей — нарезанное пластами серое мясо под луком (это была буйволятина, та самая, на которой варился суп), затем под тем же луком, варёная рыба кефаль. Во всяком случае, она обладала если не вкусом, то точно внешним видом кефали.

Чёрное море изобилует кефалью, что является основной пищей бедных жителей побережья. Конструкция ловушек для рыбы, вероятно, восходит к самым древним временам. Они состоят из плавающих тростниковых шестов, к которым подвешены погружённые в воду ящики из сетей. Конечно, такое примитивное устройство может применяться только в спокойном море, но это ещё не всё. Необходим лунный свет, так как он создаёт тень от шестов, которую рыба принимает за препятствие и перепрыгивает, попадая в ящик. Таким образом, в ловушках набираются тысячи штук кефали.

Черноморская рыба удивительно красива, кажется, что её организм насыщен естественным электричеством. Видели бы вы, как перед штормом целые стаи резвятся у поверхности воды, вспыхивая множеством огоньков.

Но я отвлёкся от нашего меню. Впрочем, мне остаётся упомянуть лишь довольно странный деревенский торт, состоящий, как мне показалось, из творожного сыра с яйцами, намазанного на хлеб. Очень неприятное блюдо. Ну, а из питья была только... водка! В ней можно было хоть искупаться. В этой земле, которая могла бы залить вином всю царскую империю, где сам Ной сажал виноград, русские остаются верными своему белому бренди, невозмутимо подливая этот надоевший напиток во время всей трапезы.

Всё же дальше мы обнаружим виноградники, сначала на южном крае черкесского побережья, принадлежащие членам императорской фамилии, а затем и в Абхазии, где виноград выращивается диким способом, обвивая стволы придорожных деревьев и целых садов.

Эта часть береговой линии относительно сухая, если сравнивать ее с болотистой местностью, в которую мы войдем на сто верст дальше, и не вредна для здоровья; тем не менее, мы почти не дышим там тем качеством воздуха, которого можно было бы ожидать от соседства моря и гор. Я спрашиваю: «почему?», но мой ученый племянник, занятый своими мыслями, бессмысленно отвечает мне: «так оно и есть».

Чтобы проверить, не лучше ли будет дышать под луной, чем под солнцем, мы отправляемся в путь ночью. Теперь нам необходимо сопровождение и следует хорошо вооружиться. Мне говорят, мы защищаемся не от людей, а от зверей. Тем не менее, временами нам попадаются прохожие, которые тоже любят путешествовать ночью. Откуда они? Из Персии, Малой Азии, а может, и от самого дьявола, на которого некоторые из них так поразительно похожи? Они называют себя купцами, хотя я подозреваю, что им повезло проникнуть в страну, минуя таможню, и теперь приходится покидать её скрытыми путями... А что? Да вот же они, будущие пионеры побережья! Даже добродетельный Рим пахаря Цинцинната начинался не иначе. Правительству следовало бы широко раскрыть ворота этой колонии для всех, кто боится полиции больше, чем лихорадки, и она скоро наполнится разномастными преступниками, которые, впрочем, недолго будут одни в этой пустыне, постепенно растворяясь в прибывающей массе честных и порядочных людей.

На обочине дороги, в кустах я вижу группу этих подозрительных кочевников. Они сидят вокруг костра, бросающего светлые блики на их загорелые лица. Один из моих спутников говорит, что они, должно быть, греки. На Кавказе греками называют и тех, кто действительно грек, и тех, чью национальность трудно определить. Отблеск тлеющих углей делает этих бродяг похожими на ведьм из шабаша. Они заняты жаркой баранины, до нас доносится аппетитный запах. Вроде бы невинное занятие, но почему-то, едва заслышав стук копыт наших лошадей, они поспешно гасят костер и скрываются в зарослях. Мы проезжаем мимо — ни звука... Я облегченно вздыхаю, но мой племянник разочарованно пожимает плечами. Нападение разбойников в обстановке вальпургиевой ночи или кавказский плен пришлось бы ему по вкусу. Я замечаю ему, что со времен Шамиля на Кавказе уже не слышно о пленниках. Но всё же гораздо приятнее ночью иметь дело с невежественным зверем, чем со слишком загадочными людьми.

Исчезая, луна возвращает звёздам их величие. Огромная черная гора, кажется, надвигается на нас и тянется своими мрачными массами в том направлении, куда мы движемся. С вершины этой зубчатой цитадели «человек может наблюдать, как вспыхивают звёзды...» (Теодор Банвиль).

Стоп! Вот и место для ночлега. Мы в предвкушении приятного созерцания сонных видений. У дороги появляется заброшенная хижина, которая, как и многие другие, будет служить нам убежищем. Четыре стены из плетня, крыша из кукурузной соломы, земляной пол. От местных гостиниц она отличается лишь тем, что здесь с вас не возьмут денег. Кроме устойчивости к паразитам, на военной дороге мы приобрели привычку спать, не раздеваясь, на чем угодно, кроме кроватей, которых вы не получите, если не имеете звания генерала. Вспоминая множество пережитых страданий, Александр Дюма

около сорока лет назад писал: «Кто не был на Кавказе, тот не путешествовал!». Этот афоризм по-прежнему верен. Я могу добавить разве что один более-менее практичный совет. Если вы хотите путешествовать по Кавказу и при этом не быть обобраным, назовитесь генералом. Когда на пути объявляется персонаж, имеющий право облачаться в порфиру, лучшие лошади и продукты в гостиницах резервируются на восемь дней. Остатки роскоши распродают простым смертным по таким ценам, с которыми генерал бы никогда не смирился.

...Я засыпаю. Во сне ко мне приходят две феи, покровительницы моего путешествия, добрая и злая. Злая говорит: «Ты слишком уверен в себе, странник! Я объявляю тебе на завтра дождь. Ты знаешь, что в этой стране дождь — это не только вздувшиеся, непреодолимые реки, но и липкая грязь, в которой увязнут твои лошади и повозка! Быстро возвращайся в Новороссийск и приезжай сюда через несколько лет, когда проезжая часть действительно станет проезжей от края до края. Сегодня даже за золотые деньги ты не пройдешь!». Сказав это, злая фея исчезла, оставив в моем воображении сильный запах серы.

Настала очередь доброй феи. Она подтвердила предсказание плохой погоды, но подбодрила: «Иди вперёд! Если не сможешь двигаться по суше, отправляйся морем, ведь оно было благосклонно к тебе до сих пор, будет и впредь! В любой точке побережья, где ты высадишься, ты можешь дожидаться, когда земля просохнет, а реки вернутся в своё русло и идти дальше. Используй путь морем столько, сколько это потребуется. При должной настойчивости, я обещаю, ты увидишь всю прибрежную дорогу! Кроме того, я обязуюсь не допускать, чтобы у вас возникали какие-либо неприятные приключения». Я проснулся с этой обнадеживающей мыслью, но оставил её при себе, не желая наносить жестокий удар по иллюзиям моего «арканзасского ловца».

Для путешественника худшее свойство дождя заключается не в превращении дороги в клоаку, а в отсутствии

видимости. Густая пелена тумана в горах скрывает ландшафт тщательней, чем ночная тьма. В целом Кавказ считается довольно засушливой страной. Между Тифлисом и Баку всё время говорят о необходимости создания искусственной системы орошения полей, а осадки, в основном, формируются на западных склонах, от Новороссиска до Кутаиса. На границе черкесского и абхазского берегов, в Сочи, выпадает в среднем 2.098 мм осадков.

Такое обилие дождей делает эту землю необычайно плодovитой. Однажды, во время поисков Ливингстона, Стенли, поражённый видом одной из самых роскошных долин Центральной Африки, воскликнул: «Я мог видеть подобное только в Имеретии!». Я хочу сказать, что и абхазо-черкесское побережье не уступает Имеретии в этом отношении.

Да, именно потоки дождя порождают большую часть этих чудес. Но мы от всего сердца проклинаем их, когда они льются на спину, пряча от глаз самые прекрасные плоды своей работы... Промокшие, покрытые грязью, раздраженные тем, что проехали сорок верст, как слепые, мы прибываем в Джубгу на исходе третьего дня.

В Джубге можно сесть на корабль. Здание Российской судоходной компании мокнет под проливным дождём, но море всё еще остается спокойным. Нас проводят на один из тех яркоокрашенных баркасов, которые своей формой напоминают о временах аргонавтов. Через несколько часов, среди ночи, мы прибываем в Туапсе.

Туапсе забывает своё красивое турецкое название из-за переименования в менее благозвучное – Вельяминовку. Это самый крупный город на побережье после Сухума и Новороссийска, подумайте только, здесь триста жителей, а уж потом следует Сочи (Даховский Посад), где их около сотни. Климат здесь слишком мягкий, слишком жаркий, чтобы он подходил русским. Поэтому греки, имеретинцы и мингрелы составляют основную часть населения. Они собираются в низких домах, где держат от-

крытые магазины по обе стороны широкой улицы, параллельной морю.

За этой улицей раскинулся широкий болотистый луг. Слева — русло реки, воды которой втягивают длинные стебли гниющих папоротников, путающихся в ногах. На фоне городка поднимается горный цирк с вершинами под тысячу метров, черными от растительности. В промежутке — гора, двойной вершиной похожая на лежащего верблюда. Здесь ютятся несколько белых и розовых домиков, окруженных садами. Возле них видна экстравагантная церковь с куполами, выкрашенными в яблочно-зелёный цвет.

В тот момент, когда нас подхватила очередная волна, наш баркас загарпунили с берега, словно кита, и мы высадились прямо в пенящуюся воду. Другого способа сойти с судна на таких небольших стоянках нет. Когда мы вышли, мокрые и жалкие, на сушу, нас при свете фонарей повели к единственному постоялому двору Туапсе. Сейчас три часа ночи. Хозяин гостиницы, грек, отсутствует. Дом с двумя спальнями открыт, и мы устраиваемся сами, так как здесь нечему удивляться. «Отель» хотя и гостеприимен, но выглядит мрачновато. Сейчас нас всего трое, эскорт остался в Джубге.

Мы лежим на кроватях, состоящих из железного каркаса и пружинного ложа. Нет ни перин, ни простыней, но это пустяки! По крайней мере, здесь нет того невыносимого запаха, который пронизывает все постоялые дворы Кавказа. Это настоящий праздник!

Дождь грозит задержать нас в этом жилище, где, по правде сказать, не хватает удобств для длительного пребывания. Внезапно на помощь приходит Провидение в лице инженера туапсинского участка дороги г-на Б. Он приглашает нас к себе, произнеся всего несколько слов с тем необъяснимым очарованием, свойственным славянской расе, после чего мы, едва переступив его порог, чувствуем себя как дома. Под крышей молодого инженера,

моего сердечного друга, которого не смогли уничтожить ни лихорадка, ни меланхолия изгнания, я испытал один из тех моментов путешествия, которые после вспоминаешь с умилением. «Пользуйтесь моей комнатой, как своей» — сказал г-н Б., проводив меня в спальню, убранную пурпуром и золотом.

На самом деле тонкие привычки моего хозяина в этой комнате выдавал только туалетный столик, остальная обстановка была не роскошней, чем в келье монаха. Просто когда я вошёл, дождь на мгновение прекратился, и в окно ворвались фантастические цвета заката, которые словно подожгли и небо, и море, оставив золотой след на скромно выбеленных стенах.

Никакими словами невозможно выразить тишину и уединённость этого места. Когда я смотрю из окна на неподвижный горизонт, на выступающие в море скалы, от которых веет нетронутым одиночеством, у меня рождается предчувствие более далёких путешествий в такие же неизведанные земли.

Жители побережья живут здесь так, будто потерпели кораблекрушение. Почта доставляется только морским путём, и поскольку большую часть сезона море не судоходно, то нет никакой возможности получить или отправить корреспонденцию. В идеале судоходная компания делает между Новороссийском и Сухумом пять остановок: Джубга, Туапсе, Сочи, Гудаута и Новый Афон. Но часто резко меняющаяся погода не даёт выполнить всю программу. Рассказывают о случае с путешественником, который отправился из Новороссийска в Туапсе, но прибыл туда только через три месяца, после того, как много раз побывал в Новом Афоне. Священник, служащий в Ардилере, говорит, что получает письма только четыре раза в год.

Теперь мне никто не поверит, если я скажу, что с этой отрезанной от мира страной ведётся самый активный обмен корреспонденцией. Но это правда! Долгожданное письмо, срочное уведомление или новость прилетают сюда каждый день, несмотря на неприступность свирепых рек, густых лесов и непроходимых болот. Мысли и слова со всего мира ежедневно пересекают эту безлюдную пустыню. Они легко взбираются по склонам, перепрыгивают через пропасти, проносятся по долинам... Воздаю честь пионерам, которые пришли в эти трущобы, чтобы установить железные опоры Англо-Индийского телеграфа! Это поистине шедевр! Внезапно, за очередным поворотом, где одиночество становится гнетущим, вы замечаете пронзающую небо стальную иглу, похожую на черную молнию. Через самое сердце вековых лесов прорублены просеки, похожие на охотничьи тропы, по которым виден прямой и беспрепятственный полёт проводов. Видя это, голова идёт кругом от скорости, которой может достигать слово. И вы охвачены тревожным восхищением, которое до сих пор вызывает у нас, европейцев, смелость научного гения, когда она проявляется в сердце покоренной природы. Нам остаётся только восхищаться этим проводником цивилизации, пронзающим полуварварскую страну, которая словно не имеет никакого значения, кроме того, чтобы стать для него опорой.

Несмотря на то, что Ост-Индийский телеграф — самое надёжное и дорогостоящее сооружение, он не застрахован от несчастных случаев. Отсюда возникает необходимость в постоянном осмотре линии, который проводится служащими на своих участках, длиной по 100 вёрст вправо и влево от их постов. Ураган, падение дерева и даже такая незначительная вещь как перелёт птиц, могут стать причиной повреждения провода. Но чаще всего, по крайней мере, между Сочи и Туапсе, где обитает медведь, именно он виноват в том, что Лондон часами не может говорить с Калькуттой. Инстинктивно противясь любой цивилиза-

ции, это животное с большим удовольствием переворачивает телеграфные столбы.

Возможно, так же развлекаются и кабаны, которые здесь являются довольно многочисленным видом. Они устраивают ужасные битвы, в основном в этом сезоне, издавая такие крики, что охотнику даже не приходится их искать. Местные крестьяне часто занимаются этим опасным, но прибыльным промыслом. Тот, кто сообщил мне об этом, утверждал, что зарабатывает на кабанах 150 рублей в год и живёт припеваючи. Без сомнения, он мог бы заработать больше, если бы возделывал землю, но это занятие не доставляет ему удовольствия. Он не завидует судьбе нескольких «толстовцев», основавших недалеко от Туапсе свою христианско-сельскохозяйственную колонию, так как их дело не имеет никакого значения для этого края.

Я стою у шкафа с книгами. Из газет ничего не известно о болезни царя, это я привёз из Новороссийска последние новости. В рабочем кабинете моего хозяина есть только графики и вычислительные инструменты. Стены, столы и оконные рамы покрыты непонятными для меня алгебраическими формулами. А дождь идёт и идёт, прямо как в бретонском романе... Я в волнении открываю франко-русский разговорник, где на картинке молодой человек, в уединении опустил к страницам свой прилежный нос. Эта иллюстрация, которая широко используется в России, немного меня порадовала. Её можно заметить в дополнениях к путеводителю Бедекера, к «Ключу к мечтам», и к другой литературе, которая дорога нашим современным эстетам.

Первая часть разговорника называется «Обычные диалоги» и заполнена примитивными сюжетами типа: «Где подсвечник моего брата? — У нас нет подсвечника вашего

брата, но есть подсвечник вашей сестры — Где мои орехи? — У нас нет ваших орехов — У меня нет твоего ореха». Сочинённые в таком духе целые страницы следуют одна за другой, напротив — русский текст. Мне приходилось читать целые пьесы, которые выглядели примерно так же. Я ищу на обложке какую-нибудь бельгийскую фамилию, но обнаруживаю, что автор разговорника называет себя немецким профессором! Я ни за что не поверю, что из-под пера немца мог выйти такой текст: «Какие у немцев корабли? — У немцев нет кораблей». Напрасно я задавался вопросом, откуда он берёт такие бредовые грамматические обороты типа: *Какие блюда желают дети? — Они желают разбить и ваши, и мои блюда, и блюда ваших детей и друзей.*

Бедный мой инженер! И по этой ужасной книге он пытается познать наш язык! Я шутливо заявляю ему, что когда он выучит эту книгу наизусть, то сможет смело ехать в Париж. Не поняв моей иронии, он отвечает «Хорошо».

За главой «Обычные диалоги» следуют примеры эпистолярного жанра, которые, как мне показалось, заимствованы из классического декаданса. Особенно мне понравился этот:

Любовное письмо.

Мадмуазель! Я не смею себе льстить, что Вы могли прочесть в моей внешности, под покровом моего страха и застенчивости нежную тайну, что хранит моё сердце. И в этой жестокой неопределённости я, наконец, принимаю решение открыть Вам все чувства, на которые Вы меня вдохновили. Часто слова этой тайны блуждали по моим губам, были готовы прорваться объятиями, но уважение к Вам тотчас закрывало мне рот. Но перо смелее меня. Мадемуазель, облекая моё сердце от тяжести, которая угнетает его, сообщая Вам, что Ваша привлекательность и Ваши достоинства не позволяют мне больше думать о другом счастье, кроме как о том, чтобы обладать Вашей рукой. Я порядочный человек; моё состояние, хотя и не значительно, но честно получено и надёжно устроено; моя семья, как и Ваша, пользу-

ется уважением в обществе. Вот причины, способные склонить чашу весов в мою пользу. Добавьте, Мадемуазель, к этим соображениям искренность любви, хотя и немного безумной, потому как она берёт начало в ваших чарах; но я был бы только наполовину счастлив, если бы получил драгоценный дар вашей руки без некоторого смущения Вашего сердца. Поэтому прошу Вашего снисхождения к моей несовершенной любви и надеюсь на благосклонное отношение к Вашему страстному поклоннику.

«Вы не поверите, — сказал мне Б., — такое же письмо написал молодой человек одной местной девушке, которая ему очень дорога».

«Моё состояние, хотя и не значительно, но честно получено и надёжно устроено»... Бедный мальчик!

Но вот, наконец, среди гор появляются клочки свежей лазури. Ветер, дующий с Каспия, согревает море и очищает перед нами небо. Стаи облаков «бегут по вершинам, оставляя на них нити своего руна», как сказал поэт.

Под солнечным теплом земля начинает дымиться, источая опасные благовония. «Должно быть, в такое время у вас начинается лихорадка?» — спросил я инженера. «Нет, — отвечает он, — к вечеру земля не так горяча и лихорадочный пар становится тяжелым».

Небо и погода настолько хороши, что мы решаемся преодолеть размокшую дорогу и отправиться в Ольгинскую. При этом я вспоминаю, что по словам инженер-капитана Н. недалеко отсюда должен находиться населённый оставшимися черкесами аул Карповка. Мне очень хочется туда попасть, и я высказываю это желание своему хозяину. Б. просит только беречь себя.

Аул Карповка, аул Кичмай... Думаю, эти названия впервые выходят из-под пера французского романиста. Здесь черкесский тип сохраняет чистоту своего быта, вопервых, потому, что русское правительство запретило сла-

вянам селиться в этих аулах, а во-вторых, черкесы сами не желают смешиваться с кем-то вне своего племени. Почему кичмайцы избежали выселения в 1864 году? На этот вопрос я не нашел ответа, так как получал противоречивую информацию, из которой не смог выделить правду. Единственное, в чём все были согласны, это отговорить меня от поездки в Кичмай. Из-за незнания языка меня могли бы там неправильно понять. Я не нашел никого, кто мог бы сопровождать меня, нужен был проводник, говорящий по-черкесски, однако такие подарки не лежат на дорогах, даже на кавказских, а полиглотизм Ростом не простирался так далеко.

С другой стороны, мне удалось проникнуть в аул Карповка, хотя это было непросто. Благодаря моему другу Б. я смог не только узнать о весьма любопытных обстоятельствах, при которых эта черкесская деревня была вынуждена покориться, но и увидеть человека, который был проклятой причиной этого поражения.

История Карповки и предательства черкесского Хасана-Личаса (произносится как Гассан-Клитчас, с грубым акцентом страны), болезненный постскрипtum героического народа, заслуживает того, чтобы стать известным.

Уничтоженный народ

Б. запряг свою линейку тройкой и мы помчались. Лошадьми управлял огромный русский кучер в голубом кафтане с золотыми пуговицами. В экспедиции участвовали также мой племянник и Ростом. Все мы были вооружены, даже кучер, который положил винтовку поперёк сиденья. Я считал такое вооружение излишним, но, похоже, ошибался.

«Конечно, — пояснил кучер, — сейчас уже не те времена, когда за каждым поворотом следовало ожидать засады,

когда любой разбой был оправдан состоянием войны. Однако ещё долгое время будет благоразумно не путешествовать по Кавказу безоружными. Вы находитесь в стране, где, как сказал Пушкин, убийство — всего лишь жест. Жест нескольких парней, которые пожелали вашу лошадь, седло или стремена. Но насколько вы показываете, что ожидали опасности, настолько вы и защищены. Доверие и щедрость здесь понимаются иначе, чем у вас дома. Безоружный человек, не готовый защищать свою жизнь, считается презренным существом и воспринимается как овца, которую можно стричь или резать без всякого угрызения совести. Если же вы сами готовы легко лишиться жизни другого, то вас начинают по-настоящему уважать. Имея репутацию не просто бесстрашного, но хитрого и коварного человека, вы можете рассчитывать на все преимущества восточного гостеприимства. Если бы я не ходил всюду вооружённым, то жизнь моя всегда была бы в опасности. Оружие на Кавказе должно быть частью вашего тела, без пистолетов или винтовки вы — не мужчина. Это понимание осталось ещё со времен *джигитов* (другое название черкесов, считающихся воинами). Хотите вызвать к себе презрение? Попробуйте хоть раз прийти к ним безоружным».

Следуя этому совету, я обвешался оружием, как татарин, однако, имеющий мирные цели. Всё же мне было немного стыдно за тот грохот артиллерии, который издавала наша повозка во время езды по пересечённой каменистой дороге.

Когда мы начали подъём на перевал, темп езды замедлился, что положило конец этому грохоту. В полной тишине гор, куда мы только что вошли, слышался только скрип осей и перезвон колокольчиков на дуге.

По дороге Б. рассказывает мне историю аула Карповка или Агой, что является его первоначальным названием.

На самом деле жители этого аула были достойны своих выселившихся братьев, но они проявили любовь к родной земле больше, чем другие черкесы. Возможно, это было связано с народным поверьем, помещающим центр черкесской земли в долине реки Агой и, согласно которому, эта земля погибнет в тот момент, когда воды реки не смогут отразить лицо черкеса. Это поверье подпитывалось во-первых, относительным спокойствием, в котором жители Агоя находились во время войны, во-вторых, уверенностью, что их болотистая долина, защищённая горами, станет могилой для их врагов.

Карповка была атакована последней. Остальное побережье уже принадлежало русским, а черноморские барки уносили к турецким берегам побеждённых, но гордых черкесов, предпочетших быть изгнанниками, чем покориться. Поскольку в Карповку враг еще не пришёл, жители оставались на местах и ждали. Они знали своих противников, знали, что в этой войне обе стороны совершали жестокость за жестокостью, и что со стороны сильных всё реже проявлялось снисхождение. У каждого были в памяти впечатления, подобные тем, которые казак Ероха рассказывал недавно прибывшему на линию московскому офицеру: «Однажды, сидя на берегу, я увидел колыбель, один край которой был немного сломан. Мысли обрушились на меня толпой, и откуда взялась эта колыбель? Вероятно, это ваши солдаты, дьяволы, захватили аул, увели женщин, убили ребенка... Вероятно, какой-то демон схватил младенца за ноги и проломил ему голову. Затем колыбель выбросили, мать похитили, а джигит, взяв оружие, пошёл совершать разбойные нападения на нашу линию».

Однако повстанцы аула Карповка были уверены в своих естественных укреплениях, в болотах и в бесчисленных впадинах реки Агой, защищающих единственный вход в горный цирк, где находится эта деревня. Они ждали и надеялись, пока один из них, который утверждал, что рисковал своей головой, выступая в роли шпиона, пришёл

сообщить им о предстоящем прибытии русских. Несмотря на то, что эта экспедиция стоила русским целой армии, они были полны решимости выступить в сторону аула, так как пренебрежительное неповиновение горстки горцев приводило захватчиков в ярость. Они тащили с собой пушку. Разве раньше эти дьяволы не возносили своего оружия выше, чем летают орлы, когда второй пророк (Шамиль) считал себя недоступным?... Очевидно, наступал последний час родины. И тут последние из черкесов вспомнили о поверье, которое призывало их исполнить свой долг.

Так говорил молодой человек по имени Хасан Личас, симпатичный блондин с ярко-голубыми глазами. Он говорил правду, если не считать опасности, которой, согласно его словам, он подвергал себя, убежав от русских. Послушав его, молодые черкесы воскликнули: «Давайте все станем абреками! Давайте дадим клятву!». Воины-горцы становились абреками, когда брали на себя обязательство не только никогда не избегать опасности, но наоборот, искать её. Такая клятва, по сути, означала одно: не ждать, когда враг придёт в аул, а самим двигаться ему навстречу.

— Эй! — сказал Хасан, — Что станет с нашими жёнами и сестрами, когда нам отрубят головы? Их возьмут в рабство. Гяуры сделают из них своих любовниц. Что станет с аулом, нашими кукурузными полями, нашими лошадьми, нашими коровами, нашими буйволами? Они убьют всех, и скот, и людей; они пустят пепел наших хижин на ветер. Ай-дай! Не лучше ли нам избавиться от этих дьяволов какой-нибудь хитростью, что оставит нас целыми и невредимыми со всем нашим имуществом в долине Агоя?»

Это предложение было бесконечно приятно. Следует подчеркнуть, что пострадавшие воинственные народы Кавказа, несмотря на их бесстрашие, никогда не изменяли своей восточной крови, они восхищаются подвигами коварства так же, как и подвигами храбрости, и сочета-

ние этих двух качеств считают совершенной добродетелью. Самые грозные абреки хвастались тем, что в то же время были искусными конокрадами. Их своеобразные поединки, которые всегда оканчивались смертью одного из противников, были полны хитростей, самая невинная из которых заставляла бы наших судей по фехтованию дисквалифицировать её автора. Одна из таких хитростей состояла в том, чтобы упасть с лошади и перевернуться лицом вниз, сделав вид, что поражен пулей своего врага. И если тот оказывается достаточно легковверен и бросается без осторожности на фальшивого мертвеца, пытаюсь забрать свой трофей, то получает удар кинжала прямо в грудь. После чего воскресший отрубает ему голову и забирает обеих лошадей.

Хасан изложил свой план: «До сих пор наши аулы разорялись и уничтожались из-за нашей легкомысленной тактики. Когда русские отряды шли к нам, мы ждали последнего момента; у нас не было времени взять с собой провизию и скот, женщины прятались, как могли, мужчины скрывались на горах, постоянно стреляя; всё давало понять, что мы на мгновение отступаем перед силой, но не теряем из виду свои дома, нашу землю, где мы росли. Тотчас по окончании экспедиции, после того, как мы преследовали уходящего захватчика, убивая отставших, мы возвращались в разграбленный, полусгоревший аул. Мы скорбели по убитым, чьи тела нам не удалось вернуть, рыдали по похищенным женам, мы стонали и плакали. Ай-дай! Затем мы начинали заново строить загоны, заселять их скотом и птицей, снова наполняли наши хранилища, чтобы опять совершать те же глупости при приближении врага».

После этой речи Хасан посоветовал другую тактику: полностью опустошить аул, спрятать в надёжном месте провиант и скот, а самим скрыться в горных пещерах, имитируя рассеянность и оставление прежнего жилища, что должно было удовлетворить нападающих. Не найдя

никого в деревне и ничего, что можно было бы разграбить, русские солдаты вскоре бы ушли. После этого черкесы вернулись бы в свои жилища, повторив этот спасительный маневр в случае нового нападения. Однако враг достаточно быстро устанет от предприятия, которое стоит ему больших хлопот ради того только, чтобы доставить удовольствие поджечь несколько саклей.

«Но, — заметил один из старейшин, — если мы сможем выживать только при условии, что будем прятаться при каждом предупреждении и, как только хищники уйдут, снова возвращаться в аул, как свиньи в свой загон; если нам больше не придётся использовать оружие против врага, то лучше немедленно предай нас смерти, потому что ты советуешь нам жизнь трусов».

На это Хасан ответил, что славный пример аула, избежавшего указа о переселении, ободрит братьев, которые сейчас далеко и даст им знать, что возвращение пока невозможно. Что, впрочем, надо продавать свою жизнь как можно дороже, а если кто-то боится, что его винтовка заржавеет, то может прогуляться ночью к лагерю русских. Но прежде всего он напоминал соплеменникам о священной обязанности охранять долину Агоя.

Черкесы посовещались и сошлись во мнении, что сама мудрость говорит устами этого молодого человека. В спешке они перенесли свои хижины, увезли скот, поместив его в загоны, о существовании которых никто из посторонних не мог бы подозревать, и исчезли со своими женами и детьми в глубинах гор. Вместе с тем они доверили своему спасителю внимательно следить за маневрами противника. Это должно было привести молодого предателя, скрывающего свои истинные замыслы, в чувство!

Прибыли русские, и не армия, а полк, которым командовал полковник Карпов. Солдаты спокойно заняли пустующий аул, нисколько этому не удивившись. Тут же была совершена сделка: за значительную сумму денег Хасан-Личас сдал им все тайники, где его братья прятали прови-

зию и скот. Также он указал места, где прятались вооруженные соплеменники, которые тотчас были окружены и захвачены. Остальные постепенно, подчинившись голоду, вынуждены были вернуться в аул. При этом сам Хасан изображал из себя пленника, сокрушаясь из глубины души «Ай-Дай!».

Побеждённые ожидали, что их уничтожат или выселят, как других, но, взяв с них обещание не участвовать в разбоях, командир оставил им жизнь и «свободное перемещение в горах». На самом же деле он оставил их под приглядом Хасана-Личаса, своего лучшего помощника, для завоевания и окончательного умиротворения. Хасану хватило благоразумия довольно долго скрывать своё предательство. И сначала он утешал своих братьев, используя знаменитое поверье с большей виртуозностью, чем когда-либо: «Мы должны благодарить Аллаха за то, что он ослепил врагов, которые, удовлетворив свою жажду добычи, уважили наш аул и позволили более чем одному черкесу снова погрузиться в воды Агоя. Терпение! Родина осталась стоять. Однажды мы увидим, как вернутся другие, и все горы будут отвоеваны!»

Несколько черкесов, не желавших идти на такой компромисс, покинули Агой, а большая часть осталась. Сначала они тосковали среди опустевших долин, где больше не раздавалось ни выстрела, но со временем отсутствие поводов для войны, изоляция от единоплеменников, прибытие мирных поселенцев и забвение прошлого сделали своё дело. Постепенно самые гордые джигиты смирились со властью Хасана, а тот, после общения и торговли с армянами и греками, перестал скрывать своё богатство, жил роскошно, приняв образ сюзерена и доброго «короля», покровительствовал аулу и был жалостлив к несчастным. И вот уже около двадцати лет он правит своей деревней и не покидает её, потому что хотя он и солгал когда-то своему народу, но хранит любовь к болотистой долине, где родился.

— С практической точки зрения, Хасан оказал добрую услугу своим несчастным односельчанам. — сказал я Б. — Но неужели они никогда не догадывались о его предательстве?

— Они давно о нём знают, Хасан часто был неосторожен и болтлив.

— И они его простили?

— Нет, просто терпят и презирают. В любом случае, они больше ненавидят русских, чем своего псевдо-брата.

— С какой целью правительство поощряет их желание не сливаться с другими поселенцами?

Б. улыбается. Всегда очень сложно узнать мнение русского о действиях его правительства.

— Возможно, их хотят сохранить, как любопытный экспонат.

— Мне кажется, я не достигну своей цели, — отвечаю я, — черкесы, которых я увижу, имеют подлинное происхождение, но их дух, если осмелиться так сказать, потерял лучшие черты. Что такое джигит, который перестал быть воином? Это даже не тень джигита.

— Мадам! — иронично воскликнул мой друг, — если вы всё ещё верите в романтику джигитов, абреков, рыцарей дорог и другие названия, которыми награждают обычных разбойников, то вы испытаете жестокое разочарование. Хотите вернуться назад?

— О, нет конечно! Я хочу увидеть черкесов конца века. Сохранили они хоть что-то от своих древних привычек?

— Только то, что касается их быта и полевых работ. С воинственными привычками они давно расстались, даже сам аул сменил название. Он назван Карповкой в честь офицера, который покорил его. Само собой, с таким клеймом на лбу, они не заботятся о том, чтобы выглядеть рыцарями. У них даже нет возможности проявлять гостеприимство, так как никто не забредает в их уединённое жилище. Да и охоты у них нет задерживать незнакомцев в своем доме. Если, благодаря авторитету

и доброй воле Хасана, вы попадёте в один из домов, то вам вряд ли предложат хлеб-соль. Они очень бедны, и я говорю «хлеб» образно, на самом деле они его не едят. Трудно представить себе более печальный народ, скорбящий по своему светлому прошлому. Ведь их отцы, если можно так сказать, были когда-то примером элегантности для всего побережья, подобно тому, как вы, французы, являетесь примером для Европы.

Я поклонился и продолжил свои вопросы:

— Неужели у них нет какого-нибудь прежнего ремесла?

— Все они когда-то были замечательные оружейники, но давно никто не заходит в Карповку, чтобы заказать один из тех карабинов или кинжалов, инкрустированных серебром и слоновой костью, которые так дорого продавались раньше на рынках Тифлиса и Трапезунда.

— Они все мусульмане?

— Да, но без особого рвения. Эти новообращенные магометане всегда смешивали язычество и христианство. Одни всё ещё верят в своих пантеистических божеств, другие сохраняют единобожие. Молятся они по-турецки, обращаясь на восток, при этом мечети в ауле нет.

— Они придерживаются прежнего деления на три касты?

— Я этого не заметил. Склоняюсь к мысли, что все они принадлежат к крестьянской касте. Если среди них есть дворяне, об этом знают только они. Никакие внешние признаки не откроют вам этого. Впрочем, кавказские князья — это еще одно разочарование для европейского туриста.

— Я знаю, что вы имеете в виду. В Млети грузинский князь держал уздечку моего коня. Я также слышал о другом дворянине, который долгое время был гостиничным мальчиком в Кутаисе.

— Вот видите! На Кавказе так же, как и везде: старые привилегии исчезают в пользу денег. Единственного «принца» Карповки сегодня зовут Хасан-Личас.

- Насколько он богат?
- У него как минимум двадцать тысяч рублей.
- Это много?
- Очень много для крестьянина.
- Значит, сам Хасан всего лишь крестьянин?
- Он буржуа, как вы говорите. Он не изволит больше обрабатывать землю своими руками.
- Да уж, вполне заслужено! А есть ли у него какое-либо образование?
- Он говорит по-русски и это, пожалуй, всё. Но он здесь единственный черкес, говорящий по-русски.
- Значит сначала, как я понимаю, мы навестим почтенного Хасана Личаса?
- Несомненно. Вы даже будете ему благодарны за предательство, ибо оно дает вам возможность удовлетворить свое любопытство.
- Вы же не требуете, чтобы я поздравил его с этим?
- Нет, я так далеко не зайду!
- Прекрасно!

Тем временем мы движемся вверх, в направлении Ольгинской. Накренившиеся плоскости дороги чередуются с грязевыми котлованами. Повозка движется с большим трудом. Однако наши несчастья вознаграждаются проплывающими мимо пейзажами. И это ещё не субтропическая растительность, с чем мы столкнёмся в Гагре. Самая выдающаяся вершина, видимая издалека, не превышает 2800 м, а в лесу преобладают западные породы деревьев. Тем не менее, разнообразные картины сменяют друг друга с быстротой, отличающейся, я бы сказал, некоторой искусственностью. Когда здесь ляжет каменная кладка и проехать можно будет легко, мы лишимся удовольствия долго наслаждаться видами этой тропы, конкурирующей с римскими дорогами так же, как английский парк может со-

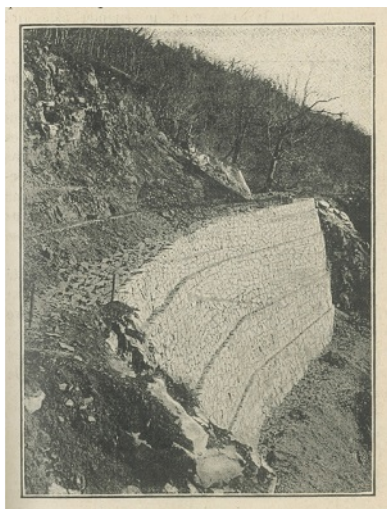
перничать с благородными классическими садами. Мы видим торжество хитроумного искусства над сложностью местности. Широкие развороты, мелкий серпантин, сложные извилины, словно письмо на старинных документах, — вот что смогли нарисовать здесь генерал Анненков и его сподвижники. В то же время Англо-Индийский телеграф целенаправленно пронзает дикую природу, а дорога бесконечно въётся вокруг него, то обнимая, то лаская.

Временами, более чем в трех лье выше или ниже нас, мы замечаем какой-нибудь участок извилистой дороги на опасном склоне, и мысль о том, что мы только что прошли там или что нам предстоит пройти по нему, вызывает томительное головокружение. Несмотря на то, что между горами проглядывает морской горизонт, дорога здесь значительно удаляется от берега. Она минует перевал, спускается вниз и оказывается у входа в стеснённые горами долины, цирки со зловонными болотами, где черкесы строили свои деревни, находясь там в большей безопасности, чем на побережье.

Было достаточно восемнадцати месяцев упорного труда, чтобы проложить маршрут по всему этому обширному пространству, сделать насыпи, вырыть траншеи, пробить многочисленные выемки в скалах. А какие это были скалы! Одни слои, словно обугленные, рассыпались при малейшем прикосновении, другие походили на порфиновый камень, твёрдый, как сталь. Слева от обочины непроходимый лес спускался по склону в бездну, справа он висел высоко над нами, на краю совершенно голой стены, запечатлевшей следы адских геологических процессов.

Я не случайно использую эпитет «адских», имея ввиду явления, сопровождавшие появление кавказских гор. Существует легенда, которая хорошо иллюстрирует, что происходило во время так называемого «восстания вулканов» и почему великая Кавказская стена похожа на труп монстра, который долго страдал перед смертью, сохранив на себе искажения от безумной агонии. Так вот. В старо-

давние времена Кавказ был одной огромной горой, покрытой цветами, на её вершине, там, где сейчас находится пик Семи Братьев, жил святой отшельник. Позавидовав его спокойствию, дьявол попытался соблазнить подвижника. Но тот дал бы фору даже святому Антонию: «Оставь меня, — сказал отшельник, презрительно повернувшись к дьяволу спиной, — ты попусту тратишь силы». Однако дьявол не отступал и еженощно посещал дом святого. Когда дверь была заперта, он просовывал голову в окно и корчил в нём самые соблазнительные гримасы. Добрый отшельник решил положить этому конец. Как-то раз он поджидал дьявола, раскалив железные щипцы в печи до красна. Когда произошло обычное искушение, отшельник, укрывшись над дверью чуть ниже чердачного окна, схватил горячими щипцами дьявола за его назойливый нос. Тот взвыл от боли, а его хвост начал быстро разрастаться, расползаясь во все стороны от вершины горы. Каждый взмах хвоста образовывал вершины, прорезал долины, нарушая правильность Божественной архитектуры. Поэтому Кавказ, имея однородную структуру, является самым причудливым по очертаниям из всех великих земных рельефов. Преимущество этой легенды перед теориями учёных в том, что она неизменна.

Скальное обнажение

Несмотря на то, что Б. только что вылил ведро холодной воды на мой горячий энтузиазм, я думал о тех романтиках черкесах, которые не захотели принять на себя иго покорности и, не желая поселяться на равнине, предпочли изгнание. Из полумиллиона человек черкесского населения безжалостная война в 1864 году оставила лишь 300 000.

«Желая побыстрее избавиться от вчерашних врагов, русское правительство организовало их переезд и отступление черкесов превратилось в массовую депортацию. После последнего боя войны был издан приказ генерал-губернатора, чтобы все адыги освободили горные долины в течение месяца под страхом пленения. Четыре пятых всего адыгского населения, подталкиваемые продвигавшимися из долины в долину войсками, отправились искать убежища в Турции, Анатолии, на Кипре и в других регионах Османской Империи.

Согласно официальной статистике, которая учитывает только тех горцев, которые садились на баржи под наблюдением российских офицеров, во временные лагеря, организованные в Трапезунде, Самсуне и Синопе, прибыло 200 тыс. человек за первые шесть месяцев 1864 года. Всего же с 1858 года указывается 398 тыс. эмигрантов. Включая тех, кто выехал до великого исхода, тех, кто бежал после него, тех, кто умер по пути, количество черкесов и других народов, которые были вынуждены покинуть свои горы, мы не можем оценить менее чем в полмиллиона. Можно представить, какие страдания они претерпевали, и с какой скоростью возрастала смертность эмигрантов, забитых в лодки, затем помещённых в хижины из веток, часто лишённых необходимой пищи, подвергавшихся непогоде и жестокому обращению. Во многих местах более половины беглецов умерли от голода или болезней в течение нескольких месяцев после того, как покинули родину.

Наконец, получив землю для жительства, они оказались в окружении враждебных народов, отличных по языку, религии и традициям. Черкесы снова вспомнили свои военные привычки, стали грабить соседей и брать мечом то, что предполагалось получать от мирного земледелия. Ссылка черкесов была катастрофой не только для них, но и для тех, с кем они вступили в соседские отношения» (Элизе Реклю).

Верстах в четырнадцать ниже Туапсе мы сворачиваем с основной дороги направо, въезжая в долину, где находится аул. У меня не было каких-то определённых эмоций. Какая-то боль всегда охватывала меня, когда я впервые шёл к руинам известного храма или исторического города. Но здесь ощущения были ещё сильнее, ведь я должен был увидеть «руины» целого народа, когда-то бывшего знаменитым. Увы! Не осталось даже эха от жизни, кипевшей

здесь всего тридцать лет назад, оно улетучилось вместе с последним выстрелом среди гор. И если только вы испытываете хоть какую-то привязанность к обломкам этого гордого и героического племени, вас охватывают самые острые ощущения.

В ходе своих мыслей я задаюсь вопросом, как будет выглядеть тот путешественник, который когда-нибудь, через много веков, приедет неведомо в какой край, чтобы увидеть последнего из французов?..

Тряска и толчки выводят меня из задумчивости. Собственно, дороги больше нет: кругом лес, наполненный медвежьим навозом, затем болотистый луг, по которому река Агой выписывает свои меандры. Мы несёмся в вихре брызг, каждую минуту рискуя сорваться, цепляемся за сиденья, с трудом удерживая равновесие. От колес летят клочья грязи.

Наши лошади словно переоделись: в Туапсе они были черными, а сейчас серые от налипшей грязи. Время от времени, благодаря нашему переезду вброд, а реку мы пересекли около двенадцати раз, их ноги снова становились черными и блестящими. Смелость и выносливость этих животных невообразима! Их не пугает никакое препятствие, они взбираются на кочки и тут же плюхаются в болото, обманчиво прикрытое слоем мелкой травы, и мы погружаемся вместе с ними, но в конечном итоге они вытаскивают нас, на что мы сами были бы неспособны. Кучер даже не берет хлыст, лошадям достаточно ободрения в виде криков типа: но-но, родимые! Как только начался путь по реке, они с азартом устремились в воду, предвкушая двойное удовольствие от мытья и питья. Кони будут пить на каждом броде, это решено. Нисколько не беспокоясь о том, на какую глубину погружается наша линейка, животные останавливаются и пьют на самой середине потока, где вода чище. Напившись, они снова трогаются в путь, дымя ноздрями, наслаждаясь шумом, который они производят и брызгами, окатывающими нас с головы

до ног. Вот какие жертвы необходимы, чтобы добраться до черкесов. К счастью, Агой ещё не сильно поднялся, но впереди осенние дожди и таяние снегов. Можно догадаться, что заключённые в горном цирке жители аула остаются без связи с внешним миром по крайней мере четыре месяца в году. Но похоже, это их не особо расстраивает.

После трёх верст этой мокрой прогулки мы в последний раз пересекаем Агой и входим в цирк через луг, узкий и длинный, как портовая улица. Горы, образующие этот цирк, а точнее, первый ярус гор, видимый с низины, едва ли превышают 1000 метров, но все они имеют форму сахарных голов, что является общим признаком кавказских пиков. Все они покрыты лесами и нигде не видно ни малейшей поляны. Я вижу, как деревья на ближайших вершинах колышутся от ветра. Этот ветер на высотах при неподвижном воздухе внизу приносит весть о надвигающейся грозе. До нас доносится раскатистый звук, имеющий полную гармонию музыкального аккорда. При этом облака рассеиваются, и солнечные лучи немного ободряют нас, вымазанных грязью двуногих, копошавшихся на земной коре. Именно в такие моменты хочется иметь крылья! Благословен Тот, кто взирает на нас сейчас свысока! Он мог бы дать нам их, ведь для Него нет ничего невозможного! Но мы стоим по икры в грязи...

В лазурном небе вырезаны вершины пирамид, одни из них цвета ржавчины, другие — темно-зелёные, именно такой пейзаж я воображал вокруг уединённого аула. Здесь живут около пятидесяти семей, каждая имеет свой двор, ограждённый частоколом, переплетённым ветвями деревьев, круглой или овальной формы. Такие плетеные палисады, засыпанные на фут или два землей, используются у многих кавказских народов, в частности, у абхазов, близких родственников черкесов. Но вполне вероятно, что это общая черта всех примитивных архитектур: земляной вал, противостоящий нашествию зверей, делал из дома

небольшую крепость и не один раз отражал нападение или продлевал время защитников на несколько часов. Древесные колья делают это укрепление более прочным, чем оно кажется.

В дополнение к этому ограда постоянно находится под контролем сторожевых псов. Эта черкесская порода собак, практически исчезнувшая, сохраняется только здесь, в изоляции. Это красивые, свирепые животные, которые не нуждаются в дрессировке, по природе враждебные к диким зверям и незнакомцам.

При нашем въезде в аул раздаётся оглушительный лай и нашу линейку окружает кружащийся вихрь, в котором я различаю разинутые пасти, белые клыки и налитые кровью глаза. Мы не смеем выходить из повозки, уверенные, что нас тут же сожрут. Появляются трое черкесов и хлещут собак, пытаюсь их прогнать, но тщетно! Я бы никому не посоветовал ехать в Карповку после «комендантского часа».

Черкесы смотрели на нас с любопытством, но холодно. Мы несколько раз произнесли имя Хасана Личаса, давая понять, что желали бы видеть этого человека. Если бы не русская форма инженера, они вряд ли стали бы нас слушать.

По извилистой тропе, полной колючих растений, один из черкесов ведёт нас к одному из плетней, расположенному на пригорке, словно доминирующему над всей деревней. Наш проводник показывает, что Хасан там, и поспешно уходит. Мы входим во двор, из углов которого появляются новые собаки. Но на этот раз двое молодых черкесов быстро пресекли их агрессию и очень любезно поприветствовали нас.

— Это сыновья Хасана, я видел одного из них в Туапсе, — говорит мне Б.

Ни один из юношей не говорит по-русски, поэтому мы не можем пообщаться с ними. Но они узнают инженера и понимают, что мы приехали к их отцу. А вот и сам Хасан появляется под навесом своего дома с сигарой в зубах.

Дом с навесом, настоящий добротный дом в ауле Агой, в этом самом глухом уголке Кавказа! Да уж, Хасан совершенно не стесняется своего нечестного богатства. Он выстроил дом наподобие южнорусских вилл, среди красивого луга, на возвышенности. Цокольный этаж окружен перекрытием, на котором покоится колоннада навеса. Чтобы защитить дом от влаги, его поставили на каменные столбы высотой около двух аршинов по методу, используемому казаками станиц. Веранда оборудована ограждением, а к входной двери ведет деревянная лестница.

В этом доме, не очень просторном и не особо чистом, Хасан живёт по-русски: курит штампованный табак, ест щи и борщ, пьет чай из самовара и, я бы руку дал на отсечение, не лишает себя вина, запрещённого Мухаммедом. Он клянётся, что не пьет, но у него рот лжеца и облик лицемера.

Если Шамиль остается самой героической фигурой Кавказа, то Хасан Личас, безусловно, самой нравоучительной. В борьбе, которую горцы вели против России на протяжении полувека, предательств было немного; но если бы пророк предсказал, что среди черкесов появится самый явный, самый циничный предатель, никто бы ему не поверил.

Но уж что случилось, то случилось, и сейчас мы сидим в его доме и пьем любезно предложенный чай. Я было засомневался: человек передо мной, он точно черкес или замаскированный под него нормандский крестьянин? Но нет, хитрость этой физиономии подчеркивает аристократизм его черт, чего не встретишь на ярмарках Кодебека или Крикетто. Хасан Личас явно старше пятидесяти лет, хотя говорит, что ему сорок, вероятно

затем, чтобы подчеркнуть своё несовершеннолетие на момент страшного предательства. Он светловолосый, с красиво очерченной рыжевато-коричневой бородой, тонкими чертами светлого, розоватого лица. Его губы, кажется, постоянно растянуты в улыбке. Глаза голубые, с яркими проблесками, на висках — множество мелких морщин, которые быстро появляются и разглаживаются, словно мехи аккордеона. Должно быть, лет двадцать назад Хасан был красивым юношей, однако сомневаюсь, что у него присутствовала главная черта породы — тонкая талия и изящный изгиб спины, чего, как говорят, матери добиваются с детства, привязывая к спинам детей доски. В любом случае, тело его довольно плотное, а под тканью серой черкески вырисовывается округлый живот — существенный недостаток среди его сородичей, для которых ожирение является позором. В этом отношении он отличается от стройных фигур, которые мы наблюдали в ауле. Истинно черкесская у него только голова, да и то, тусклое и неуловимое выражение его лица умаляет чистоту арийского типа.

Моего друга Б. Хасан давно знает, на Ростоме, одетого в черкеску, он не обращает внимания, так что мне и моему племяннику постоянно приходится удовлетворять его любопытство. Сначала он спрашивает, русские ли мы. Узнав, что мы французы, показывает знаки восхищения. Хасан понимает политическую картину дня и ведет себя как хороший придворный.

Однако он удивлён: какого чёрта мы здесь делаем? Со времен завоевания кроме русских солдат да нескольких офицеров из администрации здесь не было ни одного европейца!

— Возможно, что эти европейцы — первые, но не последние, — пояснил Хасану мой друг, — видишь ли, существуют люди, их называют туристами, которые любят вот так, однажды утром покинуть свою страну и уехать в другие страны, к народам, что им интересны.

— Как? Просто посмотреть, без скрытых целей торговли или захвата земель?

Утверждение моего друга выходило за рамки понимания нашего хозяина. Его недоверие испортило бы всё дело, если бы Б, хотя и не без лукавства по отношению к предателю Хасану, не придумал, как придать нашей поездке более позитивное завершение. Он заявил, что мы писатели, и, по возвращении во Францию, предполагаем опубликовать историю черкесов. С этой целью мы приехали, чтобы на месте всё узнать и познакомиться с героями, выжившими после сопротивления.

Едва мой Ростом перевёл мне эти слова, лицо Хасана приобрело выражение, достойное величайших комиков. Подозревает ли он, что мне рассказали о его прошлом? Во всяком случае, обменявшись быстрым взглядом разведчика с русским офицером, он соглашается сыграть для меня прекрасную роль, которую тот только что ему поручил.

Хасан знакомит нас со своими сыновьями шестнадцати и восемнадцати лет, двумя настоящими черкесами, широкоплечими, с густыми волосами и тонкими талиями.

— Они, — говорит он с притворной грустью, — не испытали невзгод великой войны.

И добавляет:

— У меня есть ещё третий, младший. Думаю, он будет первым наездником во всей округе.

Затем он открывает кабинет, примыкающий к «гостиной», где он впервые принял нас. В гостиной мы заметили несколько стульев, стол и европейский диван. В кабинете, наоборот, если не считать железной кровати, напоминающей все русские постоялые дворы, царил восточный стиль. Скамейки вдоль стены покрыты дагестанскими коврами, над кроватью висит старинное оружие: кинжалы, охотничьи ножи, ружья. Среди них есть очень старые экземпляры, черкесского производства, что весьма восхищает нас.

Вдруг Хасан вынимает из ножен большой кинжал, украшенный красивой чернью, и заявляет, бросая на инженера хитрый взгляд:

— Я помню, как убил этим клинком трех русских офицеров... Перерезал им горло.

Тут он сделал выразительный жест, словно вонзает нож в воображаемого врага. Я находил его более мерзким, чем казалось внешне, потому что он лгал иногда убежденно, иногда со смирением, в зависимости от того, встречался ли его взгляд с моим или со взглядом инженера. Когда я показался ему достаточно уверенным, что имею дело с героем, и что я обязательно уделю ему почетное место в моей истории черкесов, он пошел навстречу моему желанию, предложив посетить аул под своим руководством.

В качестве первого общего и поверхностного впечатления представьте себе одну из негритянских деревень, воссозданных на Эспланаде Инвалидов в 1889 году, только более крупную; окружите её описанным мною горным цирком; вместо выжженной земли представьте себе влажную землю с буйной растительностью; наконец, что будет самым невероятным для жителя Запада, поместите в эти хижины, в этом заброшенном состоянии, в этом страдании, самые прекрасные образцы расы, которой мы так гордимся!

Сначала Хасан привёл нас во двор «зажиточной» семьи. Он выглядел немногим лучше, чем остальные дворы аула. Впрочем, нищета черкесов не так омерзительна, как нищета некоторых других народов Кавказа и русских всех широт, потому что черкесы очень чистоплотны. Несмотря на утверждения Толстого о подобном качестве у казаков, я в этом не уверен, а вот аккуратность черкесов и их соседей абхазов, поразила меня.

В ограде расположены несколько хижин, не связанных с основным домом. Они сделаны из плетня, и если хозяин побогаче, то на плетень нанесён слой глины. Стены едва ли превышают высоту двух метров, зато скаты крыши,

устланные толстым слоем соломы, поднимаются очень высоко. Это сделано для того, чтобы внутри оставалось необходимое пространство для довольно громоздкого камина, имеющего форму колокола, а точнее, усечённого яйца. Это сооружение, подвешенное в виде люстры, не имеет внешнего дымохода: дым уходит в отверстие, проделанное в гребне конька. Корпус очага заполняет часть комнаты и весь свод крыши. Изготовлен он из плетёнки, облицованной раствором. Камин подвешивается среди главной или единственной комнаты дома и поглощает тепло от костра, горящего под ним прямо на земляном полу. Под его дном могли бы поместиться во весь рост пять-шесть взрослых человек.

Деревянные настилы без матрасов и какой-либо ткани — это кровати. Если комната в доме одна, вся семья спит вместе, и я полагаю, что такая вольность в черкесской хижине гораздо менее опасна, чем на парижском чердаке. Следуя некоторым языческим традициям и почитая красоту тела, горцы-мусульмане, тем не менее, хранят чистоту нравов, что утрачено в наших цивилизованных столицах. К тому же, они ведут трезвый образ жизни.

То ли из подчинения Корану, то ли из бедности, но нигде в исламском мире завет пророка о чистоте не исполняется так, как у черкесов. Пьют они только воду. Пища их состоит из молока, овощей, фруктов и, в основном, из жёлтого кукурузного теста, которое заменяет хлеб. Их горячность, однако, не страдает от этой диеты: любят они страстно и ревниво. Я полагаю, что бедные агойцы уже не похищают невест, увозя их через горы на седле, но если унижение рабства и заставило их отказаться от самых ярких обычаев предков, то некоторые симпатичные традиции всё же сохранились.

Позавчера в ауле была свадьба. Я хочу увидеть молодых, но мне отвечают, что в самый разгар праздника они скрылись, и будут жить, никому не показываясь, целый месяц. У нас устраивают свадебное путешествие, а у них — бегство со свадьбы.

Климат черкесского побережья спокойный, кроме тех зимних дней, когда дует бора. В горах же он гораздо суровей. Можно сказать, что черкесы весьма неприхотливый народ. Мужчины и женщины носят не более одного предмета одежды, ходят босиком, их тонкие ноги обнажены по щиколотку; черкеска у мужчин открыта спереди, чтобы видна была грудь. Такова одежда для работы и будней. По праздникам они полностью одеваются и тщательно украшаются.

Лишь немногие старики сохранили привычку красить бороды и кончики пальцев красной краской. Своему костюму, которым они гордятся, тем более, что он ценился на всем Кавказе так, что даже победители переняли его из кокетства, они не изменили. Традиционная кавказская меховая шапка, пройдя через головы грузин, лезгин, абхазов и казаков упокоилась на черкесской голове в сильно утонченном виде, напоминая персидскую митру. Также они остались верны тяжелой меховой папахе, которую носят все азиатские пастухи, только ещё более толстой и лохматой. Женщины сами ткут шерстяную ткань, из которой шьют одежду. Обычно она чёрная, серая или светло-коричневая, не подвергается никакой отделке, очень гибкая и легкая, но в то же время такой прочности, о которой западный производитель уже не помнит.

Что касается бурки, черного или темно-коричневого плаща наподобие священнической ризы, которая, по мнению многих путешественников, сделана из козьей шкуры и представляет собой ни что иное как длинноволосый войлок, то черкесы их уже не делают, а покупают у греческих или армянских торговцев на побережье.

Я уже говорил, что черкесы не изнежены. В стенах домов они делают одно или два отверстия, напоминающие окна с рамами, но без стёкол. Так они получают достаточно освещённое жилище и всегда, даже ночью, находятся на свежем воздухе.

Второе после дома строение во дворе — амбар, он высоко поднят на шестах, чтобы защитить урожай кукурузы от полевых грызунов. Там же хранятся полевые инструменты. Коровы содержатся в тесных хлевах, где животное еле поворачивается. Свиней не держат, согласно учению ислама. Мясо кабана также запрещено, но черкесы охотятся на него с целью защитить свои поля. В сезон охоты туши отвозят в Туапсе на продажу, что приносит в их семьи какой-то доход.

Деньги, роскошная одежда, драгоценное оружие и прочее движимое имущество семьи хранится в одном или нескольких раскрашенных сундуках, которые вместе с деревянными настилами, служащими кроватями, составляют всю мебель в доме. В хижинах тех своих подданных, что Хасан Личас показал мне первыми, я заметил оружие и несколько инструментов, висящие над сундуками. Это были те самые длинные ружья из романтического прошлого, без которых мы не представляли черкесского или албанского воина. Их приклады заканчивались необычным, выточенным из кости яблоком. Кроме того там были ножи, кинжалы и экземпляр тяжёлого черкесского топора с характерной выемкой изнутри лезвия. Такие топоры не всегда использовались для колки дров. Хозяин дома очень приветлив ко мне, возможно, я ему понравился, но не думаю, что я произвел такое же впечатление на других жителей аула. Он просит, чтобы мне обязательно перевели, что все эти инструменты сделаны черкесами, когда-то самым трудолюбивым и рыцарским народом во всей вселенной.

Снова и снова хозяин повторяет на своем языке это слово «когда-то», которое сначала Хасан переводит на русский, затем инженер — на французский, и я не знаю, то ли окружающая сцена так влияет на меня, но бесконечное повторение в прошедшем времени производит впечатление элегии оскорблённой гордости. Похоже, никто в ауле не знает, что обязан Хасану нынешним своим униженным

положением. Они терпят его, боятся, пассивно подчиняются, потому что сейчас он хозяин всей деревни. Но я не удивлюсь, если однажды его вассалы сделают с ним что-либо нехорошее...

Конечно, эти люди не так покорны, как кажется! Осетины, люди без гордости, постоянно жалуются на русских, соучастниками которых они сделались. Черкесы, ставшие такими же несчастными, не жалуются. Они молчаливы и задумчивы.

Новость о нашем прибытии уже пронеслась по всем дворам, и теперь за нами следует толпа примерно из сорока мужчин и женщин, ожидая нас у ворот каждого дома, в который мы входим. Лица женщин не покрыты чадрой, и я пытаюсь разглядеть в их красивых черных глазах, что они чувствуют? Но не вижу ничего, кроме неистового любопытства. У мужчин, особенно у молодежи, это чувство осложняется явным недоверием, и их нахмуренные брови, мрачные взгляды особенно контрастируют со счастливым лицом Хасан Личаса. Очевидно, что в сопровождении лжебрата, продавшего аул, и офицера в проклятой форме, мы не можем априори внушить им благоприятные чувства.

У единственного из аульчан, кто проявил ко мне сочувствие, я мог легко проводить исследования и делать записи. Он доверился мне до такой степени, что позволил войти в комнату его жены. Гарем, пожалуйста! Бедный гарем, действительно достойный султанов, жарил кукурузу на гриле под колоколом. Женщины рассмеялись позади меня, когда я переступил порог их комнаты. Я захотел узнать настоящую причину этого веселья и попросил Хасана выяснить это. Женщины сказали, что не могут понять, что могло заинтересовать меня в их домах, работе и нищенской жизни. До этого они были слишком сдержанны, но теперь попросили разрешения осмотреть меня с уверенностью, что я не обижусь. Вероятно, они приняли меня за какого-то сумасшедшего. Я смирился с их мнением, говоря себе с меланхолической

галантностью Цезаря: «Да! Мне нравится смешить женщин!».

Увидев в другом доме балалайку (что-то вроде трехструнной гитары, очень примитивной), я спросил женщину, хорошо одетую, не споет ли она, аккомпанируя себе, черкесскую песню. Я не знаю, но какая-то ритмичность её голоса и внешний вид в целом выдавали в ней хорошую певицу. Однако она отказалась. Хасан настаивал: «Ты замечательно поешь, доставь удовольствие гостю!». Женщина собралась было взять гитару, но тут вошел её муж. Она немедленно отложила инструмент. У этого человека было не очень-то гостеприимное лицо, и он казался перед Хасаном менее застенчивым, чем другие. Он спросил, из какой части России мы приехали. Хасан объяснил ему, что мы ехали ещё дальше, чем из Петербурга, из страны под названием Франция, оттуда, где садится солнце. Черкес неопределённо кивнул. Видимо, он не поверил ни единому слову.

Я настаивал на том, чтобы просить спеть женщину, которая стала безжизненной и неподвижной с тех пор, как вошёл муж. Хасан обменялся с ним несколькими словами, вероятно, для того, чтобы получить то, что я хотел, если только он не сказал ему что-нибудь ещё. В результате мне так и не пришлось услышать сладостных звуков черкесской песни. Я сильно жалею об этом, потому что я обязательно попытался бы перевести её. Предаю этого ревнивого мужа Шибле, черкесскому богу молний.

Ни в одном доме, как и предполагал мой друг, я не стал объектом гостеприимства, кроме дома Хасана, конечно. Самое большее, что мне предложили — это огонь для сигары. А ведь когда-то гость мог чувствовать себя здесь как дома. Жаль легенды! Ну что ж, бедных черкесов аула Карповки вполне можно извинить.

Я всегда буду благодарен им, что они не дали своим собакам меня сожрать. В конце концов, если бы они захотели, я погиб бы, как Иезавель. Я благодарен им за любопыт-

ство, которым они оказали мне честь. А так же за то, что они удовлетворяли моё. Они прекрасны. Печальная красота! Они точёные, словно статуи. Именно здесь я увидел самую очаровательную в мире человеческую фигурку, я говорю о девочке 7—9 лет, которая, полуобнаженная, играла со своими сверстниками в комнате. Ах, милое чудо! Слова бессильны выразить то, что тонко изобразила природа на личике маленькой дикарки. Я сожалею, сударыни, о том, что таких детей нельзя увидеть на Елисейских полях, они копаются в тысячах лье отсюда, в грязи и навозе. А у нас даже аристократические союзы не могут произвести ничего похожего. У меня пронеслась безумная мысль о краже ребенка, когда эти огромные, погибельные темносиние глаза смотрели на меня снизу вверх. Если бы ты родилась в Ла-Виллете, я безошибочно предсказал бы твоё будущее!

Недалеко от этого шедевра сидела старуха, возле которой стоял ящик, набитый какими-то тряпками. Мне показалось, что эти тряпки чуть заметно вздымаются, словно мехи. Заметив мое любопытство, женщина приподняла слой тряпья, и я увидел спящего младенца, совершенно голого, как червь! Она не спешила снова накрывать его, оставив минут на пять на холодном воздухе. Таким образом черкесы закаляют детей, используя это как лучшее средство от бронхита и лихорадки. Этому юному черкесу было от силы четыре месяца.

Когда я хотел отправиться в обратный путь, Хасан Личас, стремясь спасти репутацию черкесского гостеприимства, просил сначала перекусить у него дома. Пока мы ходили по аулу, его жёны приготовили лепёшки с сыром. Хасан заимствовал из русских привычек только то, что ему нравилось, в остальном же он оставался магометанином: у него было две жены. Кстати, другие женщины аула

хоть и были мусульманками, но одевались более открыто, чем христианки. Гарем же Хасана был полностью закутан по обычаям Стамбула.

Лепёшки оказались восхитительными. «Настоящее черкесское блюдо!» — похвастался Хасан, проявляя заботу о моей будущей книге. В Геленджике, за столом с русскими колонистами я пробовал пироги с сыром, но здесь нам подали кусочки сыра, просто завернутые в горячий блин из кукурузной муки, что отличало это простое деревенское угощение. Подали также хорошее крымское вино из погреба, но Хасан не пил его при нас. Я снова стал просить какую-нибудь черкесскую песню или легенду, но Хасан и его сыновья отказались, ссылаясь на незнание. Видя мое разочарование, Ростом предложил нам мингрельскую сказку.

— Мне надо было попросить об этом, когда мы были в Мингрелии, — говорю я ему, — впрочем, никогда не поздно!

Вот сказка Ростом. Умный вор, знающий, где хранятся царские сокровища, решил украсть их. Вместе со своим дядей они построили коварный план. По дороге они решили проверить, кто из них искусней. На верхушку сухого дерева сел орел. «Я ухитрюсь оторвать у птицы два пера незаметно для неё!» — сказал дядя. И как он сказал, так и сделал. Но спускаясь с дерева, обнаружил, что у него голые ноги. «Это я! — засмеялся племянник — Пока ты лазил на дерево за птицей, я снял с тебя штаны». Дядя остался в восторге от мастерства своего племянника.

Добравшись до сокровищницы, наши воры попадают в ловушку. Зная страсти своих подданных, царь устроил вокруг сокровищницы глубокий ров и замаскировал его. У дяди не хватало сил выбраться. «Ты сможешь легко вылезти отсюда, — сказал он племяннику, — прошу, отсеки мою голову и заberi с собой, похоронишь её возле дома. А стражники, когда придут, не узнают, кто я был». Племянник так и сделал, а затем легко вылез из рва.

Желая узнать личность отважного вора, который возжелал царских сокровищ, царь приказал показывать труп у дверей каждого дома его государства, чтобы родители выдали себя своими эмоциями. Когда труп был принесен к дому молодого вора, он незаметно обжег руку своего сына, младенца. Ребенок закричал и в доме поднялся переполох. Это помешало посланникам царя понять, обеспокоились ли домашние при виде трупа или от плача малыша. На всякий случай они нарисовали на воротах подозрительного дома белый крест. Когда на следующий день они вернулись с приказом царя арестовать жителей дома, они нашли белые кресты на всех домах селения. Это была работа хитрого вора.

Труп пришлось закопать, так как он уже начал разлагаться, и придумать другой способ расследования. Царь придумал созвать всех своих подданных на пир у себя во дворце. По окончании праздника он сказал: «Кто из вас попытается украсть мои сокровища, пусть попробует, если осмелится, незаметно для меня провести ночь с моей дочерью». Затем, он тайно приказал своей дочери: «Когда этот негодяй придет к тебе, не отказывай ему, но когда он заснет, сбрей половину его усов, чтобы я мог узнать его». Разумеется, наш тщеславный вор не мог отказать себе в таком предприятии и наутро обнаружил, что у него сбрита половина усов. К счастью, все придворные еще спали и он, незаметно пробравшись в комнату каждого, провел у всех на лицах такую же операцию, которой подвергся сам.

Когда царь пересчитал всех подданных, у которых отсутствовала половина усов, их оказалось сто тысяч. «Вряд ли все они могли быть у моей дочери!» — в отчаянии подумал он и стал строить новый план. Но в результате этой ночи царица забеременела и родила сына. «Я узнаю, кто отец, и заодно поймаю вора» — решил царь.

Он подождал, когда ребёнку исполнится два года, и наступит возраст, когда он сможет проявить голос крови, что

звучит внутри нас. Тогда он собрал всех подданных на пир и сказал: «Пусть мой внук подносит вино гостям!» А сам подумал: «Когда мальчик подойдет к родному отцу, он почувствует это и бросится ему на шею».

Когда началось испытание, молодой вор быстро повесил на шею страшную голову совы. При этом зрелище ребенок в ужасе отпрянул, но потом все равно обнял его. Отцовские чувства заставили вора пасть на колени перед царем и исповедать свой грех. Царь сказал: «Такой хитрый человек должно быть, умен и храбр. Такие люди мне нужны, я отдаю за него мою дочь и полцарства».

— Ты действительно считаешь, что это именно мингрельская сказка? — спросил я Ростом, — дело в том, что я уже читал что-то похожее. Геродот передаёт эту легенду как египетскую, и действие происходит при дворе фараона.

— Она совершенно точно мингрельская, — с учёной уверенностью отвечал Ростом, — и доказательство тому то, что мой отец рассказывал мне её, когда я был ребенком.

Меня бы не удовлетворило доказательство Ростом, если бы позже я не узнал, что даже г-н Мурье, очень образованный исследователь из Франции и знаток Кавказа, не согласился бы с моими доводами относительно отца истории и не относил эту сказку именно к мегрельскому фольклору. Почему бы и нет? Геродот путешествовал как по Колхиде, так и по Египту, а Мингрелия, как известно, является самым сердцем Колхиды. Я бы добавил, что мингрельцы передали друг другу устную историю своей страны с исключительной точностью. Они рассказывают о Ясоне так, как не смогли бы многие из наших молодых выпускников. Если вы хотите увидеть, как древние мифы обретают реальность, отправляйтесь в Мингрелию. Здесь вам покажут замок Ясона, сдадут номер во дворце Медеи, вы поразитесь точности топографических описаний Геродота. Однако помните, что этот великий географ, воз-

можно, был менее скрупулёзен в фольклорной части своих рассказов. Поэтому он мог приписать Египту легенду, которую услышал в Колхиде. Возможно также, что эта сказка перешла из Египта в Колхиду очень давно и, забытая египтянами, вошла в традицию мингрелов.

Как бы то ни было, эта сказка весьма аморальна, если рассматривать ее с точки зрения западных предрассудков и содержит прославление отваги и хитрости, приправленное долей фатализма, прекрасно резюмируя моральные представления кавказских народов. Мой друг инженер перевел её Хасану по-русски. Черкес пришел в восторг от подвигов смелого вора, успех которого казался ему столь законным.

...Однако пора было уезжать, и мы покинули Карповку. И когда я оказался на главной дороге, на этом орудии колонизации, посланнике нашего просвещения, я задумался, не покажется ли им цивилизация, которая войдет, наконец, в эти горы, более добродетельной, чем варварство?

Что же касается бедных черкесов аула, историю которых я здесь изложил, то может быть, я когда-нибудь услышу, что они уладили свои личные счета с Хасаном. Но, честно сказать, вряд ли они теперь придают значение красивым пророчествам и в скором времени тихо угаснут, глядя на отражение своих прекрасных лиц в водах Агоя.

Кавказский Эдем

Теперь нам нужно двигаться в сторону Сухума, то есть, выезжать на самый труднопроходимый участок от Туапсе до Сочи. Эта дорога хотя и начала строиться раньше, чем шоссе Анненкова (ей уже почти 30 лет), но вряд ли продвинулась дальше в техническом отношении. Во многом это происходит по административным причинам. Странно, вроде камень везде под рукой, а кладка во многих ме-

стах еще не закончена. Повороты короткие и опасные, некоторые мосты подвешены над пропастями без всякой страховки от падения, которое может произойти от головок окружения у лошадей или ошибки кучера, нет ничего из тех предосторожностей, которыми обеспечена безопасность на Военно-Грузинской дороге.

Провожающий нас инженер показывает место над пропастью, где он испытал острые ощущения, едва не сорвавшись. К счастью, тогда ему удалось зацепиться за куст, и он отделался ранением руки. Невдалеке от этого места мы и сами чуть не оказываемся в подобном положении. Неровность дороги совпала с неловкостью кучера, и наша повозка едва не слетела вниз. Но кучка камней, удачно задержавшая наши колеса, предотвратила катастрофу. Благодарю тебя, добрая фея!

Благодарю тебя также за наших бедных лошадей. Ах, какие же они достойные животные, храбрые, как горцы! Как они борются с четырёхчасовым подъемом, скользят, спотыкаются, проваливаются в грязь по самый живот, но продолжают тянуть свою ношу. Их крупы потрескались от напряжения, бока дымятся, временами они пугаются и фыркают, словно видят призраков.

Лошади, как известно, животные очень впечатлительные. Крестьяне говорят, что потому им над головами и вешают колокольчики, чтобы звон «мешал им думать». Когда мы въезжаем в лес, звук колокольчиков становится глухим, наши голоса не резонируют, испуганные птицы разлетаются с приглушенными криками, совсем не слышно эха. Лес становится гуще, а воздух — реже.

Нет горного туриста, который не испытывал бы эффект «конца географии». Здесь он присутствует на каждом шагу, когда кажется, что дорога упирается в гору. К тому же, поскольку она въётся в бесконечных поворотах над извилистой долиной, однообразно выкрашенной в цвета охры и киновари, то создается впечатление, что мы едем по гребню цирка и не можем из него выбраться. Он то рас-

ширится, то сужается и только вдоволь наигравшись, решает нас отпустить.

Море где-то рядом, оно приближается по мере нашего подъема, но пока мы его не видим. Каждый раз, когда ский горизонт показывается между склонами, покрытыми красноватым лесом, это очаровывает.

По винодельческим фермам, которые смогли развиться между Туапсе и Сочи благодаря участку дороги Министерства общественных работ, можно судить о будущем, которое дорога генерала Анненкова обещает всей стране. Здесь процветают великолепные поместья, принадлежащие разным крезам: полковнику Куику, барону Шенцелю, мистеру Беликову и другим членам императорской семьи; и наконец, имение Императора в Дагомысе, недалеко от Головинского поста. К сожалению, мы не можем посетить их все, и нам придётся вернуться назад, потому что грязь становится совершенно непроходимой, а дорога слишком узкой.

У барона Шенцеля, который за большие деньги построил для себя замок, окруженный виноградниками, нас принимает управляющий. Под его руководством мы спускаемся по широкой лестнице из двадцати ступенек и попадаем в подвал, который выглядит как огромный романский собор. Сотни, тысячи бочонков, наполненных вином, украшают необъятное подземелье. Выше — двухэтажный цех, где обрабатываются фрукты и выжимается сок. Вот и последний урожай: его пьянящим запахом пропитались прессы, чаны, сифоны и другие устройства, построенные по последним моделям. Вино из этих гор, белое и красное, лишено букета, но при правильном обращении может приобрести определённую утонченность.

В Тифлисе князь Багратион уговорил меня попробовать его кахетинское вино, самое известное на Кавказе,

которое он изготавливает по методу бордосских виноградарей. Таким образом получается белое вино, способное заменить барсаки и сотерны второй марки. Владельцы здешних имений добиваются такого же качества. Гордые горы Кавказа оспаривают славу наших холмов!

У живущих недалеко от этих научных лабораторий абхазов не так много амбиций. Они собирают виноград, вьющийся по деревьям, сваливают ягоды в чан, выдолбленный из дуба, дают и пьют этот сок, напоминающий сильно подслащенную кровь.

Говорят, что самым богатым землевладельцем на побережье является г-н Беликов. Ему приписывают годовой доход в пять миллионов рублей. Во время короткого пребывания на своём кавказском курорте он предавался королевским фантазиям. Ходят слухи, что по его вызову из Петербурга приезжает известный виртуоз, даёт концерты, которые длятся до обеда, и возвращается с чеком в несколько тысяч рублей. К северу от Туапсе, прямо на берегу моря, господину Беликову принадлежит еще один участок, который я посетил. Он намеревается основать здесь школу. В самом центре лихорадочных болот! Его нужно было отговорить. Наши русские друзья иногда бывают такие мечтатели!

Грязь, жуткая грязь, достигшая невероятной глубины, заставляет нас повернуть назад к Туапсе. Все другие неприятности дороги, включая вынужденное купание в реках, есть удовольствие по сравнению с этой, против которой нет средства. И вот мы снова в Туапсе, ждем, когда «высохнет». Но нам говорят, что там никогда не высохнет, даже после длительного периода бездождия участок до Сочи остается грязным. Земля там более влажная, чем в других местах, а из-за постоянного обрушения породы вода задерживается в трещинах. В течение долгого времени для осушения этой дороги применяли паровые насосы, но всё напрасно. Одного этого достаточно, чтобы понять, почему мосты, которые пытались строить через каждую

из восьми рек на этом участке, исчезали как сон. К тому же мне показалось, что каменная вымостка сделана из очень рыхлого и мягкого камня.

Проходит два дня. Погода остаётся ясной и нам кажется, что можно еще раз попытаться проехать до Сочи, но крестьяне, что знают эту дорогу лучше нас, не дают нам лошадей. И мы решаем плыть морем. На этот раз мы отправимся прямо в Сухум, а оттуда будем двигаться в противоположном направлении. Пока доберемся до Сочи, дорога подсохнет. Отличный расчет, подсказанный моей доброй феей и мудростью моих седин!

...Однако мои седины потерпели крайнее неуважение, когда я садился вечером в шаланду, что должна была отвезти нас на борт «Святослава», а там — хоть к чертям! Была полночь. Небосвод подернулся легкими облаками, бросающими серебристую тень на беспокойное море. Мы только что попрощались с нашим другом Б., с этим гостеприимным домом, где с нами были любезны и сердечны буквально все: хозяин, слуги, лошади, собаки, кошки... Наши губы горели от некоего эликсира «Туапсинский», который изготавливался в этой же обители и оправдывал свойство всех русских напитков подобного рода — настоящий жидкий огонь!

Прибыв на берег и увидев море, мы подумали, не предавалось ли оно возлияниям того же эликсира? Волны казались огненными! Мы сразу узнали феномен фосфоресценции, который часто можно видеть в водах Понта, но в ту ночь он достиг необычайной интенсивности. Светящиеся лезвия рассыпались вместе с волной сверкающими бусинами, вся дуга бухты представляла собой огненный серп, который то загорался, то гас. Слева, в стороне Малой Азии, небо вспыхивало непрекращающимися молниями, что указывало на отдалённые грозы, которых мы

еще не чувствовали. Вдалеке, на расстоянии двух миль, зелёный фонарь нашего корабля пронзал серую глубь изумрудной иглой. Прогулка до него превратилась в редкое удовольствие, плавание среди световых иллюзий.

Единственная шаланда, предназначенная для перевозки пассажиров на корабль, была полна людей. Там было около шестидесяти мужчин, женщин и детей, не считая казаков-гребцов. Грузины, мегрелы, татары, армяне, греки, курды, персы, турки; все костюмы, всё тряпье, какое только можно вообразить; одно из тех скоплений живописных существ, какие мы видели только в кавказских духанах или на палубах, покрывающих побережье Азии. Такое впечатление, будто Туапсе массово эмигрировал, как когда-то черкесы. Такое обилие пассажиров, несоизмеримое с численностью населения городка, объясняется редкой возможностью попасть на борт. Нам предстоит путешествие в компании людей, ожидавших посадки на корабль в течение нескольких недель. От примитивной лодки, без какого-либо другого снаряжения, кроме шеста и пары весел, но переполненной человеческой плотью, заставляющей доски трещать, исходил, задерживаясь на открытом воздухе, ужасный запах восточной нищеты. Единый запах, контрастирующий с разнообразием аксессуаров, типов и языков. И мы должны были залезть туда, в эту зловонную миниатюру кавказского Вавилона, в эту многолюдную кучу, где, казалось, и мыши не нашлось бы места. Причем забраться туда надо было быстро, и мы готовились к этому «старту», если можно так выразиться. Опасность заключалась в сильном скольжении перекинутых на борт балок, с которых можно опрокинуться, если судно подхватит волной. Но к счастью, оно стоит недалеко от берега. Я поднимаюсь вслед за спутниками: мой приход вызывает ропот, протесты на всех языках. Похоже, они думают, что я — соломинка, которая ломает спину верблюду. Я ищу, куда поставить ногу, но это невозможно. Я иду по чьим-то конечностям,

головам, женщины кричат, дети плачут. Наконец ко мне бросается баркадж и, нанося гораздо больший урон, чем я, кулаками и толчками запихивает меня в эту живую возмущающуюся массу.

Бог знает, хотел ли этот негодяй меня оскорбить, или просто не было другого способа решить проблему, неважно! Я пообещал себе дать ему пощечину в момент перегрузки на корабль, чтобы научить быть учтивее.

Внезапно шаланда скрипит и устремляется сквозь надвигающуюся волну; нас окатывает мощным ливнем, но на этот раз фосфоресцирующим, похожим на яркие фонтаны Марсового поля. Судно так прогибается под весом человеческого груза, что становится похожим на старинную галеру. Я окунаю руку в воду и, кажется, достигаю высшего благословения: с моих пальцев стекают золотые капли.

По небу пробегает грозовое облако, и все море вспыхивает золотым дождем. Яркими полосами отмечены места, где нырнули дельфины, золотая дорожка тянется по следу нашего судёнышка. Эта сказка под куполом млечного неба с зелёным фонарём на воде, словно звездой из другой вселенной, заставляет меня забыть об обиде на баркаджа. Я невольно восхищаюсь его силуэтом, ловко балансирующим на корме, словно гандольеро. Поэтому забываю о пощечине, когда поднимаюсь на борт «Святослава».

Может, мне следовало всё же проучить его за оскорбление? Но у него был такой естественный вид, он, казалось, настолько был убеждён в своём праве поступить так, как поступил, что я даже почувствовал себя должником перед ним.

Едва корабль пустился в путь, как лёгкая дымка рассеялась, открыв небо, усеянное звёздами. Но молнии продолжали полыхать на горизонте в стороне Батума и Трапезунда. Несмотря на ночную прохладу, я лежу на палубе, но не сплю. Никакие мысли не идут в голову, я просто уставился на конец грот-мачты, танцующей между созвез-

диями. Меня охватывает сладостное гипнотическое состояние, почти физическое ощущение полёта навверх, сквозь эти сияющие миры.

Хотя мы внимательно следили за побережьем, но горы на заднем плане уже достаточно высоки, чтобы принадлежать Сочи. Теперь над первым хребтом, черным от лесов, мы видим сначала синие, а потом и белые вершины, в ледяной лазури и снеге, тускнеющим от света звёзд. «Здесь, как и на Центральном Кавказе, — пишет Элизе Реклю, — центральный гребень гор сопровождается параллельными хребтами, имеющими крутые склоны в сторону срединной цепи и пологие — в сторону моря... Тропы, пересекающие главный хребет, поднимаются по долинам параллельно ему, а достигнув перевала, просто обходят вершины.» Непосредственная полезность маршрута генерала Анненкова состоит в том, чтобы соединить все эти горные тропинки, по которым можно выйти на земли, пригодные для культивирования.

Теперь я могу рассмотреть четкие очертания тех гор, что казались мне сплошной белой завесой на протяжении первых пятидесяти вёрст железной дороги от Батума до Тифлиса. Я различаю великолепную пирамиду Оштена, зубья пилы *Ghougan*, а еще дальше, за *Tchitik*¹, за Псышем, что уже более чем тринадцать тысяч футов высотой, виден гигантский Эльбрус, возносящий свой купол на шесть тысяч метров в облака.

...Вот мы и в Сухуме. С этого момента Главный Хребет отходит от моря и продолжает свой путь через Понто-Каспийский перешеек до Апшеронского полуострова, где истекает грязью и нефтом. Мы в Абхазии. Из всех туземцев,

¹ Предлагаю читателю самому догадаться, о каких горах идёт речь (прим. переводчика).

с которыми я общался во время своего путешествия, абхазцы показались мне самыми интересными. В день моего приезда в Сухум я увидел в общественном саду двух мужчин, чья опрятность говорила об определённом достатке. Они были молоды, сильны и подтянуты. Час они сидели на скамейке, курили и болтали. Мимо проехал фаэтон (черный фиакр с откидными сиденьями, что в течение последних лет появился в городах Кавказа, где его неправильно называют фаэтоном). Молодые люди окликнули водителя, сели в машину и были доставлены в кафе менее чем в трёхстах шагах от них.

— Видимо, они не любят утруждать себя, — заметил я.

— Это абхазы — ответил Ростом — у них пешком ходят только бедняки, да и те — недалеко.

Во время одного из моих плаваний по Черному морю около девяти часов утра, когда все пассажиры, вставшие с рассветом, казалось, радовались яркому и тёплому утру, моё внимание привлекли звуки спокойного храпа. Этот звук исходил от сильного, красивого мужчины, распростертого на какой-то импровизированной кровати. Нагромождение богатых лохмотьев, бурок, ковров, шарфов делало ее широкой и пушистой пеленой. Яркий ковёр, ниспадавший с обеих сторон, служил покрывалом. Темноволосая голова спящего с темными бровями, похожими на крылья ласточки и лицом, ограниченным чёрной бородой и кожаной шапочкой, глубоко погрузилась в мягкую подушку. У подножия роскошного ложа лежало несколько видов ценного оружия, а рядом сидела молодая женщина, заботливо охраняя этот восстановительный сон.

— Кто этот восточный принц, что с удовольствием плавает третьим классом? — спросил я.

— Это богатый абхазец — презрительно ответил капитан, — они ленивые, как змеи, и совершенно этого не стесняются, даже в путешествии.

В одно из воскресений, недалеко от Новоафонского монастыря, мы стали свидетелями поединка между двумя

командами всадников, столь же замечательных по изяществу посадки, как и в причудливости джигитовки. Было видно, что эти люди полжизни провели в седле. По безумной страсти на их лицах можно было понять, что для них нет большего удовольствия, чем эти конные упражнения. Они также оказались абхазами.

Абхазы — кентавры этой сказочной земли. Я побывал в самом сердце их страны, где господствует христианство. Ниже Сухума, бывшей столицы княжества, они называют себя *апсуа*, то есть просто «народ» и исповедуют религию Магомета. Но кто бы они ни были, христиане или мусульмане, их главная страсть — лошади. Тем не менее, жёны обожают их, выполняя всю тяжелую и грубую работу. Ах, какой ужасный народ! — скажете вы, — разве можно до такой степени позабыть о галантности и жалости к слабому полу? Но это Восток. В то же время вам не обязательно ехать на Восток, чтобы найти подобную дикость. В Вене, вполне европейском городе, который гордится своей галантностью, профессией каменщика обладают исключительно женщины. И это только одна из вещей, неприятно поразивших меня в этой претенциозной столице с фальшивой роскошью её гипсовых дворцов...

Я дополню свой набросок абхазцев двумя важными чертами, которые, на первый взгляд, исключают друг друга: они вороваты и в то же время гостеприимны. Есть еще некоторые нюансы, слишком тонкие для нашего понимания. Например, они похищают лошадей, инструменты, оружие, в общем всё, что стоит денег. Но украсть деньги — никогда! Это был бы позор. Отец выгнал бы сына, что похвастался кражей денег. С другой стороны, он одобрит деньги, вырученные от продажи краденых ножен, штангенциркулей и других предметов, изготовленных из более чистого металла, чем монетный сплав. Откуда взялось это странное уважение к монетам у людей, которые не знали о них до российского господства? «У абхазов — пишет Элизе Реклю, — предметом обмена были коровы, особый

интерес представляли стельные, в этом случае через несколько лет можно было получить прибыль в виде целого стада. И только в 1867 году этот примитивный способ обмена был заменен тем, которым пользуются все цивилизованные народы».

Другой пример. Абхаз очень гостеприимен и Бог знает, искренен ли он в этой добродетели? Кажется, что всё в его доме принадлежит вам, сколько бы вы там не находились. И когда вы соберётесь уходить, он будет умолять вас остаться ещё на один день. Вас, кто опустошил его скотный двор и выпил всё вино из его кувшинов! Ваша персона и ваши вещи были для него святыней. Он провожает вас до ближайшего аула, здесь вы обычно расстаётесь. Но если хозяин едет с вами дальше, то возможно, он намерен что-либо украсть у вас. Разве я не прав, что эти нюансы непонятны нам? Несомненно, абхазы лучше поймут тех, кого мы на Западе ставим между ворами из высшего света и ворами с большой дороги.

Если абхазские сёла еще сохраняют свой облик, то Сухум, «столица» военного округа и резиденция православного епископа, не имеет ничего общего с тем турецким городом, который он представлял собой до 1877 года, где османы построили крепость из обломков греческих памятников. Воображение рисует сказочных диоскурий, выходящих из волн обширной, глубокой и защищённой от ветров бухты. Сухум не знает бора, этот бич Новороссийска, достойный своего тёзки, что дует в Триесте. Здесь, с небольшими затратами, может быть построен один из лучших портов на «русском озере».

Самое востребованный местный промысел — ловля дельфинов, он даёт в среднем 2500 голов в год. Дельфин — очень красивая рыба, но является бедствием для других видов рыб Черного моря. Если рыбаки Сухума найдут

здесь какой-нибудь полезный ресурс, то дельфин станет для них проклятьем. Постоянно преследуемые этим прожорливым хищником мелкие рыбки, заслуживающие нашего уважения как лакомая пища, массово спешат укрыться в Азовском море, слишком мелком для дельфиновых игр.

Буржуазные жилища (можно ли использовать это слово в стране, где есть только « народ», военные и подобные им чиновники?) напоминают в Сухуме жилища всех маленьких южных городов России. Одноэтажные дома с цоколем, розовые стены и железная крыша, выкрашенная в зелёный цвет. То же относится и к магазинчикам, скрывающимся под навесами с деревянными колоннами. Навесы образуют узкие и длинные галереи, по которым вы идёте, почти вплотную к витринам и мастерским, открытым для любопытной публики. Производство здесь не имеет никаких секретов, кроме мастерства и воображения изготовителя. Художники, оружейники, вышивальщики, ювелиры, сапожники и пекари — все работают *coram populo*, у всех на глазах. Еда «на вынос», как сказали бы в Париже, готовится с таким же презрением к тайне. Борщ пенится в открытой кастрюле, рыба остывает в том же ужасном на вид масле, где её жарили.

Широкий проспект ведет к ярко-красной церкви, о которой лучше не упоминать. Многонациональная клиентура дюжины греческих кабаре, подвалы, где люди собираются, чтобы пить, попивая вино из бутылок, прибытие и отбытие пассажиров — всё это придает набережной постоянное оживление. Набережная продолжается к югу от города симпатичным сквером, где все эти нежные растения, которые мы с таким трудом выращиваем в комнатах, свободно растут на воздухе, перед тёплым морем. При малейшем ветре волны устремляются на парапет.

Что касается пейзажа, то он создаёт потрясающе прекрасный фон. В следующем столетии Сухум может стать Нищей Кавказа так же, как Ялта стала крымской Нищей.

Вслед за славой курорта для лечения грудных болезней придёт и изыщество. Если удастся высушить папоротниковые рощи, размножить эвкалипты, обуздать лихорадку далеко вокруг Сухума, этот азиатский рай станет одним из самых прекрасных мест в мире.

Теперь, поднимаясь по абхазскому шоссе, мы отправимся в путешествие по чудесной стране, через все величие кавказской растительности. «На склонах Кавказа, до высоты 2300 метров ещё растут деревья, а среди них, даже на уровне снегов, встречаются азалии или рододендроны с яркими цветами, небольшие дафны¹ с древесным стеблем, ярко-зелёные ковры оксалисы, а ещё выше — альпийские луговые растения. Самшит, это ценнейшее дерево, что экспортируется в Англию, откуда расходится по всей Европе, произрастает в лесах Нижнего Закавказья поистине непроходимыми чащами, всё побережье между Поти и фортом Св. Николая покрыто самшитом, вся атмосфера наполнена его ароматом. Типичным для этих мест кустарником является и азалия понтийская, одно из красивейших растений земной флоры. Это замечательное растение, чья осенняя листва кроваво-красного цвета контрастирует с темно-зелеными елями, поднимается по склонам гор от 1800 до 2000 метров над уровнем моря. На отдельных участках хребта азалия исчезает, уступая место рододендрону. Внизу лозы дикого винограда обвивают деревья, словно украшения, смешивая свои гроздья с плодами других лиан.

Ни в одной стране мира нет такого обилия диких плодовых деревьев. В Карталинских лесах, к юго-западу от Казбека, встречаются несколько видов таких деревьев, никогда не подвергавшихся окультуриванию. Возможно,

¹ волчегодник

когда-нибудь, стараниями западных садоводов, их ягоды превратятся во вкусные плоды.» (Элизе Реклю).

Таковы наиболее примечательные особенности естественной растительности на Кавказе. Представьте, что они в изобилии собрались в той местности, по которой мы будем путешествовать. Добавьте к этому также наши самые красивые западные и северные породы: дубы, буки, гигантские каштаны. Наконец, представьте себе и обработанные участки, где вместе с цветами на клумбах растут тропические кустарники. Расположите всю эту феерию на трёхъярусных склонах, которые спускаются от белых вершин до голубого моря, и вы получите представление об этом ослепительном уголке суши, как о людском и растительном Вавилоне.

...Но прежде чем мы вернемся к нашему маршруту, мы совершим экскурсию по прекрасной дороге из Мингрелии до устья реки Кодор. Нам рассказывали о великолепных плантациях вдоль моря, богатых питомниках и, прежде всего, о владениях великого князя Алексея. Здесь мы действительно видим садоводческие учреждения, поставляющие кустарники и редкие цветы в главные города империи и процветающие на благо Сухума. Мы проникаем во владения принца. Это обширный, плохо спроектированный парк, состоящий, однако, из замечательных экземпляров. Здесь насчитываются тысячи гигантских юкк высотой в несколько метров, обрамляющих кипарисовые и эвкалиптовые аллеи, рощи магнолий, туннели жасмина, насыпи цветущих розовых кустов (хотя сейчас 1 ноября), огромные массивы алоэ. С этими цветочными чудесами, с перспективой многоуровневых лесов, которые формируют фон картины, Альфанд¹ сделал бы сад шедевром. Тем не менее, красота и благоухание этих растений тако-

¹ Жан-Шарль Альфанд (1817—1891) французский инженер, директор департамента парков в Париже.

вы, что мы не замечаем неуклюжести ландшафтного дизайна.

Я запомнил этот сад из-за феномена телепатии, предметом которого стал сам. Сегодня мы можем рассказывать такие вещи, не притворяясь провидцами, а вот лет десять назад я бы не рискнул. Чтобы возбудить интерес к этой истории, признаюсь, что не был достаточно подготовлен к тому, что со мной произошло. Я уехал из Парижа примерно в конце августа. В то время ещё не было известно о болезни Александра III. Через месяц, уже в Тифлисе, я прочёл в газетах сообщение, что император, будучи «утомлённым», приехал в Ливадию, чтобы отдохнуть там несколько недель. Люди, которым меня рекомендовали в столице Кавказа, не говорили со мной об этом, а я, не придавая значения новости, не вздумал их расспрашивать. Во время путешествия через горы мы были совершенно изолированы от всяких новостей. Во Владикавказе мне пришло письмо из Франции, уже немного устаревшее, где сообщались некоторые опасения по поводу здоровья нашего Великого Друга. Я расспросил полдюжины слуг, которых любой хороший русский трактирщик навязывает вам, если вы арендуете у него «номер», затем я расспросил самого трактирщика, потом более важных господ и, наконец, весь Владикавказ. Все знали не больше того, что писали газеты, а они больше ничего не писали. Я был в театре, публика как обычно, веселилась. Никаких переживаний. Я было подумал, что мои французские друзья были введены в заблуждение одной из раздутых сенсаций, которыми обычно грешит наша пресса. Раз российские газеты молчат, значит, ничего не происходит. Но тогда я ещё не знал, до какой степени скрытности доходит русская печать, когда речь идёт о значительных вещах. У меня не было подобного случая заметить крайнюю сдержанность русских во всём, что касается священной личности Царя. Словно мы находимся в заповеднике, где царит тайна. Если в церкви мы

говорим тихо, молясь Богу, то в этой огромной церкви под названием «Россия» вообще молчат.

Меня поразило, что во всех французских или европейских газетах, что попадались мне здесь, в колонках красовались черные кляксы, под которыми невозможно было разобрать ни слова. «Что это за пятна?» — спрашивал я. Мне отвечали, что это *одесская икра*. Оказалось, что Одесса составляет серьёзную конкуренцию главному торговому предприятию Астрахани. Но астраханский продукт совершенно несъедобен, так как окрашен дымчато-черным типографским красителем. К каждому почтовому отделению примыкает помещение цензуры, где проверяются все газеты, прибывающие из-за рубежа. После тщательного изучения статей, во всех экземплярах с помощью печатного валика, слова, которые бесполезно читать подданным царя, замазываются кляксами — «чёрной икрой». Любая несвоевременная оценка, бесполезная информация, даже если она верна, неукоснительно удаляется рукой цензора. Жестоко, но надёжно! Невозможно представить, насколько француза раздражают эти деспотичные препятствия в чтении газеты. Мне не давала покоя мысль: что там скрыто?

Один из моих соотечественников, управляющий французской гостиницей в Новороссийске, почтенный и учёный Эмиль, чьи заботы в трудные дни путешествия дали мне почувствовать себя в оазисе среди пустыни, намекнул, что отредактированные газеты, без сомнения, писали о здоровье императора. «Я боюсь, — добавил он, — что наш дорогой Александр очень болен». И это всё. Я передал тревожное известие своим хозяевам в Туапсе, но они не поверили. Они считали, что император был своего рода Гераклом, созданным, чтобы жить сотни лет.

Находясь в Сухуме, я уже позабыл о болезни царя, более того, я больше не верил в неё. Когда я вошёл в сад Великого Князя Алексея, я едва ли думал, что нахожусь в доме брата Александра III. Пьянящие ароматы и восхи-

тительные цветы под ноябрьским солнцем приводили меня в восторг. Вдруг, на перекрёстке кипарисовых аллей мне показалось, что какая-то тень проскользнула рядом и меня охватила сильная дрожь.

— Дядюшка, что с вами? — спросил племянник.

— Не знаю... У меня предчувствие, что царь Александр только что умер. Сколько сейчас времени?

— Два с половиной часа.

Только на следующий день, в Новоафонском монастыре мы узнали о катастрофе от архимандрита Иерона. «Я только что получил печальное известие — сказал он, — наш возлюбленный отец Александр Александрович вернулся в лоно Господне вчера, в два часа двадцать минут пополудни.»

В Новоафонском монастыре

Мы продолжаем наше путешествие по прибрежному шоссе. Первый этап заканчивается в Новом Афоне или Симоно-Кананитском монастыре. Дорога сюда очень извилистая, с едва заметным подъемом. Мы пересекаем табачные посевы, кукурузные поля и мелколесье, где самшитовые деревья окутаны лианами так, что вся растительность представляет собой сплошную массу зелени. Море проникает в эти леса крохотными заливами, которые в определённом ракурсе выглядят как пруды. Добавьте несколько нимф на этом фоне, и у вас получится картина в духе месье Эннера¹. У нас на западе мы привыкли к более градуированному эффекту. Здесь же нет никакой границы между поверхностью воды и интенсивной растительностью. Нет даже узкого пляжа. Я сказал, что море проникает в лес, на самом деле деревья входят в море. Они опускают в воды

¹ Эннер Жан-Жак, французский живописец

свои длинные лианы, словно волосы. Большинство их них остаются зелёными весь год, а те, что опадают по осени, образуют сухими стволами причудливые конструкции, где раскрывается неисчерпаемая фантазия природы.

Чуть дальше открываются склоны гор, и пейзаж предстаёт как трёхцветное знамя, развевающееся на солнце: тёмно-зелёный цвет — от еловых и пихтовых лесов, золотистый — от кукурузных полей и лазурь — от сверкающего моря. Мы движемся в золотистом цвете.

В три часа пополудни, в великолепную погоду, которая должна была продлиться несколько дней, мы прибыли в Новоафонский монастырь и были очарованы. Боюсь, у меня не хватит слов, чтобы выразить красоту этой Фиваиды¹! Думаю, что монахи, когда отправятся на небеса, будут жалеть об этой земле. Счастливые кенобиты! Какой правильный путь они выбрали, собравшись здесь вместе!.. Обратите внимание, что они так же святы, как и наши трапписты или кармелиты, поскольку все удовольствия, соответствующие смертным грехам, для них закрыты. Суточное время распределено между работой и молитвой, на стол подаются блюда на воде, без мяса, вся братия дважды встаёт ночью, чтобы пойти в церковь, и, наконец, их устав (по подобию устава на горе Афон) не уступает по строгости самым воздержанным католическим орденам. Но какая строгость не покажется мягкостью, если вы находитесь в таком прекрасном, желанном сердцу месте? Я слышал об одном бедняке, испытавшем в Париже страшную нужду и переселившемся в солнечную Африку. Он говорил: «Здесь я также беден, как и прежде, но видите ли моя беда уже не беда...». И он прав, под солнцем страдания становятся весельем.

Я видел всех пятьсот братьев, населяющих Новый Афон, основанный лишь в 1876 году, у них не было ни ви-

¹ Русский общежительный монастырь на Афоне (Греция).

да аскетизма, ни самодовольства, ни мучения, ничего, кроме вида здоровых, улыбающихся людей, довольных жизнью. Это место на побережье, одно из немногих, что щадит лихорадка, будто нарочно было предназначено для выбора основателем монастыря; поэтому колонисты Нового Афона пользуются всеми преимуществами природы и абхазского климата, не подвергаясь никаким неприятностям.

Я назвал их колонистами не метафорически. Эта обитель — не только приют, где молятся, ухаживают за больными и привечают путешественников, это также сельскохозяйственная артель, ферма и образцовый сад. Его обширная, расчищенная площадь с оградой, представляет собой собрание всех полезных культур, которые можно было бы выращивать на восточном побережье Черного моря. И здесь встречаются настоящие чудеса. Монахи, в основном бывшие сельские жители, не нуждались в наставлениях ученых агрономов, как лучше использовать ресурсы этой благоприятной земли. Они без проб и ошибок угадывали, какие опыты здесь будут наиболее удачны.

Справедливо будет отметить, что во главе монастыря стоит человек острого ума и неиссякаемой энергии — архимандрит Иерон. Процветание обители — его заслуга. Этот монах мог бы получить от своего государства больше наград, чем многие высокопоставленные чиновники. Это отличный пример для других монастырей империи, которые являются лишь хранилищами реликвий и благочестия. Новый Афон же играет цивилизаторскую роль, подобно некоторым аббатствам Запада в Средние века. Он не особо почитаем или известен, так как здесь нет знаменитых образов, священных реликвий и позолоченного иконостаса. Тем не менее, его монашеское население скоро превысит количество насельников лавр Киева, Москвы и Петербурга.

Киевская Лавра имеет много святых мощей, Троицкая (недалеко от Москвы) имеет сокровища, которые, как го-

ворят, оцениваются в 650 миллионов рублей, Петербургская Лавра имеет мощи Св. Александра Невского с ракой — горой серебра; наконец, все эти монастыри верны своей традиции, всё получать и ничего не отдавать. В Новом Афоне же творят добро во всех его проявлениях: обогащают и учат благочестию местных жителей, бесплатно принимают странников, а руки архимандрита влагают в руки бедняков столько же рублей, сколько благословений. Но боюсь, что всё это скорее вредит престижу монастыря!

Не думайте, что я развлекаюсь сочинительством. Я указываю на явление, характерное для русского народа, которое сбивает с толку нас, западных людей, но не секрет для правящих классов империи. Они знают обо всех трудностях, связанных с благотворительностью. Кто разбирался в этом лучше, чем Александр II? Отмена рабства не сделала этого государя любимцем народа и не избавила от ужасной смерти. Его могила в Соборе Св. Петра и Павла остаётся забытой, в то время как народные массы так же благоговейно целуют гробницы императоров-деспотов, как усыпальницы святых.

От одного высокопоставленного русского чиновника я слышал две истории, относящиеся ко времени голода 1892 года. Когда свирепствовала чума, один воронежец, столь же человеколюбивый, сколь богатый, открыл в своём доме бесплатную столовую; в Нижнем Новгороде две смелые барышни построили бесплатную печь, куда израсходовали более двадцати тысяч рублей. Казалось бы, такие блага должны были вызвать овации для их авторов, однако произошло обратное. Щедрого воронежского хозяина посетили его самые частые гости с требованием компенсации за то, что так часто трудились, чтобы прийти и составить ему компанию за ужином! А завсегдатаи печи в Нижнем поступили еще лучше: они написали челобитную государю с жалобой на подаваемую им пищу.

Вы скажете, что это чистая дикость? Совсем нет. Это национальная черта, дополняемая огромным уважением к власти в её самых деспотических формах, и я не верю, что цивилизация сможет стереть её. Там, где она приносит свои лучшие плоды, очень скоро становится видно, как естественная неблагодарность «лучшего народа мира» лишь теряет свою наивность. Я прошу наших русофилов не скандалить: даю вам честное слово, что наряду с весьма положительными качествами у наших северных друзей имеется ряд недостатков. Это ни в коем случае не даёт повода не любить их или не доверять договорам, гарантирующим обоюдное соблюдение национальных интересов. К тому же мы весьма бы заблуждались, если бы думали, что русские не догадываются о наших недостатках. Они постоянно говорят о них, с воодушевлением анализируют и преувеличивают, но спешат добавить, что всё не так плохо, и мы сами часто являемся причиной этих преувеличений своей склонностью клеветать на самих себя. Одно из качеств, которое более других возбуждает их язвительность, это наша привычка экономить. Они смеются над нашими женщинами, что копят деньги в шерстяных чулках. Если в слишком хорошо освещённой комнате гасят несколько свечей, раздаются возгласы: «О, эта французская экономия!». Всё это звучит очень любезно, без злой иронии, хотя русские прекрасно умеют извлечь пользу из наших добродетелей, которая стоит нам самых острых умах из их эпиграмм.

Поспешим же сделать вывод. Возможно, что для сохранения любви необходимо меньше судить. Но в поисках дружбы, особенно политической, дело обстоит иначе: дружба строится на контрастах и для того, чтобы заводить надёжных друзей, полезно лучше узнать друг друга.

Из примеров, что я приводил выше, следует извлечь урок о том, что повсюду, а особенно в России, чрезмерная благотворительность может стимулировать лень. Однако здесь, в прекрасной рабочей школе под названием

Новый Афон, крестьянин преображается. Вряд ли он станет более учёным, но обязательно поведёт там трудолюбивую жизнь, смысл которой ещё не проник в умы сельского населения страны. Приходя в монастырь, человек приносит в качестве приданого только свои руки, и их цена сразу становится видна. Суровое и мудрое правило Нового Афона требует, чтобы насельники сами производили всё необходимое не только для содержания, но и для обустройства обители. Огромное поместье, которое они отвоевали у леса, великолепные сады, всевозможные мастерские, расположившиеся в ограде, просторное здание, где могут разместиться до тысячи монахов, гостиница, школа, больница и другие постройки, которые вскоре заменят временные помещения, и, наконец, роскошная церковь, венчающая ансамбль этой архитектуры пятью золотыми куполами — всё это, после полного завершения строительства, станет плодом исключительно монашеских трудов. Так же, как они едят хлеб, испечённый своими руками, или рыбу, которую сами выловили, они строят свою обитель из кирпича собственного отлива и обжига.

Потребуется ещё лет пятнадцать, чтобы воплотить весь грандиозный замысел отца Иерона. Пусть он проживёт достаточно, чтобы созерцать это! Такое благословение произносит каждый, кто имел честь приблизиться к почтенному и необыкновенному старцу.

Новоафонский архимандрит имеет полномочия архиепископа и подчиняется непосредственно Константинопольскому Патриарху. Таким образом, он является одним из высокопоставленных священнослужителей России. Его окружают не только бывшие крестьяне: около тридцати отцов-певчих сопровождают его в небольшую временную церковь, двенадцать священников сослужат ему у алтаря.

Тем не менее, кажется, что Новый Афон всегда будет сохранять особый характер, отличный от других русских монастырей. Не здесь воспитываются кандидаты в епи-

скопат Империи. Высшее духовенство по-прежнему будет набираться из числа лавр, где изучаются древние языки и богословие. Что касается монашеской одежды, то она похожа во всех монастырях православного исповедания и достаточно известна. Например, брат хормейстер отличается от брата певчего наличием черной вуали, которая покрывает головной убор, скрывает длинные волосы и ниспадает по обеим сторонам лица. Одежда монахинь также едина по всей России, но не так известна, поэтому я попытаюсь описать то, что видел в женских монастырях Тифлиса и Петербурга, сравнив с одеяниями наших дам из Сен-Мора¹: чёрное платье из тонкой шерстяной ткани и длинный шлейф, заканчивающийся двумя валами бесчисленных складок. Фата, собранная на макушке наподобие митры, довершает этот костюм, напоминающий одеяние Людовика XIV. Когда эти дамы занимаются своими делами в часовне, их фигуры очень элегантны.

Нет такой страны, что была бы устроена лучше, чем эта, где на каждом шагу мы видим поразительные, драматические эффекты. Именно такой натуры ищут живописцы и театральные декораторы. Похоже, здешние монахи черпают вдохновение именно от великолепной природы. Несмотря на святость места, в Новом Афоне я ощущаю себя словно в опере, перед представлением какого-нибудь произведения месье Карпезы или Жамбона. На первом плане — монастырский двор, полный монахов, паломников, путешественников и нищих, среди которых только мы с племянником вносим в этот оркестр фальшивые ноты европейской одежды. Весь этот красочный мир суетит-

¹ Ныне не существующее аббатство в пригороде Парижа, на закате своей более чем 1300-летней истории ставшее женским монастырём. (прим. переводчика)

ся вокруг гостиничных зданий, больницы и павильонов, где можно купить разные безделушки для благочестивого настроения, изготовленные монахами. На втором плане — обширный луг, пустынный, без малейшей тени, он как бы источает поток яркого света. За ним внезапно открываются новые перспективы: травянистая насыпь, где гуляют серые журавли и розовые фламинго, затем лёгкая завеса из стройных кипарисов, за которыми видна внушительная масса новых зданий и сад, достойный соперник детища Великого Князя Алексея. Справа и слева третий план заполнен старыми монастырскими постройками и временной церковью. Семь куполов уже венчают новое здание храма, а всего их будет двенадцать, когда возведут кафедральную часть. Наконец, над всем этим возвышается покрытая густым лесом, словно мехом, гора, вся чёрная под голубым небом. Конечно, в самих элементах этой сцены нет ничего художественного, но композиция настолько удачна, что возникает вопрос, добавили бы в неё что-то лучшее киевские шпили или кремлёвские башни?

Арочный портал, украшенный картинами с импостами¹, обрамлённый широкими белокаменными крыльями, гостеприимно открывается на берегу. Деревянный пирс образует для него нечто вроде перпендикулярного проспекта, упирающегося в море. По возвращении с этого пирса мы видим часовню, красиво отделанную фигурной кровлей с изображениями святых. Именно здесь высаживаются многочисленные паломники, прибывающие морским путём, и эта часовня в форме беседки принимает первые крестные знамения и лобзания.

Новый Афон — настоящая Республика Равенства. Будь ты купцом, солдатом, принцем или писателем — для всех один дом, одна забота, одно гостеприимство. Все гости

¹ Импост — архитектурная деталь, колонна, разделяющая окна или фрески.

пользуются «генеральской привилегией» и обычные ужасы, преследующие кавказского туриста, совершенно отсутствуют. Ваше имя спросят только в момент отъезда и при этом не потребуют ни паспорта, ни удостоверения, ни денег. С того момента, как вы войдёте в обитель, у вас будет право на жильё и питание в течение месяца, что является достаточным сроком для тех, кто действительно в этом нуждается.

Бесплатная гостиница находится в том же корпусе, где и братские кельи. Нас помещают в комнаты, похожие на те, в которых живут монахи. Показывают общий источник, где мы будем умываться по утрам, но не вместе с ними, так как братья наверняка встают раньше нас. Монах-гостиничий спрашивает нас, во сколько мы хотим завтракать и нужно ли разбудить нас ночью, чтобы мы могли посетить церковную службу. В его снисходительном тоне, однако, мы читаем нежелание мучить нас подобным образом. Он продолжает прислуживать нам, пока двери аббатства не закрываются до рассвета. Наступает время, когда мы можем мечтать и смотреть на звёзды, сколько нам заблагорассудится, покуривая эти чудесные белые волокна, что называют «табаком Самсун». Ах, какие они искренние, честные люди!

На трапезе нам подают постный борщ, картофель и макароны, сваренные на воде. Макароны сделаны в монастыре и имеют форму итальянской лазаньи. Всё это холодное, или скорее, чуть тёплое, но чистое. Металлическая вилка имеет только два зубца, короткая и широкая ложка сделана из дерева, покрытого лаком, мы видели такие на всех восточных базарах. Трапезу дополняет вино и очень хороший хлеб. Таковы привычные блюда монашеского обеда.

Когда случается успешная ловля кефали, эта рыба составляет монастырское меню в течение нескольких дней, а супы варятся на её бульоне. Если я дополню этот перецень солёным сыром и неким блюдом из рассыпчатого ри-

са, весьма ярко украшенным, то пройду по всей гамме новоафонской кулинарии. О нет, я не хочу сказать, что мы попали в какую-то академию обжорства и стать похожим на посетителя той самой нижегородской благотворительной столовой.

Когда мы думаем о гостиницах, в которых довелось или предстоит побывать, мы с нетерпением ждём возможности вернуться в эту благословенную обитель, где у нас есть всё, даже чистота, даром! Тогда как в других местах грязные комнаты, полные паразитов, и скверная еда стоят довольно дорого.

Мягкие, как сердцевина дуба, удобные кровати внушают нам такую же благодарность, как и монастырская кухня.

Я прошу об одолжении, чтобы меня принял архимандрит. Нет ничего проще! Справедливо сказать, что в России к высокопоставленным лицам, церковникам или мирянам, обращаются с легкостью, неизвестной нам. Новый император, благодаря своей простоте в обращении, не похож на человека, который позволил бы себе потерять эту традицию, которая отлично подходит для спокойствия общественного духа.

Владыка Иерон принимает меня в уютной гостиной. На стенах — чертежи и фотографии работ, которыми святой старец имеет полное право гордиться. В одном из углов перед иконой горит лампада из красного стекла. На паркете — циновка, на столе — скатерть, на видном месте — самовар. В этом истинном аскетизме нет показной строгости. Владыка почти всегда работает, а если и спит, то на такой же обычной кровати, как у всех монахов, обедает в общей трапезной, ест простую еду, которая одинакова для всех. Его повседневная одежда отличается только пастырским перстнем, нагрудным крестом с украшениями и тростью с двуглавым навершием.

Архимандриту Иерону, как мне кажется, уже перевалило за шестьдесят, но он человек, полный жизни. У него

красивая голова, тонкие, энергичные черты лица, во взгляде много мягкости, но и достаточно силы воли. Жесты его стремительны, а походка похожа на походку молодого человека. Борода его словно из снега, но как говорится, не из твёрдого и холодного, а тающего.

Помимо русского, он говорит на нескольких восточных языках, но увы, ни слова по-французски. Мы беседуем через моего переводчика, но ум этого монаха настолько проницателен, что он угадывает суть моих вопросов ещё до того, как мой Ростом переводит их.

Иерон огорчён, что я не смогу долго оставаться в его монастыре: «Вам так было бы удобно писать здесь!» — говорит он мне. И он прав! Это было бы идеально. Но могу ли я позволить себе рассуждать только о своих мыслях и воображениях, которые рождаются в этом святом месте? Ничтожный, как только твой взор наполнится яркими впечатлениями, а сердце — благочестивыми воспоминаниями, уезжай без промедления! Но отец Иерон не позволяет мне покинуть Новый Афон, не отобедав за его столом в монашеской трапезной. Я с благодарностью принимаю это редкое предложение, адресованное также моему племяннику и переводчику, истинно православному и благочестивому мингрельцу. «Итак, завтра, в воскресенье, после литургии приходите, поедим, что даст нам Бог!».

Наша беседа заканчивается под траурный звон колоколов, призывающий всех в монастырскую церковь. Все собираются молиться за душу бедного Александра III, о смерти которого Иерон только что с волнением узнал. Мы охотно принимаем участие в богослужении. Сердце сжимается, когда я слышу тревожное, тысячекратно повторяемое «Господи помилуй».

На следующий день Иерон прислал к нам монаха с поручением показать нам весь монастырь. Этот брат водит

нас повсюду. Но я не буду заполнять страницы длинным описанием, ограничусь лишь упоминанием трёх чудес: цветника, рощи и водопада.

Сад, окружённый плантацией оливковых, лимонных и пальмовых деревьев, содержит цветник, не сравнимый ни с чем из того, что усилиями наших фермеров мы имеем на Западе. Здесь насчитывается сотни тысяч цветущих роз. Я замечаю гортензии определённого вида и другие цветы, красивые, как орхидеи. Формы, цвета и ароматы сочетаются здесь в едином экстазе.

Роща, расположенная в горном ущелье, не менее очаровательное место. В ней собраны деревья разных пород. Причудливость их теней так же приятна, как разнообразие ласк. Среди кедров, елей и орешника мы замечаем старую византийскую церковь, которая признана настолько интересной, что предпринята полная её реставрация. В ней находится гробница последнего епископа Сухума. Рядом — источник, пить из которого можно только перекрестившись. В нижней части ландшафта виден участок голой скалы, где до сих пор можно разглядеть фрески — около полусотни завернутых в одеяния фигур. Как свидетельствуют все эти остатки, Новый Афон был основан на ранее освященном месте. Более того, рядом, на вершине небольшой горы, находятся руины монастыря, которым, вероятно, не менее десяти веков.

Водопад, используемый в качестве движущей силы для монастырских мельниц, также стал великолепным искусственным украшением, благодаря работе, в которой нет недостатка ни в смелости, ни в оригинальности. Естественный резервуар этого водопада представляет собой миниатюрное швейцарское озеро, подвешенное к горе на высоте ста футов, как раковина к церковной стене. С верхнего края, находящегося на одном уровне с поверхностью воды, струи падают на дно оврага, выложенное гладкими камнями, образуя дугообразную стену. Непрекращающееся пополнение озера создаёт тонкую и ровную

завесу воды, скользящей по каменному уступу и тут же падающей вниз с головокружительной скоростью. Весь водопад похож на дрожащий серебристый фартук. Небольшой пешеходный мост позволяет нам оказаться на границе между этим фантастическим потоком и спокойной гладью глубокого, зелёного озера. Мы обходим это озеро по тропинке, ведущей к другим садам через ущелья, полные растительности и свежести.

Рассказывают, что первые русские крестьяне, привезённые в эти земли для их колонизации, на коленях любовались плодородием местных почв. Их восторг стал бы более полезным, если бы они могли видеть чудеса, совершаемые монахами Нового Афона! Все разводимые здесь культуры, кроме винограда, дали удивительные результаты. Хорошее вино можно получить только в северной части побережья, за пределами Адлера. Но природа, наполняющая эту страну, говорю я вам, предусмотрела всё для её будущего: здесь будет достаточно вина, так как в изобилии растёт красный виноград.

Наша экскурсия длилась не менее половины дня. Она преподавала нам прекрасный урок политической и социальной экономики, заставив нас прикоснуться к несравненной силе трудолюбия, когда оно подчинено строгой дисциплине. Я повторяю, что богатство Нового Афона происходит не от пожертвований, а от имущества, которое монастырь создает собственным трудом. Он не поглощает средства паломников, как в случае со многими почитаемыми святыми местами; напротив, он производит богатство для страны. Доходы, которые монахи получают от своей торговли медалями, свечами, карманными иконами, кусочками благовоний, изделиями из белого дерева, самшитовыми тростями, кольцами или пальмами, греческими крестами из размягченного рога с тиснением, очень скромны. Мы покупаем несколько фунтов восковых свечей, которые поставим у икон святых Александра Невского и Николая.

В сумерках, стоя на пирсе, мы становимся зрителями редкого явления миража на морском горизонте. Нам кажется, что перед нами огромный лес, в котором чётко различаются отдельные деревья и детали. В этой картине легко угадывается весь передний план побережья между Сухумом и точкой, где мы находимся. Видение длится около двадцати минут, а затем исчезает.

После ужина мы, как обычно, большую часть ночи проводим на нашем балконе. Но на этот раз красота звёзд блекнет перед воспоминаниями о монастырской оранжерее. Могут ли самые дорогие бриллианты, пропитанные ароматами Regent и Sirius, сравниться с этим морем цветов?

С утра мы идём в церковь, которая уже полна людей. По повелению Иерона нам освобождают место прямо перед иконостасом, чтобы мы не упустили ни одной детали церемонии. Воскресная месса служится с особым торжеством, потому что после неё последует молебен, призывающий Божие благословение на новое правление. Иерон служит в окружении двенадцати священников, его ризы великолепно украшены. На шелковую тунику надето облачение с широкими рукавами, которое выглядит как ювелирное изделие. Митра, похожая на императорскую корону, сверкает эмалью и драгоценными камнями, пастырский посох украшен двойным алым крестом.

Чтобы произвести достаточный эффект, греческая месса требует более богатой обстановки, чем скромное убранство временного храма Нового Афона. Кроме того, нужны первоклассные хоры певцов, учитывая полный запрет на использование других инструментов, кроме человеческого голоса. Поэтому полное очарование службой я смог ощутить только в Софийском соборе Киева, московского Спаса и Исаакиевского собора в Петербурге. Однако есть

одна часть литургии, которая всюду производит впечатление: это проповедь Евангелия.

После обедни отцы ведут нас к архимандриту, который ждёт нас в своей гостиной на чай. После короткого чаепития Иерон надевает чёрную епископскую мантию со шлейфом, пурпурным подкладом, украшенную спереди розетками и золотым галуном. В таком одеянии, требующем посторонней помощи, он отправляется с процессией в церковь, берёт там Священные Дары и тем же церемониалом приносит их на алтарь, установленный в глубине трапезной.

В компании примерно четырёхсот монахов мы проходим в трапезную и ожидаем, стоя у своих мест. Иерон произносит молитвы, запирает Дары в дарохранительнице, несколько раз взмахивает кадилом, а затем вместе с сопровождающими отправляется к скамьям, до того оставшимся свободными. Он произносит благословение, и все садятся. В то время, как тридцать братьев входят в трапезную, неся кастрюли с постным супом, один монах поднимается на кафедру и начинает благочестивое чтение, которое должно продолжаться до конца трапезы.

Как гости настоятеля, мы вместе с пятнадцатью отцами-певчими сидим за столом, который возглавляет сам Иерон, отделённым от других столов небольшим пространством. Он не снимает своего парадного облачения, ему первому подают трапезу. Слева от архимандрита находится приор, у него также на груди крест, но без украшений, на цепочке. У приора типичная восточная физиономия: тёмное лицо с черной бородкой и вздёрнутым носом. Он резко отличается от остальной братии, одинаково жизнерадостной от старцев до детей. Да, здесь есть и дети, разбросанные по всем монастырским службам, как воробы, их часто можно видеть за аналоем.

Праздничное меню отличается сегодня добавлением бокала сладкого вина, что вызывает восторг за детским столом. Иерон встаёт, поднимает бокал и объявляет, что

мы пьём «этот нектар» за здоровье нового императора Николая Александровича.

Трапеза заканчивается интересной церемонией благодарения. На середину комнаты выносят аналой, покрытый вышитой золотом вуалью, на который полагают Евангелие. К аналою приставляются два подсвечника. Сюда же полагается кусочек хлеба, вырезанный в форме куба, на золотом блюде. Архимандрит, держа в руке посох, читает Евангелие, благословляет хлеб и произносит молитвы, на что единодушно отвечает всё собрание в черных одеждах. Затем два монаха, накрыв руки покрывалами, берут один — кадильницу, другой — только что освящённый хлеб и начинают шествие через ряды гостей. Каждый отламывает от хлеба кусочек, на секунду подносит его к дыму кадильницы и, после широкого крестного знамения, подносит ко рту. В просторном зале трапезной, залитой солнечными лучами, эта картина произвела бы живейшее впечатление на художника.

Гудаут и Лыхны

Лыхненский храм (рис. В. Мельникова, Краснодар)

Ярким, по-весеннему тёплым днём мы прощаемся с Новым Афоном и снова отправляемся в путь. Навстречу нам движется группа лезгин, которые, по-видимому, сопровождают двух женщин на лошадях. Эти богато одетые оруженосцы в серебряных галунах и расшитых одеждах не лишены красоты. Дамы сидят по-мужски, обхватив туловище лошади тонкими ножками, обтянутыми кожаными сапожками, вышитыми красным шелком. Куда же их везут? Покойный Эммануэль Гонсалес писал о «кавказских пленницах» такие истории, от которых мурашки по коже. Но давайте, без порывов донкихотства, восхитимся прекрасными путешественницами,

тем более, что они кажутся в полной безопасности среди своего эскорта.

От наших встречных мы узнаём, что русла, ранее переходимые по воде, теперь совершенно пересохли и действительно, вскоре мы без труда пересекаем реку Бакланку¹. Теперь, в течение нескольких часов, показавшихся мне мгновением, мы проезжаем через первый из тех прекрасных лесов, которые будут сменять друг друга вплоть до Сочи, среди самых неожиданных, драматичных и прекраснейших пейзажей мира. Лианы заплетают весь подлесок, оставляя свободными только самые сильные деревья, возносящие свои купола на головокружительную высоту. Через прорехи лесной массы можно увидеть море или ледяные вершины. Атмосфера, в которую мы погружаемся, отличается прозрачностью. Никаких следов осенней ржавчины, уже отмечаемых под Сочи. Здесь всё ещё зелено, всё ещё апрель, несмотря на то, что календарь упорно указывает дату 5 ноября!

Поскольку нас сопровождает надёжная вооружённая охрана, мой племянник предлагает разбить лагерь и переночевать в лесу. Под каким-то поэтическим предлогом он скрывает истинные намерения, о которых я догадываюсь. Да, несомненно, если наше великолепное уединение в звёздные часы вдруг оживёт от блуждающих или ползущих силуэтов, это только добавит остроты впечатлениям; я согласен, что некие леденящие душу звуки прекрасно дополняют ночные хоры этого восточного рая, я также признаю, что меткий выстрел промеж глаз создаст ощущения, которые редко получишь в окрестностях Сорбонны; но увы! Мой отказ вызывает разочарование у моего бедного спутника — безрассудного племянника своего осторожного дядюшки.

Чтобы смягчить такую строгость, я развиваю тезис

¹ Река Баклановка, ныне Аапста.

о том, что любой поиск приключений может скомпрометировать наше достоинство простых парижских туристов и, в случае неудачи, подвергнет отчаянию наших спутников. Молодой человек находит, что все эти причины пахивают трусостью и продолжает дуться. Мы выезжаем из леса, и я обращаю его внимание на один из самых изящных пейзажей на нашем пути: горный луг своими складками принял форму фартука, из которого готовы высыпаться в море миллионы синих цветов. Он рассеяно смотрит на эту картину.

Однако в Гудауте, куда мы прибываем, нет ничего, что соответствовало бы великолепию этого пейзажа. Здесь горный склон, падая в море, образует две одинаковые складки. Зрелище перспективы от этого только выигрывает: ибо вдруг, на третьем от моря ярусе, перед вами вырастает голубая гора, увенчанная снегом. Разумеется, что такой цвет придаёт ей большое пространство, но, не зная театральной уловки, созданной таинственным декоратором, вы готовы поклясться, что гора находится на расстоянии ружейного выстрела.

Все эти нежные тени и серебристая глазурь, трепещущие на залитой лунным светом природной архитектуре, построенной, как кажется, из пепельного лазурита, заставляет вспоминать земли эпохи Возрождения, где художники миланской школы любили писать своих Мадонн. И когда мы понимаем, что эти тени и глазури соответствуют диким пещерам и ужасному природному хаосу, то не перестаём восхищаться волшебством цвета и света. Также мы благословляем несовершенство нашего зрения, которое, как говорят учёные, не приспособлено к восприятию мелких деталей. Именно этот недостаток, к счастью, позволяет наслаждаться гармонией природы так же, как кожей любимой женщины, которая для нас выглядит гладкой, как шёлк.

Наблюдая с плато Гудаута синюю стену, внезапно выросшую за двойной зыбью зелёных холмов, мы сначала

испытываем чувство, похожее на страх. Я вынужден признать, что эти эмоции имеют общую причину: странную, но реальную тоску по свистку паровоза, который смягчил бы суровость окружающей обстановки.

Шестьдесят или восемьдесят душ, которыми владеет Гудаут, позволяет ему именоваться четвёртым морским портом на побережье. Местное население ещё не определено этнографами, но мне показалось, что здесь проживает столько же наций, сколько домашних хозяйств. Немногочисленные заведения в Гудауте принадлежат довольно странным хозяевам. Заметив лачугу с вывеской «Аптека» и имея желание приобрести немного хинина, я постучался в дверь, уже запертую в восемь часов вечера. Аптекарь с женой ужинали и явно не хотели беспокоиться из-за покупателя. Однако мы были настойчивы и, наконец, услышали шаркающие шаги за дверью. Это была женщина. Далее я привожу разговор, происходивший между ней и моим переводчиком:

— Что вы хотите?

— Немного хинина, пожалуйста.

— На сколько?

— Полтинник или рубль.

— Аа... подождите, я сейчас.

И мы услышали, как она уходит.

— Вероятно, она не решается выдать такое количество хинина без рецепта, — сказал я Ростому.

— Скорей всего, она пошла посоветоваться с мужем, — ответил он.

Мы стояли под дверью минут пять, когда, наконец, она вернулась. Всё ещё не открывая, аптекарша крикнула:

— Эй! Будете брать на пять рублей?

Я начал протестовать против такого беззакония.

— Добрый вечер! — услышали мы голос любезного аптекаря. — У нас закрыто!

Я хотел пожаловаться полицейскому, но, обнаружив его мертвецки пьяным, вынужден был отказаться от своего намерения. Через мгновение после того, как я вернулся в жалкую лачугу, где нам любезно разрешили переночевать, но не предложили ужина, я услышал страшный шум. В дом вломился полицейский. Оказалось, что моя одежда английского покроя показалась ему подозрительной, и он счёл меня неким злоумышленником, который, как сообщалось, бродил по окрестностям несколько дней. Моего трактирщика он пытался обвинить в соучастии и сокрытии преступника.

Мы претерпели невероятные трудности, возвращая этого пьяницу домой, под присмотр его жены. Сразу возник вопрос, доводить ли это дело до сведения начальника полиции, ведь даже в Гудауте есть человек с таким грозным чином! «Поговорим об этом завтра» — сказал я в надежде, что ночь рассеет мой гнев, который был ещё слишком силён.

На следующий день мне больше захотелось смеяться, чем злиться, когда мой трактирщик дружески посоветовал мне не дожидаться обеда уездного начальника, если я хочу трезво поговорить с ним. Этот трактирщик был прав. Там и в других местах во время моего путешествия по России мне довелось наблюдать, что отношения с мелкими чиновниками, не переставая быть сочувственными, после трех часов дня становились немного мутными. Но видели бы вы, как приветливы эти люди и как неправильно было бы порицать их дурные привычки (тем более, что в России это никого не шокирует). Едва трактирщик поговорил со мной, как наш бравый полицейский, уже извещённый старостой о случившемся, прислал мне свои извинения! Инцидент не мог иметь дипломатических последствий.

Именно в Гудауте находится та часть побережья, которая заселена самым разнородным образом. Вавилонское смешение греков, персов, имеретинцев, курдов и русских, соревнующихся друг с другом в жуткой неопрятности. Русские крестьяне преобладают в этом состязании, потому что свою любовь к неудобствам они сочетают с ненавистью к проветриванию своих жилищ. Наконец, среди самых именитых победителей, безусловным рекордсменом должен стать мой трактирщик.

Этот честный малый, как и всякий русский мужик, не злой и не обидчивый, однако заставивший меня заплатить цену бресской¹ курицы за худую несущку, которую после варки надо было разделять исключительно топором. Но поскольку нет ничего более редкого под его крышей, чем появление путешественников, то мы произвели на него огромное впечатление. Однако в Гудауте я прославился совсем по другому поводу.

Желая до наступления темноты прогуляться и осмотреть старую церковь, расположенную в пяти верстах от нас, я решил предварительно избавиться от давно досаждавшей мне мозоли. Для этого мне понадобилась ванночка для ног.

— Хм! — задумчиво произнёс мой переводчик, — не думаю, что вы сможете найти здесь такую вещь.

— Подозреваю, что да, — ответил я, — потому как мы уже сталкивались с этой проблемой и в менее диких местах. Однако будет странно, если ты не найдёшь хоть какой-нибудь подходящей посуды во всём доме, а если нужно, то и у соседей. Горячую воду, естественно, возьмем из самовара.

Наречие «естественно» требует пояснения для моих читателей. Дело в том, что на Кавказе, как и во всей Рос-

¹ Лучшая французская порода кур.

сии, исключая крупные города, вода известна только в двух состояниях: холодная — в реке и горячая — в самоваре. Ни о каком проведении её в кухни или комнаты не может быть и речи. Да и зачем она там? Кухонные инструменты никогда не моют, а в комнатах не встретишь ни таза, ни ковши. Этот факт констатируют все западные путешественники, побывавшие здесь, не один из них страдал по этому поводу. Они отваживались на плохие дороги, опасности, отвратительную еду, но перед отсутствием простой жидкости для омовения испытывали праведный ужас. Я хочу подбодрить вас рассказом, как я решил эту проблему.

Итак, в русском трактире присутствуют две вещи:

1. Большой прилавок, где на скатерти, что меняется лишь раз в год на Пасху, расставлены сто или двести бутылок с содержимым разного цвета, от дешёвой национальной водки до дорогого «коньяка» (читайте: «коньяка», но не вздумайте пить).

2. Самовар. Один. Столов в трактире много, но они настолько заставлены канделябрами и букетами, что на них трудно поставить что-то ещё. Также много номеров, но в них нет ничего, что по нашему мнению необходимо для отдыха, туалета и свободы одиночества. Ну и что же? Зато у нас есть самовар, в котором можно согреть воду в любое время дня и ночи! Какой французский путешественник не презрел бы другие трудности пути, если у него оказался такой полезный предмет?

Выше я упомянул, что вода под крышей гостиницы существует только для самовара, а самовар доставляется в вашу комнату за 20 копеек. И вот, не помню уж в какой гостинице на Военной дороге, мне пришла в голову блестящая идея заказывать его всякий раз, когда мне требовалось его содержимое. Вероятно, в кавказских гостиницах я прослыл самым знаменитым любителем чая. Причем я сразу забирал из самовара всю воду и, за неимением таза, обливался ею прямо на полу, чего в здешних трактирах ещё

не видывали. Так что, господа будущие туристы, приезжайте на Кавказ и не сомневайтесь!

Однако вернёмся к моей ванночке для ног. Вопрос с водой был решён, оставалось добыть таз.

— Я поищу, — пообещал Ростом и через некоторое время сообщил мне впечатления трактирщика и его жены по поводу моей просьбы. Первый изумлённо промолчал, а вторая, почти разозлившись, воскликнула: «Вот странная идея! Мне нечего ему дать для такого грязного дела!».

— Я предлагал купить у них любую посуду, кастрюлю или ведро, что не жалко, но всё было бесполезно, — сказал Ростом.

— Так сходи к соседям или в магазин!

Но у соседей также не нашлось ничего подходящего, а в магазинах Гудаута продавались только сапоги. Моё огорчение было готово вылиться в ярость, когда некий мужик, до сих пор занятый выпивкой у стойки, сказал что-то по-русски Ростому, затем исчез и через десять минут принёс широкий медный таз. Я уже готов был с благодарностями взять его, но мужик не отдавал, продолжая говорить с моим переводчиком.

— Что он говорит? — нетерпеливо спросил я.

— Он сказал, что это таз для ежевичного варенья, и он одолжил его у одного поселенца именно для этой цели. Но эту посудину никогда не чистили. Он не хочет, чтобы ваши ноги окрасились в ежевичный цвет и покрылись сахаром, поэтому позвольте ему сначала вымыть этот таз. По-моему, этот человек неглуп!

— А кто он?

— Он абхазец.

Представьте мою радость, когда услужливый незнакомец принёс мне очищенный и блестящий, словно изделие тульских или московских мастеров, таз. Устроившись в своей комнате и погрузив ноги в воду из самовара, я мысленно представлял своего спасителя. Это был мужчина лет тридцати, типичный абхазский крестьянин. Какая за-

бавная насмешка вспыхивала в его быстрых глазах, на его широких щеках, обрамлѐнных бакенбардами, исходящими из ушей и носа и переходящими в длинные усы — это невозможно описать скудными средствами словесного портрета! Выражение его лица было похоже на виноватую улыбку воришки, которого поймали, но тут же проявили снисхождение за чистосердечное признание. Его появление было так своевременно, словно невидимая рука привела его за эти лохматые бакенбарды. Он сразу мне понравился, как понравился бы и вам, так как у этого горского Скапена¹ угадывался не только живой ум, но и способность по-настоящему преданно отнестись к человеку, готовому воспользоваться его услугами.

Я спросил его через Ростом, хорошо ли он знает свою страну и не хотел бы быть моим проводником. Это совпало с его желанием.

— Как тебя зовут? — спросил он Ростом.

— Я Ростом.

— А я Иван. Пойдѐм, выпьем?

Нам так и не удалось ничего узнать об Иване, кроме его имени. Но на всѐм протяжении нашей поездки по Абхазии он был самым полезным из проводников, которых я когда-либо знал.

Когда я всё ещё принимал ванну и поздравлял себя с находкой хорошего гида, мне показалось, что за окном как-то быстро стемнело. В то же время с улицы доносились крики и смех. Я обернулся и увидел, что больше двадцати человек сгруппировались у моего окна, заслоня солнечный свет. В основном это были дети, младшие взобрались на спины старших, чтобы лучше меня рассмотреть. Что за странное любопытство? Оказывается, дети со всей деревни сбегались посмотреть на странного туриста, который заказал себе три самовара чаю за 60 копеек и теперь

¹ Герой комедии Мольера

пьёт его ногами из сверкающего таза! Это событие стало для всех неожиданностью и главной новостью в Гудауте. Что бы они сказали, если б додумались, что в этом тазу потом ещё будут варить варенье?

Потребовалось энергичное вмешательство Ивана, чтобы заставить зрителей удалиться. Трактирщик и его жена не могли удержаться от смеха.

Как только я закончил с ванной, мы отправились в Лыхне. Лыхне — это старая церковь. Учёные делят всю религиозную архитектуру Кавказа, которая примечательна своим единством во всех частях перешейка, на четыре периода. Её критикуют за то, что она состоит исключительно из заимствований. Я не отрицаю, очевидно, что древние храмовые здания здесь вобрали в себя всё из Византии, Востока и средневековой Греции. Из всех этих приобретений здесь сформировалось довольно солидное архитектурное лицо страны — армяно-грузинский стиль. Очень маленькие по площади храмы Кавказа, едва вмещающие в себя триста человек, производят грандиозный эффект своим устремлением в высоту. Совокупность апсид и коротких нефов под открытым барабаном, поддерживающим центральный купол, придает им внешне прочный силуэт, соответствующий пейзажу. Наши точёные и стройные готические храмы хорошо смотрятся на перекрёстках городских улиц, где плоские дома создают им выгодный фон, но на просторах полей их хрупкая грация многое теряет. Здесь же взгляд уверенно покоится на здании, в котором преобладают прямые и округлые линии.

Характер армяно-грузинского зодчества особенно проявился во втором периоде, который тоже был достаточно ярким. Но памятники первого периода очень редки. Они несут такие явные следы византийского искусства, как говорят археологи, что можно подумать, будто они были по-

строены мастерами из Константинополя. Мне кажется, что лыхненская церковь принадлежит именно этой эпохе, которая простирается от введения христианства на Кавказе до десятого века. В любом случае, она очень интересна и я должен был описать её подробнее, тем более, что старый священник, открывший мне дверь, был очень удивлён: «Я служу здесь пятьдесят лет и вы — первый иностранец, которого я вижу!».

Но пейзаж вокруг церкви было так несравненно красив, что я забыл свою любовь к старинным камням. По дороге, ведущей к Лихне, мы пересекли первую линию холмов, отделяющую Гудаут от большого склона горы, и теперь оказались на плече второй. Здесь находится травянистое плато, немногим больше нашей Площади Согласия, на нём растёт дерево, настолько раскидистое, что под ним могла бы укрыться небольшая армия. Это старый вяз, современник церкви, а может и старше её. Но он не дряхлеет, а как бы напротив, на фоне меланхолической старости памятника свидетельствует о вечной молодости природы.

В углу лужайки, между золотистыми стенами церкви и зеленой массой дерева, виднеются еще одни развалины, все белые, почти новые: это был замок последнего князя независимой Абхазии. Здание расстреляли из пушки. Около тридцати гибких, стройных кипарисов, с которыми сравнивают прекрасных невест во всех закавказских сказках, выросли на этом белом щебне, превратив руины в восточный мавзолей.

По половине периметра плато окружено небольшим лесом. Перепутанный лианами, он позволяет проследить весь рельеф предгорий. Через широкую выемку правильной формы взгляд устремляется в море, где странствует в лучах заходящего солнца. В сторону гор склоны нашего холма гораздо круче, чем в сторону берега. Кажется, что поляна резко обрывается через четверть лье. Из-за пропасти, на дне которой, делая её ещё более глубокой, плавают

вечерние туманы, возвышается огромная голубая гора, увенчанная снегом. Одна из её вершин достигает 3000 метров. Приложите к этой картине магию осенних сумерек, и вы поймёте, что весь мой археологический интерес к груде камней исчез в этом огромном природном святилище.

Бедные руины, уже наполовину вросшие в землю, скрытые ещё цветущими лианами, вероятно, сами осознали свою гибель.

Под деревом, которое из-за своего положения казалось таким же высоким, как гора, растянувшись в траве, курили и спали дюжина абхазцев, а их лошади паслись рядом. Горцы были празднично одеты: новые каракулевые шапки, черные, серые и коричневые черкески с золотым шитьём, тонкие сапоги из красной кожи, газыри из чёрного серебра. Из того же металла стремена, сделанные для тонкой ноги, закреплённые на такой высоте, чтобы всадник не сжимал, а мягко обнимал ногами бока лошади. Под лёгкой упряжью, почти невидимой уздечкой, ремни которой скреплялись маленькими серебряными пряжками, под узким абхазским седлом, эти прекрасные животные сохраняли всю грациозность и свободу движений. Время от времени кто-то из наших ленивцев вдруг вставал, вскакивал на лошадь и исчезал, а через некоторое время возвращался тем же путём. Затем другие делали то же самое, носясь по лужайке, словно ракеты. Вот так абхазы, если только у них не случается какого-то несчастья, проводят воскресенья. Впрочем, и другие дни недели. Мне кажется, эти люди не многое выиграют, приняв европейскую цивилизацию.

«Подобно черкесам, — пишет Элизе Реклю, — абхазы собирались в воинственные группы, имея своих князей, дворян и свободных, отдавая тяжёлую работу земледелия в руки рабов». Среди нынешних черкесов, доведённых до виденного нами состояния, нет уже и следа этого разделения. У абхазцев же ещё заметны его следы, хотя бы

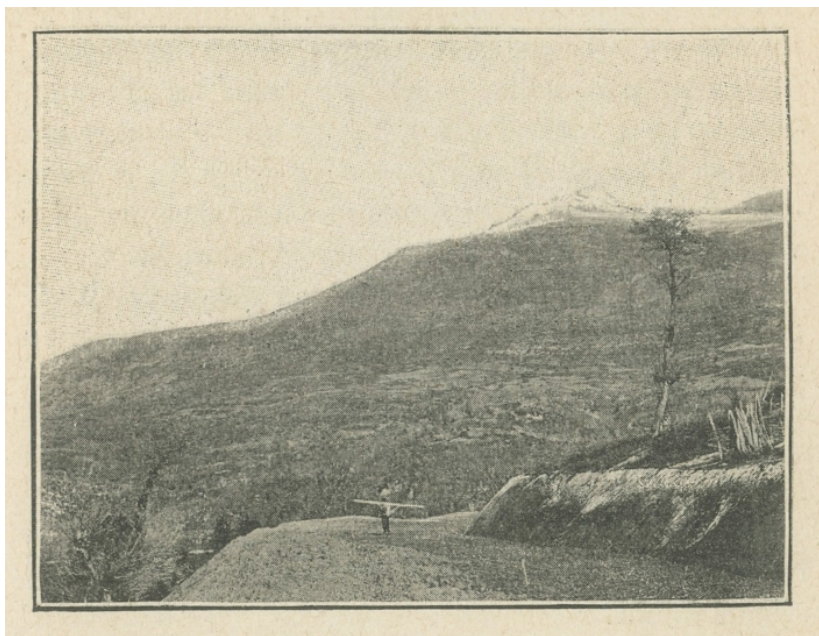
в разделении на две категории: вечно трудящиеся бедняки и красавцы-лентяи, проводящие жизнь верхом или во сне.

...Ночь в горах наступает очень быстро. Закат внезапно погас, и луна холодным светом озарила весь пейзаж, который, казалось, стал отражением одного из её кратеров. Наше возвращение в Гудаут стало прогулкой по вечерним сумеркам. Мы были охвачены тревогой, наблюдая окружающие нас вспышки света. Путь пролегал мимо захоронения какого-то абхазского вождя. Вокруг памятника совершенно белого цвета, окружённого деревьями, по ветвям которых взбирались виноградные лозы, плясали огоньки.

— Если видишь эти огни, то нужно молчать, пока не придёшь домой, — произнёс Иван.

И мы пошли молча, внимая этой невыразимой ночной жизни, тайнам тысяч незаметных звуков, которые, как хорошо заметил Толстой, «сливаются в один звук, полный и громкий, что мы называем ночной тишиной».

У Абхазов

Бармиш

После Гудаута чудесная страна продолжается, и мы ещё два или три дня движемся через невероятное разнообразие пейзажей, выделяющихся на фоне лазури и снега. Господи, благослови эту красоту, которая скрашивает нашу бессонницу, вызванную укусами паразитов и муками собачьего голода.

У нас теперь нет ничего, кроме новороссийских консервов. Храни вас Бог от новороссийских консервов! Мы хранили их на «чёрный день», с самого начала путешествия мы смотрели на них с предвкушением. Могли ли мы предположить, что они окажутся современниками Митридата или, по крайней мере, Юстиниана? Разве

грек-бакалейщик не давал нам за их свежесть самые грозные клятвы? Увы! Когда мы вскрыли эти коробки, полные разложившегося мяса и рыбы, один запах которой вызывал цингу, мы послали ко всем чертям этого лизоблюда, который так злоупотребил нашим доверием.

— А я предупреждал вас! — сказал Ростом, — но вы всё равно хотели купить именно у этого грека. Существует поговорка: нужно три еврея, чтобы обмануть одного русского, три русских, чтобы обмануть одного армянина и три армянина, чтобы обмануть одного грека.

— Это что же, один грек способен обмануть двух армян, шестерых русских и двенадцать евреев?

— Точно так, месье.

— В таком случае, мне не на что жаловаться.

Увидев наше голодное бедствие, Иван исчез, углубился в одному ему известные места и вышел из леса в нескольких верстах дальше с запасом хлеба на седле. В последующие дни он повторял этот манёвр, доставляя нам новые сюрпризы. Как и подобает умному и сообразительному абхазцу, Иван быстро выучился говорить по-русски. Моему переводчику не составило труда объяснить ему, что именно больше всего заинтересовало бы меня в этом путешествии.

Через несколько вёрст довольно скверной дороги, ведущей нас к *Бармишу*, Иван остановил наш маленький отряд и спросил, не хочет ли «барин» посетить абхазский дом? Оказывается, мы стояли посреди аула. Но никакого аула я не видел: вправо и влево от дороги мы видели только торчащие каменные глыбы, бывшие островками среди полей боярышника и рододендрона. «Верно как-то сказал мне Ростом, — подумал я, — здесь каждый куст скрывает дом».

Обрадованный таким предложением, я тут же послал Ивана сообщить хозяевам о своём визите. Хозяева оказались зажиточными крестьянами и приняли меня очень душевно. Моё любопытство, конечно, их удивляло,

но не внушало никакого недоверия. Помните, как я рассказывал, что черкесские женщины встречали мои вопросы взрывами дикого смеха? Здешние же дамы, были более человечны и лишь мило улыбались. Они пытались просто поболтать, узнать больше обо мне, так же как и я о них, но как нам довелось «поболтать», судите сами: каждая фраза разговора должна была пройти через два перевода, с абхазского на русский, а затем с русского на французский, и наоборот.

В Школе восточных языков вам скажут, что между абхазским и черкесским языками много общего, но я, имеющий преимущество в том, что слышал речь на обоих языках, уверяю, что они совершенно одинаковы. Если абхазский и показался мне менее резким, то лишь потому, что произносился устами дружелюбных людей. Кроме того, хозяева были христианами. Глава семьи, мужчина лет тридцати, жил с молодой женой, двумя детьми и свекровью. «В Абхазии есть свекрови?» — спросите вы. О, Бог мой, да! Мы часто забываем, что свекровь — изобретение христианства. Однако в абхазской семье опасаться конфликтов не приходится: непререкаемым авторитетом в семье обладает только старший мужчина, выходящий из рода по мужской линии. Если бы мы перевели на абхазский язык «Землю» Э. Золя или ту самую сказку Мопассана, где сын с невесткой не могут дождаться, когда старики «уйдут на тот свет», местные читатели справедливо бы дивились тому, какие мы дикари. У абхазов, как и у Бургрейвов¹, никто не осмеливается говорить, когда старший сказал «Молчи!», никому не приходит в голову обижать стариков, если они становятся «бременем». Видно, несмотря на свой вкус к чужим лошадям и оружию, туземцы имеют определённые достоинства. Мой хозяин хотя и был молод, но стал главой семьи потому, что старшие родственники умерли.

¹ Немецкий дворянский титул. Герой драмы В. Гюго, глава рода.

Абхазский двор просторнее черкесского. Как и последний, он окружён частоколом и дополнительной защитой в виде очень колючих зарослей. Внутри находится большое количество зданий. Возможно, здание — слишком амбициозное название для сарайчиков и хижин из палок орешника, крытых сухим папоротником и кукурузной соломой. Несмотря на хорошее состояние и чистоту этих помещений, многое в них указывает на бедность. На первый взгляд, абхазское жилище кажется ещё более скромным, чем черкесское. Здесь нет окон, и редко бывает две комнаты. Нет камина, только очаг посередине и дыра в крыше, и это — всё. Похоже на соломенные хижины Морбиана¹. Но у абхазов гораздо чище, чем у черкесов и, особенно, у бретонцев. Я не знаю, как посредством такой жалкой обстановки можно так явно обозначить элегантность, кокетство и чувство вкуса. Хижины стоят на каменных основаниях, которые защищают их от влаги. Освещение и проветривание происходят через две двери: одна выходит на запад, другая — на узкую веранду с подобием колоннады, где расставлены скамейки.

Сероватая штукатурка, очень чистая, покрывает плетень из орешника снаружи. Вы и не подумаете, что это тонкий слой строительного раствора, смешанного с большим количеством коровьего навоза. В пригородах Парижа есть многоэтажные дома, которые выглядят гораздо грязнее. Если, по правде сказать, нигде так, как в Абхазии мы не страдали от паразитов, то только потому, что часто спали в заброшенных домах или на постоянных дворах, принадлежащих русским. У абхазов нет самоваров, зато они знают массу других способов применения воды.

Все абхазские дома построены по одному и тому же плану, из традиционных материалов, предоставляемых

¹ Острова в Бретани, Франция.

карьерками, лесом, кукурузными полями и... пищеварением буйволов. В общем, каждый хозяин использует доступное. Самые ленивые зовут на помощь рабочих, имеющих строительные навыки. Лень и чистоплотность, казалось бы, исключают друг друга, но абхазская лень, как и оружие, — исключительно мужская привилегия. К счастью, есть женщины, компенсирующие бездействие сильного пола. Как мы увидим дальше, эти жительницы Востока, чистоплотные, как голландки, становятся обычными женщинами при виде красивых платьев.

Они замешивают жёлтое кукурузное тесто (по-абхазски *абиста*, по-русски *rhomi*), которое является национальным блюдом и, как и у черкесов, заменяет хлеб. Делают сыры из молока овец, коз и буйволов, и, когда они готовы, раскладывают на низких балках рамы, куда поступает дым из очага.

— Зачем вы коптите эти сыры? Чтобы придать им особый вкус? — спросил я хозяйку.

— Да. А ещё для того, чтобы в них не завелись черви. А вы не коптите дома сыры?

— О нет, у нас наоборот. Мы торопимся съесть их до того, как в них заведутся черви.

Хозяйка поморщилась и предложила мне попробовать настоящий абхазский сыр, похожий на лепёшку из застывшего гипса, которую я из вежливости назвал сладкой. Хозяин принёс большой кувшин вина и, желая услужить мне, протянул стакан. Женщина выхватила стакан из его рук и тщательно вымыла его, израсходовав целую банку воды. Затем вытащила из сундука красивое белое полотенце и тщательно вытерла. Никогда за всю мою поездку я не пил настолько любезно, от чистого сердца предложенного вина!

Несмотря на то, что абхазцы давно являются российскими подданными и тесно общаются с русскими, они ничего не позаимствовали из кухни последних. В то время как грузины, мингрельцы и другие уже наслаждаются бор-

щами и блюдами из рубленого мяса, абхазцы остаются верными сухой пище и совершенно не принимают соусы и супы. Они любят баранину и пернатую дичь. Мясо жарят на вертеле, над углями. Над очагом висит большая цепь, которая является «божеством» дома и символом гостеприимства.

Абхазы — христиане и едят свинину, мясо этих маленьких животных, представляющих карикатуру на кабана, скачущих по двору галопом и заставляющих вас умирать от смеха. Для ловли фазанов имеется специальное приспособление, железная ловушка, которую можно увидеть на стене хижины, висящую рядом с кожаными сёдлами, серебряными стремянами, топором (очень похожим на черкесский), оружием и... зонтиками. Зонтик, конечно, удивляет, и не вполне вписывается в местный колорит. Я бы назвал его «приметой времени», если б не боялся невольного каламбура. Во всяком случае, и это к лучшему, этим предметом западная цивилизация делает первую пробоину в блоке абхазских нравов.

После четырёх или пяти бокалов вина, выпитых за наше здоровье, хозяин повёл меня показать свой скотный двор, где сновала стая индюков, стояли зернохранилища, заполненные кукурузой, на перекладинах сохли табак и красный перец, похожий на цветы мака в желтеющем поле. Здесь же располагались сарай для телеги и хлев для буйволов, виноградный пресс и хранилища для вина.

Абхазская телега устроена очень просто. Это та же древняя арба, которая постепенно исчезает на Кавказе. В неё запрягают именно буйволов, самых ценных гужевых животных в горах. «Пара буйволов успешно заменяет восемь лошадей, — пишет барон Эрнауф — Кажется, они находят удовольствие в этом упражнении по тасканию арбы. Они могут без понуждения опуститься на колени и так двигаться, чтобы выгодней использовать силу. Буйволы очень мирны и не проявляют агрессии к человеку, но чувствительны к холоду. Однако в жаркую погоду их, даже за-

пряжённых, невозможно удержать от желания поваляться во всех встречающихся лужах». Я не раз бывал в таких ситуациях, когда нужно было ждать, пока господа буйволы закончат принимать ванну, потому что никакая сила не могла заставить их отказаться от этого! Эти животные словно не чувствуют ударов.

Абхазы не хранят вино ни в бочках, ни в бутылках, ни тем более в овечьих или воловьих шкурах, по обычаю остального Кавказа. В этой стране, где по библейскому преданию, была посажена первая виноградная лоза, они сохранили древний обычай хранить вино в глиняных сосудах, которые полностью закапываются в землю и сохраняют напиток прохладным. Эти сосуды имеют вытянутую на конце форму и снабжены двумя ручками, и очень напоминают древнюю амфору. Абхазские женщины с амфорами похожи на изображения античных барельефов. Им не хватает только пеплосов¹.

Поскольку мой визит затянулся, хозяин попросил разрешения отлучиться на какой-то праздник, что устраивался неподалёку в доме богатого абхазца.

— Что это за праздник?

— Годовщина смерти.

— Разве я не могу присутствовать там? — спросил я, но оказалось, что Иван уже предвидел моё желание и договорился, что меня представят хозяину того дома.

Абхазец надел самую нарядную одежду. Его жена смотрела на мужа с гордостью, поправила ему бешмет и не сводила глаз, пока он не сел в седло. Я поблагодарил этот славный дом, поцеловал милых, совсем не пугливых, детей. Было трудно уговорить их взять немного денег в память о моём посещении (они предпочитали ножи). На-

¹ Верхняя женская одежда в Древней Греции

конец наш маленький караван двинулся к дому, где мы будем праздновать смерть.

Решительно, я уже очень стар! Всего год назад в этом богатом доме умерла шестилетняя девочка, и, по этому случаю, она собрала всех жителей деревни, мужчин, женщин и детей. Никто не мог не прийти хотя бы на несколько часов. Праздник длится два дня и никаких причин для отсутствия, кроме тяжёлой болезни, не принимается. Тот, кто отказывается прийти, наносит хозяину дома такое оскорбление, которое не прощается, и может быть удовлетворено только где-нибудь в укромном лесном уголке. Обязанность присутствия распространяется на всех: богатых и бедных, знатных и крестьян. Так сохраняется дух *тлеуш* или «братства», благодаря которым абхазы оказывали успешное сопротивление другим горским племенам Кавказа и особенно, черкесам.

Сегодня только первый день поминовений. Мужчинам терять нечего: им предоставлены все виды отдыха в этой счастливой стране Абхазии! Женщины присоединятся позже, к окончанию праздника. Ещё только десять часов утра, а терновые и рододендровые поля уже оживились всадниками, галопом спешащими галопом к месту сбора. Как и арабы, абхазцы знают лишь один вид езды — галоп, и ничто из того, что помешало бы нам, их не останавливает.

Двор богатого амфитриона¹ огромен. К нему, как и к нашим укреплённым тремя оградами замкам, можно попасть только по одной, сильно разбитой тропе. Только здесь ограждения представляют собой тройную стену ошетилившихся шипами зарослей, увитых лианами. За этими естественными укреплениями можно выдержать настоящую осаду. Должно быть, пытаюсь продрагаться сквозь них, мы бы оставили на кустах немало крови.

¹ Персонаж древнегреческой мифологии

Когда мы минуем эти валы, то попадаем на красивую лужайку, засаженную высокими деревьями. На мгновение возникает ощущение, будто я нахожусь в одном из мест наслаждений, воспетых рыцарскими стихами. Конечно, пейзаж здесь гораздо скромнее, но совсем чуть-чуть воображения — и к этому спокойному и красочному гобелену добавляется несколько фигурок. Что касается пейзажа — то нельзя и мечтать о более волшебной атмосфере. Над зарослями сухого кустарника, который изолирует нас в театральных декорациях, возвышаются лысые и лесистые горы с острыми пиками и снежными митрами, пронзающими лазурь, с глубокими ущельями, где проглядывает море.

На затенённой деревьями лужайке прогуливаются несколько элегантно одетых женщин. На них маленькие восточные жилеты из сукна, шелка или бархата, облегающие лиф, а руки охвачены широкими рукавами в обильных складках из тонкого холста. Их платья развеваются в широких, свободных движениях. Я замечаю красивую брюнетку, которая гораздо естественней выглядит в своём белом атласном платье, чем невеста из предместья.

Не все присутствующие богаты, более скромные люди заметны некоторым отдалением от богачей. Возможно, к вечеру придут и те, у кого на спинах будут только лохмотья. Но праздник, тем не менее, один для всех. Все будут равны перед щедростью хозяина, все получают братский приём.

Мужчины ещё более элегантны, чем женщины, так как носят единственные украшения в этой стране — оружие. Они также собираются в группы, но не прогуливаются. Им страшно стоять на ногах: едва они сходят с лошади, как тут же ложатся в траву курить. Народу уже много. Женщины встречают каждого прибывающего всадника, маленькие ручки берут коня за уздечку, гладят нос и уводят в конюшню. Как только всадник ступает на землю, как спешит лечь рядом с остальными.

Можно представить, какое удивление было вызвано в такой обстановке прибытием двух европейцев, одетых в стиле старой Англии, хотя, признаюсь, я и не думал поступать так, как тот храбрец, Александр Дюма, первой заботой которого, приехав на Кавказ, было настолько полностью одеться по-восточному, что сам Шамиль ошибся бы. Возможно, именно благодаря магии этого костюма любезному Александру пришлось пережить столько замечательных приключений и увидеть, как отрубили так много голов...

Как только мы появляемся, прекрасные женщины прекращают променады, а лежащие в траве мужчины поднимаются на локтях. Все взгляды обращены на нас. К нам подходит старик, Иван и мой хозяин, что привёл нас. Старик протягивает мне руку со словами приветствия и говорит, что мой визит для него «большая честь» и просит присоединиться к его гостям. Он — глава семьи, поэтому является устроителем поминований. Наверное, умершая малышка была похожа на него. «Это отец девочки, — старик указывает на своего старшего сына, мужчину лет сорока. У него лохматая голова, а щетина на лице напоминает колючие кусты вокруг двора. Дело в том, что в знак траура он уже год не прикасается ни к бороде, ни к волосам.

— В моё время, — рассказывает старик, — мы были более благочестивы по отношению к мёртвым. Когда один из нас был в трауре, все члены семьи били себя по лицу, плача, пока не появлялась кровь. Сейчас мы уже не делаем так, и совершенно напрасно.

— Конечно, — соглашаюсь я.

Глава семьи захотел сам провести нас по своему имению, исполненному скотом, зерном и содержащемуся повсюду в отличном состоянии. Сначала он показал нам кух-

ню под навесом, где готовилось первое из четырёх блюд, которые должны подаваться в течение двух дней. Половину бычьей туши, разрезанную на куски величиной с кулак, готовили в нескольких котлах, стоящих над огнём на железных прутьях. В воздухе витал сумасшедший запах горячего, аппетитного бульона, в котором варилось это мясо. В котле также плавало несколько овощей и, в целом, это было прекрасное блюдо, приготовленное на открытом огне. Но, кажется, я упоминал, что абхазцы — любители сухой пищи, поэтому бульон они просто выльют.

Повара достают порции мяса длинными вилками и раскладывают их в плетёные блюда. Эти подносы будут переноситься со стола на стол, и каждый будет обслуживаться сам. Никаких дополнительных манипуляций, как в нашей сложной сервировке, следовательно, никакой нечистоты.

Недалеко от очага находится помещение, где на досках выложены сотни лепёшек из абисты. Там же находится гора винограда, которую разбирают женщины. Слуги расставляют горшки перед кладовой с вином. Вино будут наливать в последний момент, чтобы оно сохранило прохладу. Посреди двора расставлены столы, окружающие старинный пресс. Как утверждает хозяин дома, на этом прессе только что раздавили сотый урожай.

Я восхищаюсь почтенным устройством, шедевром наивной механики и пытаюсь сделать его чертёж. К сожалению, я не могу описать его подробно из-за незнания столярных терминов. Я попробую, но, знатоки, простите меня!

Итак, чаша кубической формы прикреплена к сухому стволу дерева, покоясь на фундаменте, образованном выступом этого же ствола. Именно там образуется сок, выжатый из винограда. Деревянная балка, служащая шатуном, выходит из отверстия ствола, проходит над чашей, и встречается со своей второй точкой опоры — рогаткой, которая удерживает её в горизонтальном положении. При

движении пресса конец балки просовывают в отверстие длинного, идеально цилиндрического винта, расположенного перпендикулярно ей. Вращаясь то в одну, то в другую сторону, винт приводит в движение шатун, к которому, как можно предположить, внутри чаши подвешен сам поршень. Такие простые механизмы могут служить столетиями! Но самое интересное в этом устройстве то, как его приводят в движение. Поворотный винт нижним концом упирается в плетёную корзину, заполненную камнями. Трёх пар рук достаточно, чтобы, держась за края корзины, повернуть ось винта и вот — чудо! Пресс работает!

Я видел много рисунков старинных прессов в галерее живописи, но ни у одного из них не было такого архаичного устройства, как у этого. Судя по всему, абхазская модель датируется эпохой Ноя, так как виноградарство здесь ничуть не продвинулось со времён библейского патриарха. Как и в глубокой древности, виноградная лоза в Абхазии растёт свободно, обвивая стволы вязов и дубов, стремясь повесить лучшие свои гроздья на самой вершине этих могучих деревьев. Сбор винограда представляет собой элементы воздушной акробатики.

В Тифлисском музее можно увидеть экспонат, занесённый в каталог как «абхазская корзина для сбора винограда», его возраст насчитывает несколько веков. Так вот, современные корзины точно такие же. Они имеют конусовидную форму и управляются с помощью верёвки, на которой они поднимаются вверх пустыми и возвращаются гружёными, маневрируя между сборщиком, сидящим на дереве и женщинами вниз.

Хозяин дома не имеет ни малейшего представления о французской галантности и очень удивляется, когда я прошу представить меня дамам его семьи. Наконец он подчиняется моему желанию.

Женщины находятся на веранде, который является ничем иным как вторым этажом обычной абхазской хижины, настолько высоким, что образует балкон, куда можно

попасть по внешней лестнице. Внутреннее убранство дома значительно отличает его от бедных жилищ. В единственной комнате царит застеленный коврами диван. Мы возлежим на нём, как на настоящем восточном ложе. Простоватость деревянных решетчатых перегородок исчезает за светлыми шёлковыми тканями, вышитыми серебром или золотом вуалями, полотнами с красными цветами, натянутыми, как бы случайно, но со вкусом.

На паркете расстелен большой персидский ковёр. У задней стены — стол, покрытый белой газовой¹ тканью поверх розовой, что делает его похожим на алтарь. Углы дивана загромождены вуалями и накидками, оставленными элегантными гостями. А это что? Зонтик! Погода сегодня прекрасна, но никогда не знаешь, что может случиться.

С представительницами дома находятся около пятнадцати подруг. Все встают при моём появлении и окружают меня с симпатией и любопытством. Совершенно очевидно, что мы являлись предметом их разговоров с того момента, как прибыли во двор. Особенно любезно меня принимает мать маленькой покойницы. Это высокая, стройная брюнетка с красивыми глазами. Она улыбается мне сквозь свою грусть. Остальные, похожи, больше заинтересованы моим костюмом, чей цвет нерешительно колеблется между рахат-лукумом и какао «Van Houten». Мать скорбным жестом показывает на какой-то предмет на столе, который я сразу не заметил. Это крошечная свеча без пламени, подсвечник в виде штатива удерживает её в равновесии. К воску приклеены пуфы из красного шёлка и спираль из золотой нити.

Я сделал вопросительный жест. Женщина объяснила, что вскоре должен прибыть священник; он произнесёт

¹ Лёгкая полупрозрачная ткань, родиной которой является палестинский город Газа.

молитвы над этим столиком-алтарём, и душа умершего ребёнка спустится в дом, когда он зажжёт эту свечу. Мне кажется, что нигде нет столько суеверий и нелепых обрядов, как в Абхазии.

Все ждали священника. Наконец мы увидели подъехавшего бородатого всадника с длинными, блестящими от грязи волосами, падающими на плечи. Это был он. Спешившись, он быстро пошёл к павильону, а все гости встали на колени на лужайке. В комнате со священником остались только родственники покойницы мужского пола, несомненно, по аналогии с предписаниями православного обряда, запрещающими женщинам вход во святилище. Дверь в павильон остаётся открытой, как царские врата в определённое время литургии, и мы могли следовать всем крестным знамениям и коленопреклонениям священнослужителя. Молитвы произнесли, свеча догорела, душа вознеслась обратно на небо, а мы сели за стол.

Для нас были отведены почётные места рядом со священником, главой стола. А как же хозяин дома? — спросите вы. Ни хозяин, ни члены семьи усопшего, ни близкие, ни дальние, ни мужчины, ни женщины, ни дети за стол не садятся. Они обслуживают гостей. Разве не трогателен этот, в высшей степени братский обычай?

Вот наше меню: виноград, говядина, бульон (который я попросил пощадить), шашлыки из баранины, копченый сыр, мёд и снова виноград. В изобилии вино и национальная *абиста*, кукурузное тесто, сопровождающее каждое блюдо. Кроме абисты, к которой я испытывал непреодолимое отвращение, я ел всё подаваемое. Нам выдали ложки из рога буйвола, вилок не было. Мои пальцы тут же слиплись.

Поведение гостей во время обеда было самым достойным, но Иван предупредил меня, что вечером может случиться что-нибудь неладное по причине большого количества выпитого вина. К сожалению, я уже не мог быть свидетелем ужина, так как время поджимало, нам нужно

было отправляться в путь. Хозяин дома очень огорчён: разве мы не останемся на второй день? Ведь он уже приготовил нам постели на ночь! «Когда ты ещё раз будешь здесь, ты обязан провести ночь под моей крышей!» — говорит он. Да, добрый человек, я обещаю тебе это!..

Такое количество добродетелей и щедрости, я думаю, вполне могут извинить страсть абхазцев к присваиванию чужих лошадей, которые им так сильно понравились. Поэтому я не хочу уезжать отсюда, не приведя обстоятельств, смягчающих их вину. Во-первых, что существенно, абхазец редко грабит иностранца; они воруют друг у друга, а так как находят это вполне естественным, то вреда получается гораздо меньше. Абхазец не станет жаловаться в суд на воровство, совершённое другим абхазцем, в свою очередь он попытается ограбить его, и они будут квиты. Во всяком случае, они действуют так умело и добродушно, что это заставляет их простить.

Один турист путешествовал по Южной Абхазии, где взял проводника-туземца. По дороге к нему присоединились два его соотечественника, так как путешествовали без гида и не знали, как добраться туда, где их ждали. Они вместе доехали до ближайшего духана. Там турист говорит своему проводнику:

— Ты поедешь и проводишь моих друзей, а затем вернёшься сюда. Я запрещаю тебе принимать у них какую-либо плату, ты обещаешь это?

— Клянусь!

Когда абхазец вернулся, он вёл под уздечку двух лошадей.

— Что это? Это же лошади моих друзей! Всё-таки ты их украл?

Абхазец запротестовал. Это действительно лошади тех путешественников, но они им не принадлежали, а были

арендованы и теперь вернулись к своему владельцу вместе с платой за аренду.

— Может быть, — согласился наш герой, — но всё равно, ты их наверняка у кого-то украл.

— Мой Бог! — воскликнул абхазец, — я всего лишь заплатил себе те чаевые, которые вы запретили мне брать у своих товарищей!

Эта история демонстрирует меньшую искренность, но большее изящество! Рассказчик — Иван.

Однажды, в глухом уголке Бармиша, мы ночевали в убогой хижине священника. Проснувшись, обнаружили, что одна лошадь исчезла. «Один из моих прихожан видел, как вы приехали, поэтому пришёл ночью и украл её» — сказал священник, привыкший к таким вещам. Украденная лошадь принадлежала Ивану. Как же наш добрый проводник будет вести нас без лошади? Мы очень волновались. Один Иван не выказал никакого беспокойства.

— Не переживайте. Езжайте три версты вперёд по дороге, на перекрёстке я догоню вас.

Мы повиновались, всё ещё ничего не понимая. В указанном месте мы встретились с Иваном. Он был на замечной лучшей лошади, что была у него прежде. Главное, на ней была лучшая упряжь, а Иван с любовью рассматривал новое седло и стремяна, украшенные изящной чернью. Священник, провожавший нас, усмехнулся. Иван только подмигнул ему и приложил палец к губам. Тогда я понял, что новая лошадь была краденой! Я поразился быстроте дела и случаю, так удачно появившемуся для воровства. Но священник просветил меня:

— Нет, случай тут не причём. Иван прекрасно знает все потайные места: заброшенные хижины, лощины, рощицы, где спрятаны лошади, почти все краденые, которыми пока не пользуются. Когда он увидел себя, лишённым средства к передвижению, то сразу вспомнил об этих тайниках. Вот почему он был совершенно спокоен.

Через несколько поворотов Иван снова исчез и догнал нас через полчаса, уже на третьей лошади, ещё лучше прежней!

— Ты я оставил на месте! Но взял седло и стремяна! — бросил он, обгоняя нас. Он продолжал скакать галопом, пока не оказался на приличном расстоянии, отделяющем его от места второй кражи.

Мы корчились от смеха, причём священник смеялся громче всех. Следует ли сделать вывод, что это климат Абхазии так влияет на нравственные чувства? Нет, правда в том, что в этой стране воровство — не преступление, а всего лишь форма обмена.

По Великому карнизу

Мы только что пересекли огромные поля рододендрона, папоротников, шиповника, передвигаясь то по возвышенности, то в ложбине двойного ряда холмов, тянущихся параллельно морю, и наконец, очутились посреди страны, безусловно, самой возделываемой на всём абхазском побережье. То тут, то там к деревьям был подвешен урожай кукурузы: связками на развилках ветвей или зонтиками на верхушках сухих стволов. Эти подобию наших хранилищ устроены для того, чтобы сохранить урожай от порчи дикими животными, и сам метод стар, как Церера.

Ветви деревьев гнутся под тяжестью винограда. Перекидываясь с дерева на дерево, лозы образуют навесы, способные затмить дневной свет. С этих лиственных потолков, сияющих всеми оттенками золота, свисают чёрные гроздья, которые могут достать только птицы. Пьянящий запах перезрелых плодов витает в этом воздушном дворце свободной лозы. Я замечаю, как кружатся и тяжело падают довольные мухи: они пьяны, как вся полиция Гудаута.

В этой обстановке было что-то обнадёживающее и обещающее скорый обед, всё указывало на близость человеческого жилья. Абхазские сёла нужно искать заранее, так как очень мало домов находится у дороги, ещё меньше тех, где могут предложить что-нибудь, кроме кукурузной лепёшки и копчёного сыра. У нас уже возникли серьёзные опасения, когда после очередного исчезновения, Иван обещал нам вскоре достать одну лишь курицу. «И ещё вот виноград!» — добавил он и тут же ограбил для нас ближайшее дерево. Но это не было воровством, поскольку обычаи страны признают за каждым путешественником право, которым мы только что воспользовались. В принципе, эти добрые люди едва ли собирают половину всего урожая, оставляя остальное гнить на воздухе.

— Дядя, ты правда веришь, что у нас будет курица? — спросил племянник.

— Почему нет? Мне кажется, Иван запасливый человек. Как думаешь?

Оказалось, племянник пошёл обходным путём, чтобы получить разрешение пострелять птиц. Однако эти птицы не были ни вальдшнепами, ни куропатками, ни фазанами, чья родина, долина Фаза, совсем рядом. Это было ничто иное как орлы. Их было так же много, как голубей на Красной площади в Москве.

Наш небольшой отряд шел по первому от основного хребта гребню. Мы покинули кукурузные посевы и виноградные рощи и теперь ехали по потрясающе дикой стране, между двумя долинами-близнецами. Справа и слева они производили одно и то же движение, словно мы видели их через очки стереоскопа. Пришлось значительно отклониться от проезжей части, которая на протяжении десяти лье за пределами Бармыша всё ещё находилась в стадии строительства: бесчисленные траншеи, вырытые поперёк дороги для стока воды, делали движение невозможным. Вот почему мы с большим трудом продвигались через колючие заросли, откуда каждое мгновение вылета-

ли орлы. Известно, что животные проявляют агрессию к человеку только тогда, когда хорошо знакомы с его привычками. Орлы здесь ещё не научились нас бояться, вероятно, поэтому были несколько медлительны. Они словно досадовали на присутствие назойливых людей, отлетая на пятьдесят шагов и садясь на ветку или камешек, а затем, скорее с любопытством, чем со страхом, провожая нас взглядом.

— Ты хочешь убить одну из этих благородных птиц? — спросил я племянника, — Нет ничего проще, чем выстрелить в неподвижную цель. Но, кроме удовольствия от убийства, которое лично я мало понимаю, какую выгоду мы получим от этой стрельбы? Суп из орла совершенно невкусный, а соус отвратителен. Или ты хочешь взять птицу в качестве трофея? Но через три дня этот трофей превратится в вонючую падаль и его придётся выбросить. Не лучше ли просто продолжить наше путешествие под взглядами этих прекрасных птиц, которые нас совершенно не боятся и придают пейзажу особенный вид? Подумаешь, ты хочешь одним выстрелом уничтожить эту красоту.

Несмотря на странность моих рассуждений, они действуют убедительно.

Внезапно наша тропа обрывается, бросая нас в непроходимые болота. Волей-неволей нам приходится вернуться на шоссе, где двигаться дальше, насколько это возможно. Это обойдётся нам дорого, потому что время идёт. Если прошлой ночью мы смогли оборудовать себе ночлег в тесном сарайчике, то теперь не стоит надеяться на подобную удачу. Нам грозит ночь под звёздами посреди замечательной, но небезопасной страны. Мы продолжаем свой путь быстро, бесшумно, не без некоторой тревоги.

Наконец мы прибываем на пост Чабалурхва. Сейчас шесть часов вечера. Тени опускаются до середины гранит-

ного склона, всё основание которого тонет в озере туманов. Долина углубляется под нами, а Чабалурхва находится на одиноком холме. Перед нами — тёмно-красное море сумерек, а уже невидимое солнце всё ещё освещает вершины гор. Мы наслаждаемся этим великолепным зрелищем, пока кузнец подковывает наших лошадей.

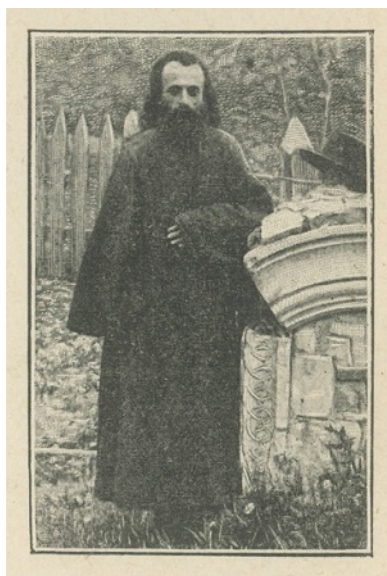
Следующие два часа езды по строящейся дороге стали самыми тяжёлыми во всём путешествии. Через каждые 50 метров путь преграждали траншеи, через которые приходилось устанавливать трапы. Дюжина рабочих согласилась нести их на плечах и наводить переправы более тридцати раз! Они шли впереди, по колено увязая в трясине, потая и сгибаясь под тяжёлой ношей. Перед каждым таким мостиком наши лошади становились на дыбы. Это была настоящая погоня с препятствиями в горах.

Около девяти часов, по темноте, изрядно уставшие, мы, наконец, закончили этот спринт. Но тяжёлый этап ещё продолжался. Пробираясь через реки и болота, мы снова покинули проезжую часть и выбрались к Бармишу по тропе, которую никогда не нашли бы без Ивана.

Главный хребет подходит здесь очень близко к первой линии холмов, и долина между ними сужается больше и больше. Когда вы смотрите вверх со дна этого каньона, полоска неба похожа на горизонтально развевающийся флаг и кажется шире или уже в зависимости от игры его фалд. Здесь вы чувствуете такую же подавленность массой гор, которая ощущается в Дарьяльском или других подобных ущельях. Есть что-то невыразимо тягостное в этом ландшафте, связанное даже не с цветом, а со структурой. Эти склоны я бы сравнил с волнами суши, несущимися навстречу морским волнам. Разбиваясь, они вдруг меняют направление и идут назад, к горам. Находясь между этими гигантскими гребнями, вам кажется, что над вами нависла

угроза бедствия по причине неведомого кораблекрушения. Сердце сжимается при мысли, что люди могут жить в таком месте...

Однако около сорока человек живут здесь по хижинам, разбросанным далеко друг от друга, в окружении зарослей, что скрывают их из виду. Здешные жители составляют паству достойного священника Аввакума, который в десять часов вечера пожелал оказать нам гостеприимство в своём домике. Бедный Аввакум! Его мать и сестра сначала поселились с ним, но через время не выдержали этого испытания. И теперь священник остался один, даже без слуги (он слишком беден), занимая одну из хижин заброшенного абхазами подворья. Он обмазал плетёные стены глиной, соорудил кровать из досок на двух козлах, дополнил обстановку двумя стульями и столом. В углу он установил покрытый ветхой тканью аналой с Евангелием и святые иконы.

Отец Аввакум

А где же церковь? Церковь расположилась в нескольких лье отсюда, в такой же хижине, где Богу едва ли живётся лучше, чем Его служителю. Двери и окна в хижине Аввакума не закрываются. Любой зверь может сюда пожаловать, и они часто наносят ночные визиты. Что касается воров, то священник их не боится и не без причины: нищета как дома, так и его обитателя не поддаётся никакому воображению. У Аввакума нет белья, единственную одежду он снимает лишь для того, чтобы искупаться в ближайшей речке. Питается он хлебом, что приносят его прихожане, иногда убивает дичь и пьёт только воду.

— Добро пожаловать! — говорит падре и, как отец Иерон в Новом Афоне, добавляет: — Поужинаем, чем Бог послал.

Оказалось, что Божия щедрость в этот вечер ограничилась несколькими сухарями. У меня осталось немного винограда, почти полная бутылка вина, две банки консервов, менее подозрительных, чем те, о которых я уже рассказывал, и ещё надежда на обещанных Иваном цыплят. Он, кстати, уже исчез, предав нас священнику Бармиша.

— Я помогу Господу, — сказал я, — а вы поможете нам доесть наши запасы.

Мы были ужасно голодны и, хотя Аввакум утверждал, что у него есть ещё «суп», моё предложение наполнило его чуть заметной радостью. Наше дорожное одеяло хотя и было весьма грязным, но казалось чище, чем наш стол. Поэтому мы использовали его вместо скатерти. Мы придвинули стол к кровати, чтобы увеличить количество мест, и приступили к первому блюду с аппетитом, презиравшим всякую деликатность. Вместо вилок нам служили пальцы, а тарелками — большие ломти хлеба. Бутылку мы пустили по кругу и пили из неё, как посетители лорд-мэра пьют из одной чаши¹. Вдруг радостное «ура!» потрясло стены хижины, не привыкшие к таким праздникам: вошёл Иван, неся на блюде двух жареных цыплят! Из-за своей худобы эти птицы выглядели комично и были похожи

на двух маленьких, искривленных обезьянок. Тем не менее, это были молодые цыплята, очень нежные и вкусные. Иван поймал их... в чьём-то загоне, забил, выпотрошил и пожарил в одной из пустых хижин, стоящих недалеко от нашего пристанища.

Аввакум ел за четверых и с трогательной простотой заметил, что уже много лет не устраивал подобного пира.

Ночь была менее радостной из-за поедавших нас блох. Затем, когда мы проснулись, обнаружили пропажу лошадей. Эту историю, которая так ярко показала гений нашего абхазского гида, я рассказал выше.

Мы выехали ранним утром, после ночного урагана, который ужасно потрепал деревья. Горы представляли ещё более любопытную картину, чем ту, что мы наблюдали в Чабалурхве. Здесь туман спускался сверху, скрывая гребень широкой свинцово-серой полосой, в то время как нижняя часть гор, казалось, горели приятным розовым светом. Лучи рассвета касались невидимых вершин и, отражаясь от них, бросали блики на склоны. Всё это создавало странный и восхитительный эффект светового водопада, вытекающего из туманной массы.

Отец Аввакум пожелал проводить нас до пределов своего прихода, как того требовали, как он сказал, законы гостеприимства. Он присоединился к нашему отряду, и на протяжении нескольких лье мы созерцали его гордую фигуру всадника. Высокий, худощавый, в ветхом коричневом платье, с длинной черной бородой и вьющимися волосами, развевающимися на ветру, постёгивая плетью по бокам лошади, он выглядел в седле безупречно. Когда мы пересекали ландшафт, пожалуй, самый удивительный

¹ Серебряная чаша с двумя ручками, из которой пьют участники лондонских банкетов.

на всём побережье, и на повороте дороги, между двумя голубыми долинами, перед нами вырос десятивековый дуб, огромный и одинокий, словно декорация, я всё равно не мог оторвать глаз от этого кентавра, делающего окружающий пейзаж незабываемым.

«Часто бывает, — пишет один фламандский писатель, — достаточно увидеть одного коренного жителя, который, как символ, воплощает всю природу, всё величие его страны». Скромный Аввакум и не подозревает, что его прекрасная фигура, неподвижная в седле, как статуя, стала для меня образом всей поэзии этих гор.

...Постепенно двойной ряд холмов, между которыми мы следовали от Гудаута, постепенно понижается и выходит к морю. Вместе с ними вырастает и главный хребет, прижимая нас к береговой линии. Ледяные вершины надолго останутся скрытыми от нас за черной массой лесов, покрывающих обрывы, спускающиеся прямо к дороге. Но между нами и морем остаётся ещё остаётся пространство в четверть лье, поросшее дикими яблонями. Каждую ночь туда спускаются медведи полакомиться маленькими жёлтыми плодами, которыми в это время покрыты деревья.

...Около двух часов, при свете солнца, растопившего утренние облака, мы подходим к одному из чудесных мест этой страны — выходу долины реки Бзыбь. Как и следующая за ней Мзымта, Бзыбь — большая река. Эти потоки, как замечает Элизе Реклю, приобрели известное значение вследствие параллельности основного хребта и береговой линии, между которыми заключено их течение. «Большинство этих долин несут на себе следы древних озёр, что были опустошены либо ручьями, либо подземными протоками. Современные реки здесь выходят из пещер, вырытых в юрских известняковых скалах. Таким образом Мичич¹, изображаемый на большинстве карт самостоятельным водотоком, в действительности является рукавом Бзыби, текущим под горой Псху и вы-

ходящим на поверхность в скалах, недалеко от моря. Скрытая часть потока оценивается в три километра².» Если это действительно так, то река Мичич стала единственной, которую мы пересекли по суше.

На выходе из узкого ущелья, где глаз теряется в перспективе одинаковых склонов, сначала изумрудно-зелёных, потом кобальтово-синих, а вдалеке — серебристо-голубых, широкая и стремительная Бзыбь пересекает усыпанный цветами луг, похожий на двор перед древним храмом. Византийские руины, удобно расположившиеся на краю долины, придают нотку искусства этому величественному ландшафту.

По дороге мой племянник раздобыл кабана, только что убитого абхазскими охотниками. Переправившись через реку, мы устраиваемся в расщелине скал и там жарим этого зверя, быстро разделанного нашим драгоценным Иваном. Помимо характерного цвета дичи, в этой еде не было ничего особенно изысканного. Как и зайчатина, мясо кабана требует долгой выдержки перед приготовлением.

Мои читатели, возможно, недоумевают, почему я так часто пишу о еде. Но попробуйте сами отправиться в путешествие по этим странам, и тогда вы поймёте, как презренная необходимость может значительно возвыситься перед самыми благородными порывами души!

После обеда мы расстаёмся с добрейшим отцом Аввакумом, который оставляет нас со слезами на глазах. Продолжая путь в Гагры, мы входим в лес, возможно, не имеющий себе равных на всём земном шаре. Представьте себе участок леса Фонтенбло, называемый «кварталом художни-

¹ Имеется в виду река Мысра (Мюссера).

² Недалеко от Гагры, в берега моря, наблюдается подводная река. Также интересно устье Бзыби: вероятно, в прошлую историческую эпоху оно находилось к югу, а теперь протекает северней посёлка Пицунда (прим. автора).

ков», увеличенный по площади в двадцать или тридцать раз, сделайте его деревья ещё более высокими, разбросайте их по крутому склону, срывающемуся в море, покройте землю лавинами азалий — и у вас создастся только тень реальной картины этого пейзажа мечты, ибо я бессилен его изобразить. Этот Эдем сказочно преобразается в зависимости от времени суток и движения дороги.

Пройдя два или три лье среди этого волшебного видения, мы следуем ещё столько же до северной границы абхазской страны, которая протекает по массиву Гагры. Справа от нас опушка леса представляет собой непроницаемую стену растительности. Думаю, только рептилии могут проскользнуть сквозь этот зелёный щит. Здесь обитают только змеи. Моему племяннику повезло убить одну из них, очень длинную, черную и достаточно страшную. Он оглушает её ловко брошенным камнем с доблестью, достойной самых восторженных комплиментов. «Этих существ ты можешь набить, сколько хочешь, но орлов следует уважать!»

Здесь часто совершаются ограбления. Некоторые путешественники, направляясь из Гудаута в Адлер, исчезли, не дойдя до Гагры. В этом диком одиноком месте действительно нет ничего проще, чем убить человека и доверить его труп вечной тайне болотистого подлеска. Соучастие природы смеется над светскими законами, моралью и всем общественным строем.

Иван идёт впереди нас, просматривая местность, и держит винтовку взведённой. Наступает ночь, темнеет несколько медленней из-за близости огромного отражателя света — моря. Первые звёзды загораются над гребнем гор, которые всё ближе подталкивают нас к берегу, пока между ними не остаётся только узкая полоса дороги. Царит необыкновенная тишина. От моря не слышно ни звука. Ничто не выдаёт жизни в лесу, где мы мчимся, дрожа, не слыша даже стука копыт, заглушаемого толстым слоем травы, превратившим дорогу в цветочную клумбу.

Если разрезать ландшафт Гагры плоскостью, параллельной морю, то мы бы увидели фигуру, напоминающую силуэт альбатроса. Тело птицы представлено выступающим мысом, а крылья – береговой линией, описывающей справа и слева огромные изогнутые линии. На дальнем конце мыса, где находилась бы голова летучего гиганта, находится широкий четырёхугольник разрушенных стен. Это древний форт. Море бьётся о его могучий, белый среди зелени, фасад. В ограде растут гигантские деревья, мхи, буйная трава, покрывающая все щели и неровности стен. Посреди этого дикого парка, изображённого природой на обломках человеческого сооружения, между призрачными горами и поющим морем, расположились две хижины из досок — вот и вся Гагра. На десять лье в любую сторону мы тщетно искали бы следы человеческого жилья. Даже необитаемые острова Тихого океана не могут создать ощущения более полной изоляции. Но красота природы пленяет наше воображение, кажется, что это никогда не наскучит. От этих пейзажей можно сойти с ума, но привыкнуть к ним, как к улицам у дома, где вы живёте, невозможно.

О, тень Октава Фейё¹! В этих руинах, куда мы попали при романтическом свете луны, я вспомнил всех твоих героинь! Также я думал о тех тысячах поверженных воинах, что спустились по этим суровым горным склонам, вышли в море, последний раз взглянули на родину, которая им больше не принадлежала, и исчезли за горизонтом. Я обнаружил, что реальная сцена этих событий превосходит самый гениальный художественный вымысел.

Ночью мы были разбужены сильным шумом. Во двор вторглась стая шакалов, видимо, сражаясь за какую-то падаль. Некоторые животные вплотную подходили к стенам

¹ Французский писатель, герои которого имели преувеличенные благородные или порочные черты.

хижины. Племянник хотел выйти и отпугнуть их огнём, я также чувствовал себя достаточно храбрым, чтобы поддержать его, но Иван помешал нам, сказав, что это может быть опасно, к тому же стены нашего дома достаточно прочны и могут выдержать более серьёзное нападение. В течение получаса во мне боролись страх и отвращение, но едва забрезжил рассвет, стая исчезла. Я говорил вам, что в Гагре нам не приходилось скучать!

На следующий день мы проехали ещё семнадцать вёрст по карнизу, о котором я упоминал в начале этого рассказа. Он является настоящим шедевром главного инженера шоссе. Если читатель не забыл, горы здесь вплотную подходят к морю. Это позволяет представить важность и сложность проблемы, которую удалось решить путём высечения проезжей части прямо в скале. Эта воздушная, головокружительная дорога изумляет. Мы движемся по узкому полотну между отвесными стенами, идущими вверх и вниз. По скрипучим мосткам пересекаем горные складки, образующие острые углы ущелий, где с безумной высоты падают в море водопады. Их окружают каскады цветов, белых, синих и кроваво-красных.

Сейчас 10 ноября, но это не мешает солнцу быть ярким и тёплым. В его лучах отвесная слюдяная скала горит, как алмаз. Над ущельем нависают гранатные и олеандровые деревья. По всему склону высятся величественные сосны, качая на ветру орлиные гнёзда. Почти все они располагаются вдалеке друг от друга, словно желая произвести впечатление одиноких громадин, дать возможность восхититься мощью своих корней, и почти все, повторяю я, несут на себе следы молний. Из-за ужасных гроз, бушующих на этих горах, вид гигантов с воздетыми к небу ветвями, похожими на человеческие руки, поддерживающие небо, не может оставить равнодушным. Этот великолепный кар-

низ, который ещё прославят будущие туристы, этот сосновый берег, с которым не сравнится побережье Прованса, заставили меня задуматься о некоторых пейзажах Гюстава Доре, но я должен сказать, что сравнение вышло не в пользу рисовальщика. Фантазийный жанр определённо является наименее художественным, весь его секрет состоит в том, чтобы разрушить гармонию и исказить пропорции безупречной природы. Но тут, даже в самых ярких и извращённых фантазиях, натура сохраняет тот баланс линий и цветов, что остаётся вечным законом пластического искусства.

...Посёлок Пицунда находится недалеко от Гагры, но необходимость пополнить запасы заставляет нас отказаться от этой поездки. До наступления темноты нам необходимо добраться до Ардилера, а это ещё тридцать вёрст по малозаметной дороге. Страна, полная контрастов, приучила нас к неожиданностям. С освещённого солнцем карниза мы попадаем в царство теней и сырости. Это Мзымтинский лес, самый обширный на всём побережье, девственный, словно африканские джунгли. Он простирается до Сочи, прерываясь реками с тяжёлыми, сизыми водами, проход которых опасен в любое время и невозможен четыре месяца в году. Невозможно и шагу ступить без предварительной работы сапёрного отряда. Видны только вершины деревьев. Здесь нет открытой земли, как в наших гостеприимных лесах на западе. Самшит, обвитый лианами, скрывает все перспективы по бокам от тропы. Терпкий запах влажной растительности проникает в мозг. Здесь не хватает воздуха, мы задыхаемся, мы раздавлены этими зелёными стенами и сводами, которые никогда не пропускали солнечного света.

Внезапно мы выходим на поляну, где посреди естественного ограждения, образованного гранатовыми деревьями, мы видим разрушенную церковь с кладбищем, где почти на всех могилах сохранились кресты. Бывают эмоциональные потрясения, которые неописуемы! Я никогда

не был так взволнован, как при виде христианского кладбища с руинами церкви в этом диком царстве природы. Скользкие рептилии и бродячие ночные хищники сегодня являются единственными хозяевами места упокоения многих человеческих поколений.

Дорога вновь превращается в трясину, и наши лошади отказываются идти. К счастью, Иван, хранилище всех лучших идей, знает толк в здешних тропах. Он выводит нас на морской берег, и дальше мы движемся в зарослях мушмулы и терновника, обдирая одежду. Зато теперь имеем удовольствие свободно дышать и видеть море слева от нас, ледяные вершины справа и любопытных друзей — орлов — почти в пределах досягаемости.

Устье реки Мзымта вынуждает нас подняться вверх по руслу до того места, где должен быть мост. Для этого нужно снова вернуться в лес.

Не предаст ли меня моя удача? От моста, строящегося через широкую, как Сена, Мзымту, возвышаются только сваи. Ещё вчера через них была переброшена балка, позволяющая пройти тем, у кого верная нога и не мучает головокружение. Но сегодня утром её сняли, и никто не заботится о том, чтобы вернуть её обратно. Придётся пересечь воды Мзымты без помощи гражданского строительства. Монсеньор племянник, отличный пловец, не упускает возможности продемонстрировать свои таланты: он прыгает в реку и вскоре оказывается на другом берегу, поразив нас своими стремительными взмахами. Я и мои спутники скромно полагаемся на лошадей, которые начинают плыть, как дельфины, погружая нас в воду. Промокшие до самых плеч, мы имеем счастье быть принятыми рабочими в их бараке и погреться у большого костра. Восхитительное ощущение! Ради этого я мог бы повторить всё путешествие сначала.

Согреваясь, я ласкаю маленькую пленницу-лань, которую поймали в ловушку. Из её носа течет кровь. Бедняжка, ошеломленная болью, осталась без содрогания под прикосновением моей руки. Не верилось, что она жива.

Уже довольно поздно, когда мы наконец побуждаем друг друга отправиться в путь. Мы идём через рощу высоких дубов и буков, прямых, как колонны. Тишина, усиленная сумерками, так тяжела в этом лесу, так действует нам на нервы, что мы с нетерпением ждем, когда вдруг услышим ужасные лягушачьи оркестры. На Кавказе всё огромно и непомерно. Навстречу нам попадаете стадо испуганных коз. Лоб их вожака вооружён огромными рогами, скрещенными в виде буквы Х.

Прибытие в Ардилер после форсирования другой реки, которую мы перешли только по колено, было отмечено инцидентом, очень лестным для моего самолюбия. В день моего отъезда из Новороссийска капитан Х. специально доложил обо мне всем инженерам дорожных участков, что принесло бы величайшую пользу, если бы я постоянно двигался по дороге в направлении Сухума. Но мы видели, к какой стратегии меня вынудили дождь и плохое состояние дороги. Между тем в лагере Ардилер весть о приезде некоего *короля* распространилась среди рабочих и не преминула произвести там сильное волнение по той причине, что «Carol» (по-русски произносится «король») означает царь. Две недели эти славные люди ждали провозглашенного монарха и удивлялись, что он так и не прибыл. Но вот наконец он появился! Правда, с юга, а не с севера, как было объявлено, но это не имело значения, ведь у королей иногда бывают причуды.

Наверное, вы догадались, с каким уважением рабочие окружили меня, как только я назвал своё имя. Мне потребовалось не менее получаса, чтобы разубедить весь лагерь, и в течение этого времени надо мной продолжал сиять ореол царственности. Этого короткого опыта мне хватило, чтобы понять, что у меня нет качеств всенародного пастыря.

В тот вечер моё величество имело великое счастье спать в хорошей постели под крышей человека по фамилии Битсен.

Мне нечего больше рассказать об Ардилере, где мы снова оказались пленниками плохой погоды на два дня. Наше путешествие в сторону Сочи закончилось плачевно под неослабевающим дождём, когда низкие облака скрывали окружающий ландшафт. Мы испытали большое облегчение, когда смогли сесть на борт «Великого Князя Михаила» и отправиться в Сухум, пообедав в мраморной столовой этого очень удобного корабля. Нам было необходимо вернуться в Сухум, чтобы забрать туда корреспонденцию и багаж. Вскоре погода снова стала прекрасной; ясным днём мы снова отправились по Черному морю, береговая линия которого была нам уже знакома.

О, сладостное, волшебное, незабываемое путешествие! В последний раз мы смотрели на побережье Абхазии, этой страны чудес, этого театра с тысячей неподвижных и меняющихся декораций. Цепью голубых колоссов, господствующих над зелёными холмами, Великий Кавказ разворачивал своё знамя вечных снегов. А позади нас, на южном горизонте, от Батума до Трапезунда, из морских волн выходила другая горная цепь — Антикавказ, сплошь покрытая снегом, горящим на солнце. Длинные вереницы диких гусей и бакланов полосовали море. Вода словно состояла из драгоценных камней, сияющих лазурью и золотом. На палубе мегрельский певец очень красивым голосом оплакивал свою родину. На каждой остановке в портах, на фоне черных бортов нашего корабля танцевали целые флотилии шлюпок, окрашенных в яркие цвета, наполненные пассажирами в причудливых костюмах.

На небе сгущались необыкновенные сумерки. Мы видели, как вокруг солнца образовалось огромное фиолетовое облако, похожее на фигуру русского орла с кровоточащей дырой в груди.

Среди пейзажей этой волшебной страны мы плыли в Крым.

Оглавление

Биография	4
К русскому читателю	8
Предисловие	16
Через цепь	33
В Чёрном море	33
В стране аргонавтов	46
Неделя в Тифлисе	49
По Военно-Грузинской дороге	62
Кубань	86
Новороссийск	96
Восточное побережье Черного моря	108
Забывтая страна	108
Из Новороссийска в Туапсе	116
Уничтоженный народ	132
Кавказский Эдем	162
В Новоафонском монастыре	178
Гудаут и Лыхны	194
У Абхазов	207
По Великому карнизу	223

Жан Кэрл

Русская колонизация: две кавказские дороги

Переводчик Марина Спасёнова

Художник (обложка) Олег Фёдоров

ISBN 978-5-0056-7541-5

9 785005 675415 >